

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

XVI

Этнокультурная история народов Урала
XVI–XXI веков

Проблемы этнической идентификации
и культурного взаимодействия

XXI

Екатеринбург, 2005

Редакционная коллегия:

В. В. Арсентьева

Е. А. Козырина

Этнокультурная история народов Урала XVI-XXI веков. Проблемы этнической идентификации и культурного взаимодействия. / Сост. В. В. Арсентьева, Е. А. Козырина — Екатеринбург: Свердл. обл. межнац. б ка, 2005. — 140 с.

Ответственный за выпуск: Т.Х. Новопашина

Вступление

Древняя история народов Урала еще не написана. Эту задачу предстоит выполнить крупному коллективу ученых различных специальностей: историков, археологов, этнографов, антропологов, языковедов. Но огромное количество археологических памятников, открытых и изученных на Урале, позволяет уверенно утверждать, что далекие первобытные предки уральских народов прошли долгий путь, полный невероятных трудностей в борьбе с природой, в борьбе за овладение дарами природы.

Древние племена Урала — современники Египта, античной Греции, Рима, полноправные участники процесса исторического развития человечества. В ряде культурных достижений уральские племена шли впереди «классических» стран древности. У племен приуральских степей лошадь появилась не позднее, чем в Египте, — во II тысячелетии до нашей эры. Наши степняки изобрели саблю — более совершенное оружие, чем меч, и пользовались ею раньше народов Западной Европы и арабского Востока.

Древнее население Урала не стояло в стороне от больших исторических дорог. Археологические памятники свидетельствуют о тесных культурных связях Урала со Средней Азией, Сибирью, Причерноморьем еще за тысячи лет до нашей эры.

История народов Урала — одна из интереснейших страниц в истории нашей страны. Урал — стык Европы и Азии. На Урале смыкаются полоса леса и полоса степи, равнины и горы, юг и север. Это не могло не отразиться на своеобразии археологических культур Урала. Различные его районы испытывали влияния различных соседей. Различие природной обстановки не могло не иметь своего значения в формировании особенностей производственной деятельности, быта и т. п.

Уральский регион как часть Евразийской степи был с древности ареной постоянных перемещений народов, что также повлияло на его специфику. С одной стороны, она определяется преемственностью в развитии культуры, с другой — только для уральского региона характерным набором культурных компонентов. За период древ-

ность-средневековье на Южном Урале сменилось три этнических пласта: протоуральский — протоиранский — тюркский. От каждого из них сохранились многочисленные памятники археологии. На завершающем этапе средневековья регион стал пограничной зоной формирования двух коренных народов — башкир и казахов.

С XVII века начинается освоение края восточными славянами. В XVIII–XIX вв. в южной части современной Челябинской области возводятся две линии оборонительных укреплений. К началу XX века здесь сложился достаточно пестрый этнический состав населения, неоднородный в сословном отношении (крестьяне, казаки, горнозаводские рабочие), сформировались города и городская культура. Все это определяет познавательную ценность истории и культуры народов уральского края не только в региональном плане, но и в общеисторическом.

Каким образом древний Урал оставил след в современной жизни? Как повлияли процессы, происходившие в XII–XVIII веках на современную культуру уральских народов? Круг этих вопросов и стал темой ученической конференции Свердловской областной международной библиотеки «Этнокультурная история народов Урала XVI–XXI веков. Проблемы этнической идентификации и культурного взаимодействия». Интересна конференция тем, что основными докладчиками выступали учащиеся ГОУ «Школы народной культуры». Этнокультурное образование в Свердловской области является одним из приоритетных направлений и успешно развивается на протяжении многих лет. Реализация ее может принимать разные формы. В данном случае — это ученическая конференция СОМБ, материалы которой предлагаются в данном сборнике.

Исторические аспекты появления этносов на Урале

На протяжении веков Урал развивался как территория с полиэтничным составом населения. Коренным населением Урала, как свидетельствуют дошедшие до нас источники, являлись предки современных хантов и манси (остяки и вогулы). Однако процессы его колонизации другими народами начались достаточно давно.

Начало русской колонизации Урала связано с Новгородскими и Владимиро-суздальскими князьями. К 12 веку походы новгородцев в югру (территория между Печерой и Уральским хребтом и Северное Зауралье) для сбора дани у местного населения становится регулярным. Образовав Вятку (Хлынов), который в то время стал форпостом для дальнейшего продвижения на Урал, новгородцы передали этому населению и свои традиции, в частности верховной властью в городе обладало народное собрание — вече. В то же время был заложен и Великий Устюг, ставший опорной базой владими́ро-суздальцев. Освоение этого направления русскими развивалось в противодействии с Волжской Булгарией, могущественным государством, население которого было предками современных татар.

Позже, в 13-14 веках на формирование этнической карты Урала большое влияние оказало татаро-монгольское нашествие. Следствием «великого похода» монголов и покорения ими половецкой степи был приток кочевников — половцев в Поволжье и на юг Урала. Булгары и половцы приняли активное участие в этнических процессах на территории Приуралья, прежде всего в этногенезе башкир. Финно-угорское население Приуралья постепенно мигрировало на север в лесные районы. Та же часть, которая осталась на прежних местах, постепенно подверглась тюркизации.

Дальнейшая колонизация нашего региона русскими происходила уже после образования Московского государства. Продвижение в регион было связано с преодолением сопротивления Казанского и

Сибирского ханства, приуральских манси и вятской вольницы (воспринявшей новгородские традиции).

Территория Урала к концу 15 века уже была населена уграми, коми-зырянами, коми-пермяками, удмуртами, марийцами, казанскими татарами, башкирами, югрой, народами ханты и манси. В результате походов Ермака в 16 веке продвижение русских в Зауралье стало процессом необратимым. В это время преобладающим населением в регионе становятся русские.

В 17 веке продолжались процессы этнической консолидации нерусского населения Урала, границы расселения этих народов приближались в то время к современным. В течение следующего века усилилось движение татар, мордвы, чувашей, марийцев из Поволжья в Приуралье и на Южный Урал. На протяжении 18 века возросла и численность нерусского населения на Урале. Самым многочисленным народом оставались башкиры. Завершился процесс слияния северных и южных удмуртов в единую удмуртскую народность. У манси продолжался отток на северо-запад, либо шли процессы обрусения и многие в конце века «писались» русскими. Ханты в местах контактов с ненцами оленеводами — оненечивались. Те же ханты, которые испытывали сильное влияние манси — переселенцев, к концу столетия были ассимилированы последними.

Эти сведения сегодня общеизвестны. Однако в целом на рубеже 19-20 века отечественная этнография располагала достаточно ограниченными материалами о народах Среднего Урала и менее всего о русском населении, который, как мы уже говорили выше, с 17 века являлся самым многочисленным.

Впервые систематизированный этнографический материал о народах Среднего Урала был приведен в книге «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», изданной в 1776 году. В 1804 году эти вопросы были обобщены в двухтомном издании «Хозяйственное описание Пермской губернии».

С середины 19 века среднеуральским народам уделяли внимание путешественники и публицисты. Примеры таких описаний вы можете обнаружить в некоторых современных изданиях, которые сегодня доступны практически любой библиотеке. Но ни один из авторов на основании своих наблюдений не подготовил обобщающих этнографических трудов. Этнографические исследования поощрялись Уральским обществом любителей естествознания, которое представляло их в Екатеринбурге на Урало-Сибирской научно-промышленной выставке. Обобщающим, но не столь полным, как по другим регионам России, явился изданный в 1905 году иллюстриро-

ванный том «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (под ред. П. П. Семенова Тянь-Шанского) Именно эти издания были использованы исследователями для воссоздания этнической карты Урала, определения мест проживания различных народов.

Подлинный всплеск исследований об этногенезе и этнокультурном развитии народов Среднего Урала произошел во второй половине 20 века. Огромная роль в этом принадлежит ученым, этнографам и антропологам академических учреждений. Подробное описание этих работ, их значение для современной этнологии подробно раскрывает Г. Н. Чагин в статье «Народы Среднего Урала в отечественной этнографии второй половины 20 века», опубликованной в № 7 Уральского исторического Вестника. Он же является автором монографии «Этнокультурная история Среднего Урала в конце 16 — первой половине 19 века» (1995)

Вся эта литература раскрывает историю тех народов Урала, которых сегодня принято считать коренными, или, корректнее было бы называть старожильческими (используя терминологию того же Чагина), ибо, как нам известно, коренными на среднем Урале были ханты и манси, которые на протяжении веков либо ассимилировались с колонизаторами, либо исчезали. Процессы же колонизации происходили под влиянием экономического развития.

Экономическая привлекательность региона способствовала его заселению народами, которые занимались земледелием и вели оседлый образ жизни. Те же, кто жил за счет охоты и рыболовства либо оттеснялись на Север, либо также переходили к оседлости, ассимилируясь с колонизаторами.

Этнический состав Среднего Урала сегодня еще более многообразен. Сегодня в нашей области проживает представители 160 национальностей. Урал остается, по-прежнему, экономически одним из самых привлекательных районов России. С каждым годом растет число этнокультурных объединений и организаций в области: если в начале 90-х их было 16, то сегодня около 120. Академическим ученым еще предстоит изучение процессов формирования этнических диаспор и их взаимодействия со старожильческими этносами. Эта

О. И. Станкевич
Доцент ИРРО

З. М. Шаймухаметова
Методист отдела международных связей ИРРО

Национально-региональный стандарт образования Свердловской области: проблемы, практический опыт, перспективы

Институт развития регионального образования (ИРРО) Свердловской области с 1995 года занимается разработкой национально — регионального компонента образования, и в 1999 году регион в числе первых в России устанавливает областной (национально — региональный) компонент Государственного образовательного стандарта (НРК ГОСт) в сфере дошкольного, начального основного, основного общего, среднего (полного) общего образования¹. Культурно-историческая содержательная линия включает предметы: История Урала, Художественная культура Урала, Этнокультурология, Родной язык и др. Этнокультурное образование выделено как одно из приоритетных в рамках культурно — исторической содержательной линии. В предметной специализации «Родной язык» стандарты разработаны по татарскому, башкирскому, марийскому, украинскому языкам. В принятом документе отмечается, что рамки стандарта являются открытыми и для других языков. Институтом развития регионального образования Свердловской области (ИРРО) разработаны методические рекомендации по созданию организационно — содержательных и педагогических условий реализации НРК ГОСа². На основании Постановления Правительства Свердловской области № 260 — ПП от 15 марта 1999 года предметы НРК ГОСа финансируются из областного бюджета.

Цель данного исследования: систематизация и осмысление накопленного опыта реализации НРК ГОСа (культурно — историческая содержательная линия: предметы «Этнокультурология», «Родной язык» в образовательных учреждениях Свердловской области).

Этнокультурная составляющая регионального компонента образования предполагает вариативное наполнение и представлена в образовательных учреждениях Свердловской области в различных типах и многообразных формах.

Школа народной культуры в Екатеринбурге (директор — Я. Г. Смирнова) предлагает модель комплексного изучения и освоения этнокультурных традиций России (и Уральского региона). Этнокультурная направленность осуществляется через углубленное изучение русской традиционной культуры, духовного наследия России в предметах базисного учебного плана (история, литература, риторика, МХК, изобразительное искусство, музыка), НРК ГОСа (история Урала, культура Урала, этнокультурология и т. п.), систему дополнительных курсов (народная борьба, славянская азбука и т. п.). Школа проводит культурологические и краеведческие практики, школьные и научно — методические конференции. Педагогический коллектив школы объединяет ведущих специалистов — практиков и исследователей народной культуры (историки, этнографы, фольклористы, этномузыковеды и т. д.).

Достаточно распространен в образовательных учреждениях Свердловской области интегративный подход: народная культура системно осваивается в рамках базовых дисциплин (изобразительное искусство, музыка, литература, МХК, история) по рабочим интегративным программам педагогов. Достаточно перспективно подобное направление и для дошкольных учреждений. Рабочие интегративные проекты составляются на базе комплексных программ дошкольного образования («Радуга», «Развитие» и т. д.).

Обширный опыт преподавания специального предмета «Этнокультурология» представляет собой сложную палитру уровней проникновения в мир народной культуры: от примитивных, стихийных форм до системных авторских проектов. Из опубликованных соответствующих курсов учителя предпочитают федеральные образовательные программы М. Ю. Новицкой «Введение в народоведение», «Мир народной культуры», наполняя их региональным содержанием. Наиболее интересные и основательные авторские региональные программы представлены в программно- методическом комплекте «Этнокультурное образование» и рекомендованы Министерством образования Свердловской области³. Издание, подготовленное доцентом ИРПО Н. П. Лабзенко, отражает десятилетний опыт становления этнокультурного образования.

В 2002 году появляется программа учебного курса по этнокультурологии и учебное пособие для учащихся 10-11 классов «Народы и

культуры Урала в XIX — XX вв.»⁴, разработанные известным ученым, заведующим кафедрой древней и новой истории России Пермского государственного университета, доктором исторических наук, профессором Г. Н. Чагиным. Книга для школьников содержит материал о народах, живущих в нашем регионе, их истории и культуре, собранный в архивах и музеях, во время многочисленных экспедиций. Данное издание может быть использовано и преподавателями истории, МХК, литературы для разработки занятий по традиционной культуре Урала. К сожалению, имеющиеся на данный момент, разрозненные данные не позволяют обобщить опыт использования данной образовательной программы в педагогической практике.

Наиболее разнообразны формы этнокультурного компонента в системе дополнительного образования: кружок народных игр, фольклорный ансамбль, декоративно — прикладная студия, мастерские, факультативные курсы по изучению фольклора, этнографии, народной культуры и т. п.

Интересный опыт реализации этнокультурной составляющей в условиях села представлен в Андроновской средней школе Слободо — Туринского района (директор А. Е. Потапова). Школьный этнографический музей стал не только местом экспозиций, проведения экскурсий и занятий, но и «живым» центром социокультурного развития села. В музее не только кропотливо собираются этнографические экспонаты, технологии изготовления изделий народных промыслов, но и возрождаются мастерские, народные традиции. Календарные праздники собирают различные половозрастные, социальные группы в единый социум.

Уникальные экспонаты марийской традиционной культуры другого сельского музея с. Юва Красноуфимского района (директор музея Н. Ф. Исаева) вызывают интерес не только специалистов — практиков, но и видных ученых. Традиционные формы работы музея органично дополняются освоением русской и марийской народной культуры (в селе — марийская диаспора), изучением курса «Этнография народов Урала» (автор — Н. Ф. Исаева). Этот ценный опыт содружества культур и народов Урала, развития личности в поликультурном социуме является перспективной образовательной моделью и для уральского города.

Исследуются и возможности интеграции этнокультурной составляющей в современные образовательные программы: «Азбука общения» (социальное — психологический курс, для детей дошкольного возраста), «Языки искусств» (культурологический курс, для детско — родительских групп), психологические тренинги детско — роди-

тельских отношений и др. Изыскания и проектирование программ осуществляется коллективом специалистов различных областей знания под руководством доцента ИРРО О. И. Станкевич на базе клуба семьи «Кенгуру» («Сказочная страна на Готвальда» МЦ «Новая Авеста» г. Екатеринбурга).

Институт развития регионального образования Свердловской области с 1995 года обучает слушателей по программе повышения квалификации «Введение в педагогическую этнокультурологию»¹. Программа курса разработана коллективом специалистов различных областей знания (Н. П. Лабзенко, О. И. Станкевич, И. А. Бадалян, А. А. Бобрин, О. В. Вопилова, О. Б. Ворончихина, О. А. Каткова, С. Н. Кучевасова, Н. А. Миненко, В. А. Липатов, М. Э. Рут, Л. С. Соболева, Н. Н. Успенская), носит полидисциплинарный, надпредметный характер. Предмет изучения: народная культура как традиция, как способ адаптации к конкретной социальной среде и передача информации от поколения к поколению в основном в практических, жизненно целесообразных, в т. ч. невербальных (бесписьменных) формах. Базовое содержание программы предполагает инвариантную и вариативную части для различных категорий слушателей. Структура вариативных моделей представлена различными разделами: вводный, историко — теоретический, тематический «Базовые концепты этнокультуры» блоки («Круглый год: Человек и природа в традиционной культуре», «Дом: Человек в кругу семьи», «Община: Человек в мире людей», «Многие лета: Человек в памяти народной»), этнокультурное образование, методический, фольклорно — этнографическая практика. Выделенные концепты оказываются базовыми для любой этнокультуры. И именно так, в диалоге культур народов Урала происходит с одной стороны, развитие этнического самосознания (изучая культуру других народов, мы лучше понимаем культуру своего народа) и формирование культуры толерантности. Именно в рамках данной программы наметились те связующие нити, которые мы пытаемся сегодня соединить в единое информационное пространство. Преподавательский состав данной образовательной программы формируется не только из числа преподавателей ИРРО, но и кафедры фольклора и древнерусской литературы, языкознания, этнологии и вспомогательных исторических дисциплин УрГУ, УГК, научных сотрудников Института истории и археологии Уральского отделения РАН, специалистов Свердловского областного Дома фольклора, Свердловского областного училища им. П. И. Чайковского. Проведение мастер классов и открытых занятий предусмотрено на базе Школы народной культуры. В течение ряда лет проводились занятия на базе межнациональной библиотеки.

В рамках данной образовательной программы обсуждаются проблемы и перспективы этнокультурного образования. Постоянно учителя отмечают слабую материально — техническую базу образовательных учреждений (кабинеты не оснащены видео и аудио аппаратурой, нет возможности закупать необходимые материалы и пособия для занятий и т. п.), недостаточное учебно — методическое обеспечение НРК ГОСа, сложности с приобретением специальной литературы, необходимость в получении специальных профессиональных знаний и умений (обучение в ВУЗе по специальности педагог — этнокультуролог).

В 2002 году начинается реализация регионального системного проекта «Человек. Урал. Истоки». В апреле 2004 года областная научно — практическая конференция «Социокультурные основы национально — регионального компонента образования Свердловской области: опыт и проблемы реализации проекта «Урал. Человек. Истоки» подвела итоги, обозначила проблемы.

Предмет «Родной язык и литература» НРК ГОСа в Свердловской области реализуются по татарскому, башкирскому и марийскому языкам и литературе.

Татарский язык изучается в образовательных учреждениях с. Рахмангулово, с. Усть -Баяк, с. Тат. Еманзельга, с. Средний Баяк Красноуфимского района, ОУ № 18 п. Октябрьский Сысертского района, д. Биткино, с. Усть — Манчаж, д. Артя — Шигири, с. Азигулово Артинского района, с. Лямпя, с. Ключ, с. Гайны, С. Н. Арий Ачитского района, с. Акбаш, с. Шокурово, с. Урмикеево, д. Васькино, с. Уфа — Шигири, с. Аракаево, д. Контуганово Нижнесергинского района.

Марийский язык осваивается в ОУ с. Марийские ключики Красноуфимского района, д. Батышково, д. Ниж. Бардым, с. Малая Тавра Артинского района, с. В. Потам, с. Мари -Каримское Ачитского района.

Ежегодно проводятся областные олимпиады по татарскому, башкирскому и марийским языкам. Победители олимпиады участвуют в межрегиональных олимпиадах в г. Казани, Уфе, Йошкар — Оле. Министерством образования и центром «Учебная книга» оформлен договор с издательство «Магариф», и с 2003 года в образовательные учреждения Свердловской области поступают специальные учебники и учебные пособия по изучению татарского языка. В апреле 2004 года по инициативе Министерства образования республики Татарстан состоялись дни татарского просвещения в Свердловской области. В подарок образовательным учреждениям Свердловской области отделом учебной литературы межрегионального сотрудни-

чества Министерства образования Республики Татарстан было предложено учебной, учебно — методической и художественной литературы более чем на 100 000 рублей.

На основе соглашения между Правительством Свердловской области и Республикой Башкорстан издательством «Китап» г. Уфы поставляется учебная литература и пособия для изучения башкирского языка. Большую заботу проявляет Представительство Республики Башкорстан в Свердловской области (постоянный представитель республики Башкорстан Н. Ф. Тюменцева): в 2003 году для ОУ Свердловской области выделена литература на башкирском языке.

Институт развития регионального образования ведет систематическую работу по повышению квалификации и переподготовке учителей родного языка. Проводятся семинары по проблемам содержания образования и использования современных технологий на уроках родного языка с приглашением специалистов из Татарстана, Башкорстана и Мари — Эль: «Татарская литература XVIII века» (Ф. М. Мусин, доктор филологических наук, зав. кафедрой татарского языка и литературы ИП КРО РТ, автор учебных программ по татарской литературе), «Педагогическая акмеология. Развивающие технологии» (В. С. Казыханов, Ф. Г. Казыханова, сотрудники Института непрерывного образования г. Набережные Челны), «Коммуникативная компетентность педагога как одна из форм социализации ученика сельской школы через родной язык», «Обучение башкирскому языку в русскоязычной среде: проблемы и перспективы» (Х. А. Тулумбаев, кандидат педагогических наук, доцент кафедры башкирского языка и литературы БИРО, автор программы и учебников по башкирскому языку).

В ИРРО Свердловской области совместно с ИП КРО РТ в 2003 — 2004 годах реализуется программа переподготовки учителей татарского языка и литературы (630 часов). При содействии Конгресса татар и Министерства образования Республики Татарстан в апреле 2003 года состоялась языковая стажировка слушателей данной образовательной программы при кафедре татарского языка и литературы Института повышения квалификации работников образования Республики Татарстан.

Аналогичная образовательная программа предложена и для учителей башкирского языка и литературы (720 часов). Программа реализуется совместно с Башкирским Институтом развития образования, при содействии Курултая башкир Свердловской области. Учителя погружаются в этнокультурное поле общения (офис Курултая оснащен аудио и видеозаписями, учебной, методической и

художественной литературой; язык общения — башкирский, башкирская кухня, приглашение артистов из Башкортостана и т. д.). В июне 2004 года состоялась стажировка слушателей в городе Уфа.

Образовательные программы, семинары переподготовки и повышения квалификации, стажировки учителей позволили повысить профессиональную компетентность слушателей, способствовали развитию творческого отношения к преподаванию своего предмета.

Учителями разрабатываются авторские программы: «Материнская речь» (С. Г. Мирсаитова, г. Березовский), «Обучение татарскому языку» (Л. А. Мухаметшина, п. Буланаш Артемовского района), «Татарский национальный орнамент на уроках изобразительного искусства» (З. З. Бадертдинова, Красноуфимский район), «Изучение башкирского языка средствами музыки» (З. Р. Галимова) и т. д.

В октябре — ноябре 2003 года прошли конкурсы учителей родного языка (татарского, башкирского) и литературы. В соответствии с Положением о конкурсе его участники представили: анкету с автобиографией (на татарском и башкирском языках), эссе на тему «Роль родного языка в развитии личности ребенка», план — конспект проведенного урока по теме «Фольклор татарского (башкирского) народа, открытое занятие в незнакомом классе, устный самоанализ проведенного урока. Победителем конкурса учителей татарского языка стала С. М. Ахунова, учитель начальных классов малокомплектной школы д. Биткино Артинского района, башкирского языка — З. Р. Галимова, учитель башкирского языка воскресной школы г. В. Пышма. Педагогическое общение в условиях конкурса способствовало профессиональному развитию педагогов, заинтересованности в самообразовании и самосовершенствовании.

Для учебно — методического обеспечения национально — регионального компонента Государственного образовательного стандарта в 2003 — 2004 году выходит ряд необходимых изданий.

Для изучения полного курса истории Урала в издательстве «Сократ» в 2003 году выходит учебник «История Урала с древнейших времен до наших дней» для 10-11 классов. Книга создана большим коллективом уральских ученых и педагогов и имеет ряд особенностей по сравнению с подобными книгами, изданными в различное время в областях и республиках Урала. Данный учебник интегрирован по содержанию с другими школьными предметами: географией, литературой, художественной культурой и т. д. Учитывая слабую оснащенность сельских библиотек специальной литературой, учебник можно рекомендовать и педагогам — этнокультурологам как справочное издание для

подготовки отдельных разделов и тем историко — культурного содержания предмета «Этнокультурология»⁷.

Доцентом ИРРО О. И. Станкевич подготовлен аннотированный каталог «Этнокультурное образование»⁸. Предлагаемое издание включает литературу по этнокультурному образованию, опубликованную на русском языке с 1940 по 2003 год. Указатель содержит сведения о программах и программных материалах, учебниках и рабочих тетрадях, методических пособиях и публикациях в периодике. Предпочтение отдавалось литературе последнего десятилетия.

Региональный опыт этнокультурного образования представлен в пособии для учителей «Теоретико — методологические основы этнокультурного образования»⁹. В пособии сделана попытка раскрыть содержание основных категорий и понятий этнологической науки, рассматриваются этнические процессы в Уральском регионе, показаны возможности этнокультурного подхода в современном образовании (на примере МОУ гимназии № 18 г. Нижний Тагил).

В декабре 2004 года Институт развития регионального образования Свердловской области по инициативе кафедры социально — гуманитарного образования планирует проведение научно — практической конференции «Историко — культурные традиции уральского региона». Одним из вопросов обсуждения станет проблема реализации НРК ГОСа (культурно — исторической содержательной линии).

1. Государственный образовательный стандарт (национально — региональный компонент) образования в период детства, основного общего и среднего (полного) образования в период детства, основного общего и среднего (полного) образования Свердловской области: Вторая редакция. / Л. М. Андрюхина, В. Я. Шевченко, Е. Б. Амирова, Д. И. Архарова и др. — ЕКБ: Дом учителя, 2000.

2. Методические рекомендации по вопросам реализации государственного образовательного стандарта (национально — региональный компонент) общего образования Свердловской области: Культурно — историческая содержательная линия: «Этнокультурное образование». / Сост. Н. П. Лабзенко. — Екатеринбург: ИРРО, 2000.

Методические рекомендации по вопросам реализации государственного образовательного стандарта (национально — региональный компонент) общего образования Свердловской области: Культурно — историческая содержательная ли-

ния: Национально-региональный компонент «Родной язык». / Сост. З. Н. Шаймухаметова. — Екатеринбург: ИРРО, 2000.

3. Этнокультурное образование: Программно — методический комплект 1-11 кл.: Пособие для учителя. / Сост., ред., вступ. ст. Н. П. Лабзенко. — Екатеринбург: Учебная книга, 2002.

4. Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала XIX — XX вв. / Программа для 10- 11- х классов общеобразовательных учреждений. — Екатеринбург: ИД «Сократ», 2002.

Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX-XX вв. / Учебное пособие для учащихся 10- 11 классов общеобразовательных учреждений. — Екатеринбург: ИД «Сократ», 2002.

5. Введение в педагогическую этнокультурологию: образовательная программа. / Автор, коллектив: Н. П. Лабзенко, О. И. Станкевич и др. -Екатеринбург: ИРРО, 2004.

6. Андрухша Л. М., Кузьмин И. А., Погорелое СТ. Концепция и образовательная программа «Урал. Человек. Истоки». // Вестник регионального образования. — 2003. — № 3. -с. 59 -80.

Социокультурные основы национально — регионального компонента образования Свердловской области: опыт и проблемы реализации проекта «Урал. Человек. Истоки». (Материалы научно — практической конференции). — Екатеринбург, 2004.

7. История Урала с древнейших времен до наших дней: Учебник для 10-11 классов общеобразовательных учреждений. / Под общей ред. И. С. Огоновской, Н. Н. Попова. — Екатеринбург: ИД «Сократ», 2003.

8. Этнокультурное образование: Программы, учебники, методические материалы: Аннотированный библиографический указатель. / Сост. О. И. Станкевич. — Екатеринбург: ИРРО, 2003.

9. Теоретико — методологические основы этнокультурного образования: Пособие для учителя. / Отв. ред. Г. С. Голошумова. — Екатеринбург, 2004.

Этноцентризм как социально-психологическое явление

Введение

Исследования этнической идентичности, чувства принадлежности к собственному этносу, солидарности с ним, детально изложены Т. Б. Стефаненко, существенно расширяют и обогащают представления о формах и механизмах психологической интеграции социальной группы. К числу главных отличительных черт социальной группы можно отнести следующие:

Включенность человеческой общности в более широкий социальный контекст, систему общественных отношений, определяющих возможность возникновения, смысл и пределы существования группы и задающих модели, нормы или правила межиндивидуального и коллективного поведения и межгрупповых отношений.

Наличие у членов группы значимого основания (причины) сообщения находиться в ней, отвечающего интересам всех его участников и способствующего реализации потребностей каждого.

Сходство у части состоящих в группе людей, которые разделяют условия, события жизни и их последствия, и в силу этого обладают общностью впечатлений и переживаний.

Длительность существования, достаточная для возникновения не только специфического языка и каналов внутригрупповых коммуникаций, но и коллективных историй (традиций, воспоминаний, ритуалов) и культуры (представлений, ценностей, памятников), оказывающих унифицирующее воздействие на мироощущение членов группы и тем самым сближающих их.

Разделение и дифференциация функциональных ролей (позиций) членами группы или ее подгруппами, обусловленные характером общих целей и задач, условий и средств их реализации, составом, уровнем квалификации и склонностями образующих группу лиц, что предполагает кооперативную взаимозависимость участников, комплиментарность (взаимодополнительность) внутригрупповых отношений.

Наличие органов (инстанций) планирования, координации, контроля групповой жизнедеятельности и индивидуального поведения, которые персонифицированы в лице одного из членов группы, наделенного особым статусом (вождя, монарха), представлены подгруппой, обладающей специальными полномочиями (парламент, политбюро, ректорат) либо распределены между членами группы и обеспечивают целенаправленность, упорядоченность и стабильность ее существования.

Осознание участниками своей принадлежности к группе, самокатегоризация в качестве ее представителей, более сходных друг с другом, чем с членами других объединений, возникновение на этой основе чувства «мы» («свои») и «они» («чужие»). В тенденциях переоценивать достоинства первых и недостатки вторых, особенно в ситуации внутригрупповой солидарности за счет частичной деперсонификации самовосприятия членов группы, рассматривающих себя в ситуации угрозы извне как ее равнозначимых защитников, а не изолированных обладателей уникальных особенностей.

Признание данной общности, как группы ее социальным окружением, обусловленные участием группы в процессе межгрупповой дифференциации, способствующей становлению и обособлению отдельных общественных объединений и позволяющей со стороны различать их в сложной структуре социального целого и идентифицировать их представителей на основе разделяемых сообществом критериев, сколь бы схематичны, ригидны и пристрастны они ни были: стереотипизированность и эмоциональность межгрупповых представлений, возможно, позволяют сомневаться в их истинности, но отнюдь не препятствуют эффективному опознанию и категоризации, как самих групп, так и их участников (Леви-Брюль «Коллективные представления передаются из поколения в поколение и «навязывают» себя личности, т. е. становятся для нее продуктом не рассуждения, а веры»). Фактором идентичности является не сама по себе объективная культурная отличительность элементов материальной и духовной культуры, а их восприятие, оценка в качестве таковых. Социально-перспективные (внутренние) процессы играют существенную роль в сплочении иных, в т. ч. малых групп.

Идентичность

Так как человек одновременно является членом многих других групп, то хотя бы одна их его групповых принадлежностей будет отличаться от групповой принадлежности людей, с которыми он контактирует. Если люди идентифицируют себя с разными этно-

сами, на их взаимодействие большое влияние будет оказывать как особенности двух групп, так и взаимоотношения между ними. Б. Ф. Поршневым высказывалась позиция, согласно которой представления о внешнем (о людях др. племени и т. п.) предшествуют в процессе самосознания представлению о себе, как некоторой сплоченной группе. Для того чтобы появилось субъективное «мы», требовалось повстречаться и обособиться с какими-то «они». Иначе говоря, если рассматривать вопрос именно в субъективной, психологической (плоской) плоскости, «они» еще первичнее, чем «мы». Не «они» — это не «мы», а наоборот, «мы» — это не «они». Только ощущения, что есть «они», рождает желание самоопределиться по отношению в «ним», обособиться от «них» в качестве «мы». А. И. Титаренко, например, определял мораль именно как «особый способ освоения социальной действительности, связанный с противопоставлением добра и зла, дозволенного и недозволенного должны были возникнуть именно внутри группы предков человека, внутри развивающегося сообщества, решающего проблемы совместного бытия».

Люди идентифицируют себя социально и этнически. По определению А. Тэшфела, социальная идентичность — «это та часть Я-концепции индивида, которая формируется из сознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, предаваемым этому членству». Можно добавить, что социальная идентичность есть результат процесса сравнения своей группы с другими социальными общностями. Этническая идентичность — составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности и, в первую очередь, результат когнитивного (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференциальных признаков) эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и обособления других этносов. Укрепление общностей, развитие связей между ними, приводят к появлению все новых этнодифференцирующих признаков. Например, при разделении этносов территориальной границей, этническая идентичность выражается через идею «общности родной земли», родоцентризма. Резкая отчужденность от соседей свойственна, как правило, замкнутым земледельческим обществам. Крестьянские общины враждебны всему внешнему миру. Как показал Б. Ф. Поршневу, феодальное крестьянство всегда вело борь-

бу на ЗА, а ПРОТИВ. Исследователи часто подчеркивают роль восприятия соседей в кристаллизации собственного этнического самосознания. Такая идея была абсолютизирована Б. Ф. Поршневым и положена им в основу гипотетически обрисованного состояния — взаимного этнического отталкивания. Этим разобщением исследователь объясняет процессы миграции и расселения человечества по своей национальной земле. Также родоцентризму нередко сопутствует этническая эндогамия — запрещение вступать в брак с представителями «чужого» народа. В новое время важнейшими этнодифференцирующими признаками стали восприниматься родной язык и культура. Развитая этническая общность, будучи территориальным образованием, не предполагает обязательного единства происхождения, общей крови. Даже в этническом сознании носителей традиционной культуры эта метафора не всегда знаменует единство происхождения. Как правило, кровь означает близость поведенческих установок и других способов самовыражения, вплоть до общности языка. Еще один символический признак этнической идентичности — общность исторической судьбы. В современных условиях унификации этнических культур наряду с неуклонным сокращением количества этнодифференцирующих признаков, возрастает роль общности исторической судьбы как символа единства народа. Это проявляется, в частности, в интересе к исторической литературе.

Т. У. Солдатова отмечает: «достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида». Точность знаний о своей принадлежности к определенной этнической общности во многом зависит от того, к какой группе человек принадлежит — группе большинства или группе меньшинства. Наиболее естественным для человечества является стремление сохранить или восстановить позитивную этническую идентичность, которая дает ощущение психологической безопасности и стабильности. Для этого используется стратегия, названная А. Тэшфелом и Дж. Тернером стратегией социального творчества. Она проявляется в восстановлении субъективного благополучия с помощью выбора для сравнения еще более слабых групп. При неблагоприятном межгрупповом сравнении члены групп дискриминируемого меньшинства могут выбрать и другую стратегию — принять правильную самоидентификацию вместе с негативной оценкой группы. В этом слу-

чае формируется негативная этническая идентичность, которая может сопровождаться ощущением неполноценности, ущемленности и даже стыда за представителей своего этноса. Эта стратегия неблагоприятна для межгрупповых отношений и для личностного роста индивида, его отношений в обществе.

Внутригрупповой фаворитизм

Для поддержания групповой позитивной идентичности используется специфический механизм межгруппового восприятия — внутригрупповой фаворитизм, заключающийся в тенденции благоприятствовать собственной группе и ее членам при сравнении с другими, сопоставимыми с ней группами.

Этноцентризм

Пример внутригруппового фаворитизма этноцентризм — предпочтение своей этнической группы. У. Самнер дал в 1906 г. определение этноцентризма: «виденье вещей, при котором своя группа оказывается в центре всего, а все другие соизмеряются с ней или оцениваются со ссылкой на нее». Современное определение: свойство «воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей, собственной этнической группы, выступающей в качестве некоего эталона или оптимизма».

М. Бруэр и Д. Кэмпбелл выделили основные показатели этноцентризма:

- Восприятие элементов своей культуры как «естественных» и «правильных», а элементов других культур как «неестественных» и «неправильных».
- Рассмотрение обычаев своей группы в качестве универсальных.
- Оценка норм ценностей и ролей своей группы как неоспоримо правильных.
- Представление о том, что для человека естественно сотрудничать с членами своей группы, оказывать им помощь, предпочитать свою группу, гордиться ею и не доверять и даже враждовать с членами других групп.

Советские обществоведы полагали, что этноцентризм негативное социальное явление, равнозначное национализму и даже расизму. А многие психологи считают этноцентризм негативным социально-психологическим явлением, проявившимся в тенденции неприязни всех чужих групп в сочетании с завышенной оценкой собственной группы. Отдельные общины, объединенные хозяйственными интересами, ритуалами, местными формами

фольклора, противопоставляли частные формы самосознания и локальной или областной сплоченности всеобщности этнических форм жизни. Крупные этнографические группы фактически стремятся играть роль крестьянских этносов, что в ряде случаев доходит до отказа от принадлежности к официальному этносу. В сословной общности некоторые группы, приближенные к господствующему классу, могут подчеркивать свою обособленность, чтобы отличаться от основной трудящейся массы. Так это было у казаков, которые всячески отрицали свою связь с мужиками.

Хотя этноцентризм часто оказывается препятствием для межгруппового взаимодействия, одновременно он выполняет (роль) полезную для группы функцию поддержания позитивной идентичности и даже сохранения целостности и специфичности группы. Обособленность областных групп в ряде случаев способствовала — особенно там, где воздействие централизованного государства было слабым, — сохранению следов древнего племенного деления. Благоприятные условия для оживления и даже формирования областных этнических групп возникли в Европе в эпоху кризиса сословного общества и демократизации общественной жизни.

Более того, этноцентризм изначально не несет в себе враждебного отношения к другим группам и может сочетаться с терпимым отношением к межгрупповым различиям. Так, Бруэр и Кэмпбелл обнаружили этноцентризм у всех исследованных ими 30 этнических общностей и 3 стран восточной Европы. При оценке групповых достижений фаворитизм был значительно более слабым, чем при оценке других аспектов. Члены 1/3 общностей оценивали достижения, как минимум одной из чужих групп выше, чем собственные достижения.

Этноцентризм, при котором не критичное отношение не распространяется на все свойства и сферы жизнедеятельности своей группы, и предпринимаются попытки понять и объективно оценить чужую культуру, называют благожелательным или гибким.

При наличии конфликта между этническими общностями и других неблагоприятных социальных условий, этноцентризм может становиться дисфункциональным для индивида и группы, проявляясь в очень ярких формах.

Знаменитый этнограф-сибиревед Л. Я. Штернберг обратил внимание на то, что у отсталых народов человеком называется только соплеменник. Поэтому многие народы и принимают в качестве самоназвания слово человек (люди). И эпоха, когда слова человек, люди превратились в этнонимы (самоназвания с учетом межэтнических

связей), следует за той, когда стали выделяться хозяйственно-культурные типы. С представлением о том, что только представители своей группы суть единственные люди, в жизнь входит враждебное отношение к соседям. Эпоха матриархата осталась далеко позади. Общество идет к строю военной демократии. Не случайно во многих языках слово человек, часто образующее этноним иногда имеет и другое значение — мужчина. У части ненцев (их этноним означает люди) есть другое самоназвание — хасава (мужчина). Такой же смысл несет самоназвание хор, хоро народов мунда в Индии.

Такой этноцентризм называется воинственный. Воинственный этноцентризм выражается в ненависти, недоверии, страхе и обвинении других групп в собственных неудачах. Он неблагоприятен для личностного роста. Ярким примером воинственного этноцентризма является советская идеология: «Начинается Земля, как известно, от Кремля».

Крайняя степень этноцентризма выражается в форме делегитимизации — «категоризация группы или групп в супернегативные социальные категории, исключаемые из реальности приемлемых норм и ценностей». Делегитимизация включает в себя осознание подавляющего превосходства своей группы. Ее целью является полная дифференциация своей и чужой групп вплоть до исключения последней из рода человеческого. Пример: отношение к «неарийским народам» в нацистской Германии.

Разная степень выраженности этноцентризма обусловлена особенностями культуры. Представители коллективистических культур более этноцентричны, чем члены культур индивидуалистических. Основной смысл индивидуализма состоит в том, что человек принимает решения и действует в соответствии со своими личными целями, предпочитая их целям общественным. «Я» определяется в индивидуалистической культуре как независимая, способная выжить вне группы, единица, а индивиды — как базовые единицы социального восприятия. Индивиды, являясь членами многих групп, слабо с ними идентифицируются и мало от них зависят. Приемлемы споры и конфликты внутри группы. Основные ценности индивидуалистической культуры — свобода в поступках и самодостаточность, самостоятельность в суждениях, власть над окружающими. В индивидуалистических культурах поведение в большей степени регулируется социальными установками, чем нравственными групповыми нормами. Основной смысл коллективизма — приоритет интересов группы над личными интересами: коллективист заботится о влиянии своих решений и действий на значимое для него сообщество. «Я» определя-

ется с точки зрения членства; социальная идентичность является более значимой, чем личные социальные установки, а базовой единицей социального восприятия является группа. Коллективисты осознают себя членами меньшего количества групп, чем индивидуалисты, но связаны с ними более тесно. Проявляют привязанность, подчиненность. Группа оказывает сильное слияние на поведение индивидов. Основными ценностями коллективистской культуры являются следование традициям, послушание, чувство долга. Групповые нормы являются более важными регуляторами поведения, чем социальные установки.

Степень выраженности этноцентризма: от самого яркого фаворитизма до самого слабо выраженного дифференциацией в форме сопоставления («миролюбивой нетождественности» по Б. Ф. Поршневу). Первая предполагает предвзятость по отношению к другим группам. Второе выражается в тенденции предпочитать свою группу в одних сферах жизнедеятельности, а другую — в других, что не исключает критичности к деятельности и качествам обеих.

Заключение

Межгрупповая дифференциация

Основными механизмами, выполняющими функцию межгрупповой дифференциации, являются атрибутивные процессы — субъективная интеграция индивидов мира, которая в повседневной жизни далеко не всегда основывается на научном знании.

На уровне межгрупповых отношений изучаются два вида атрибутивных процессов. Во-первых: стереотипизация — особый случай атрибуции черт, когда индивиду приписываются характеристики, исходя из его группового членства.

Во-вторых: социальная атрибуция, или приписывание причин поведения и достижений на основании групповой принадлежности.

Американские исследователи признали устаревшей теорию № «коренных изменений», согласно которой «в результате смешения различных этнических и расовых групп образуется некая однородная амальгама». Не интеграцию, а именно сопоставление — принятие и признание различий, можно считать наиболее приемлемой формой социального восприятия при взаимодействии этнических общностей и культур на современном этапе истории человечества.

Формирование и развитие этнической идентичности

Этническая идентичность

Долгое время в нашей стране в общественных науках и политической лексике использовалось понятие «национальное самосознание». Это было связано с тем, что, во-первых, в традициях отечественной науки, как уже отмечалось, понятие «нация» использовалось в значении этнонации — этнической общности; во-вторых, во многом оно определялось объектом внимания: в поле зрения исследователей были главным образом титульные народы республик — союзных, реже автономных, и, в-третьих, большей, чем в современных условиях, дифференциацией наук, их разобщённостью и отдалённостью от международного общества.

Сейчас изменился объект исследований, и часто изучаются диаспорные этнические группы — русские в Казахстане, Молдавии, Эстонии, узбеки в Киргизии, ингуши в Северной Осетии или народы, не имеющие своей государственности, например, турки-мескетицы, т. е. те, кто нередко попадает в конфликтные ситуации межэтнического напряжения.

Имеет значение и то, что в научном сообществе есть активные сторонники закрепления за понятием «нация» значения согражданства. Наконец, играет роль и расширение в этносоциологии этносоциологического направления, в котором, как и за рубежом, используется термин «этническая идентичность».

Всё это привело к тому, что наиболее приемлемым для учёных становится понятие «этническое самосознание». В междисциплинарном ракурсе, как признают и сами этнопсихологии, понятие «этническое самосознание» тождественно понятию «этническая идентичность».

Что же означает это словосочетание? Этническая идентичность (от лат. *Identical* -тождественный, одинаковый) — субъективная сторона этнической принадлежности, состоящая в том, что люди сами

причисляют себя к какой-либо этнической общности, связывая некоторые черты собственной родословной с рядом объективных признаков этой общности. Этническая идентичность выражается в осознании человеком или группой своей этнической принадлежности. Детерминирующими факторами этнической идентичности являются: территория проживания, язык, религия, пища, одежда, традиции, обычаи, стереотипы поведения и т. д., которые воспринимаются в качестве культурных символов и позволяют выделить людям свою этническую общность («мы») из других («они») и одновременно ощущать свою принадлежность к данной общности. Этническая идентичность является специфической формой социальной идентификации, основывающейся на осознании представителями одного этноса единства своего происхождения, традиций, ценностей, верований, исторической преемственности. (1)

Считая этническую идентичность составной частью социальной идентичности (т. е. той части Я- концепции индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным значением, придаваемым и эмоциональным значением, придаваемым этому членству), современные исследователи в тоже время предпринимают попытки выделить присущие только ей особенности. Так американский этнолог Ж. Девос рассматривает этническую идентичность как форму идентичности, воплощённую в культурной традиции и обращенную в прошлое в отличие от других форм, ориентированных на настоящее или будущее. Можно согласиться с Г. У. Солдатовой, что ещё одной особенностью этнической идентичности является мифологичность, так как «её главная опора — идея или миф об общих культуре, происхождении, истории». (Солдатова, 1998, с. 48). В структуре этнической идентичности обычно выделяют два основных компонента: когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя её членом на основе этнодифференцирующих признаков) и аффективный (чувство принадлежности к группе, оценка её качеств, отношение к членству в ней).

В моделях, предложенных разными исследователями, используются самые разные термины для обозначения составных частей когнитивного компонента этнической идентичности — этнические ориентации, групповые концепции и др. Но самыми важными признаются, во-первых, этническая осведомлённость, которая включает в себя знания об этнических группах, своей и чужих, их истории, обычаях, особенностях культуры, и, во-вторых, этническое самосознание.

Теоретическая разработка, изучение эмпирического материала по этническим группам, находившимся в спокойных ситуациях межэтнического взаимодействия и в обстановке разного уровня напряжений и конфликтов, позволила выделить 7 типов этнической идентичности на основе операциональных, эмпирически проверенных критериев.

Нормальная идентичность, при которой образ своего народа воспринимается как положительный, имеет место благоприятное отношение к его культуре, истории, естественный патриотизм, не переходящий в фаворитизм, толерантные установки на общение с другими народами, понимание их вклада в историю. Г. У. Солдатова называет этот тип «позитивной этнической идентичностью».

Этноцентричная идентичность, понимаемая не в том смысле, что точкой отсчёта для восприятия другой культуры является собственная, а в плане акцентированности на значимость этничности, ориентированности на неё, её безусловного некритического предпочтения. При такой идентичности присутствуют элементы, направленные на ту или иную культуру или вид контактов, но не агрессивного этноизоляционизма, замкнутости.

Этнодоминирующая идентичность фиксирует такое состояние самосознания и поведения человека, при котором не только этническая идентичность становится первостепенной среди других видов идентичностей (гражданин, мать, муж и др.), но и достижение целей, интересов народа (возможно и ложно понимаемых) начинает восприниматься как, безусловно доминирующая ценность («мы все только клетки одного великого организма по имени нация», «кто не с нами, тот против нас»). Такая идентичность обычно сопровождается признанием «прав народа» выше «прав человека».

Этнический фанатизм — идентичность, при которой абсолютное доминирование этнических интересов и целей, часто иррационально понимаемых, сопровождается готовностью идти во имя них на любые жертвы и действия, вплоть до использования терроризма. Данный тип представляет собой крайнюю форму агрессивной идентичности.

Этническая индифферентность определяется практически равнодушным отношением людей к проблемам этничности и межэтническим отношениям, к своим ценностям и ценностям других народов. Они свободны от норм и традиций. На их жизненные поступки, на поведение в любых сферах деятельности никак не влияют ни их собственная этническая принадлежность, ни этничность других.

Этнонигилизм в форме космополитизма, представляющий собой отрицание этничности, этнических, этнокультурных ценностей; дек-

ларирование свободы от всего, связанного с этническим феноменом; иногда даже квалифицирование его как вредного; демонстрация себя как «человека мира».

Амбивалентная, невыраженная, а иногда «двойственная» или «строенная» идентичность. Этот тип этнической идентичности достаточно распространён в этнически смешанной среде.

Формирование и развитие этнической идентичности

Было бы преувеличением считать, что в жизни человека вопросы, связанные с принадлежностью к этнической общности, как и к другим социальным группам, являются центральными. Для большинства людей более важным оказываются проблемы повседневной жизни — работа, зарплата, воспитание детей, проведение свободного времени. Но не следует игнорировать и психологические проблемы, связанные с групповым членством. В жизни человека — и целой общности — возможны ситуации, когда ответ на простой вопрос «Кто я?» («Кто мы?») становится существенной проблемой.

Девочка из семьи русских иммигрантов в США очень быстро начинает свободно говорить по-английски, хорошо учится и служит переводчиком для старших членов семьи. Она всё больше проводит со своими американскими друзьями и гордится, что она американка. Но девочка взрослеет, и ей хочется каким-то образом проявить свою индивидуальность. Она находит такую возможность в демонстрации своей культурной отличительности, «русской», подчёркивании того, что она «русская американка».

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, принадлежащей к какому этносу может воспринимать себя эта девочка, и к какой группе её «приписывают» окружающие, необходимо проанализировать общие закономерности формирования идентичности.

Этническая идентичность в целом, формируется в процессе социализации (в процессе усвоения человеческим индивидом с детства необходимых знаний, культурных ценностей и навыков, позволяющих ему стать полноценным членом определённой группы людей, существовать в качестве равноправного члена общества, правильно взаимодействовать со своим культурным окружением).

Выделяют три этапа в формировании этнической идентичности:

1. В 6-7 лет ребёнок приобретает первые — фрагментальные и несистематичные знания о своей этнической принадлежности. Его ещё называют личностно-психологический этап(2), т. е. осознание человеком, кто есть «Я». Оно складывается по мере участия в различных социальных группах. Можно ощущать себя членом семьи, тру-

дового коллектива, драматического кружка. Данный этап идентичности связан с представлением о себе как члене какой-то группы, а также с теми эмоциями, которые возникают от оценки этой принадлежности.

2. В 8-9 лет ребёнок уже чётко идентифицирует себя со своей этнической группой, т. е. это социально-психологический этап (2). Индивиду свойственно искать подтверждения своей групповой принадлежности, но это возможно только во взаимодействии с другими подобными группами. Человеку свойственно сравнивать свою группу с другими и вести себя так, чтобы представить свою группу в благоприятном свете.

3. В младшем подростковом возрасте (10-11 лет) этническая идентичность формируется в полном объёме, в качестве особенностей разных народов ребёнок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры. (3)

Общеизвестно, что нет личности внешне-исторической, вненациональной; каждый человек принадлежит к той или иной этнической группе. Новорождённый не имеет право выбрать себе национальность. С появлением на свет в определённой среде его личность формируется в соответствии с установками и традициями его личного окружения. Проблемы этнического самоопределения не возникает у человека, если его родители принадлежат к одной и той же этнической группе и его жизненный путь проходит в ней. Такой человек легко и безболезненно идентифицирует себя со своей этнической общностью. Поскольку механизмом формирования этнических установок и стереотипов поведения служит подражание. Он усваивает язык, культуру, традиции, социальные и этнические нормы родного этнического окружения. Этническое самосознание такого человека строится гармонично, не входя в противоречие ни с окружающими людьми, ни с собственным внутренним миром.

Осознание собственной этнической идентичности не является самопроизвольным и беспричинным актом, оно детерминировано конкретными общественными потребностями.

Потребности осознания родства или идентичности возникли ещё глубокой древности и вызвали в первобытном обществе появление целой системы представлений и ритуалов. Это уровень родоплеменного коллективизма и родоплеменного сознания. Выработка сознания этнической общности больших масс людей также уходит своими корнями в историю, но отвечает потребностям в идентификации более высокого уровня, рождённым необходимостью в социальной организации, сплачивающей этническую общность для отпора вра-

гу и обеспечения собственной безопасности. Даже когда потребность в этническом объединении в связи с внешней опасностью непостоянна, такие временные объединения могут служить мощным толчком для осознания факта этнической близости и единства.

Возникновение и существование племенных союзов и государств рождает качественно новую потребность в этнической идентификации, но уже со стороны народившейся верхушки этноса, в идеологических обоснованиях общности подвластного населения, что выражалось в установлении религиозно-культурного единства. В таких случаях этноконфессиональный объединяющий фактор становится дополнительной детерминантной в формировании этнической идентичности.

Многочисленные наблюдения и исследования процесса этнической идентичности показывают, что возможны три варианта его развития:

1. Этническая идентификация может произойти на основе подражания, когда индивид осознанно или неосознанно копирует стереотипы поведения той этнической общности, в которой он воспитывается и живёт;

2. Она может осуществляться на основе принуждения, и орудием принуждения могут служить традиции и ценностные ориентации общества;

3. Этническая идентификация реализуется на основе свободного и осознанного выбора.

Этнодифференцирующие признаки

Характерная особенность этнических общностей состоит именно в том, что их непременным свойством, имеющим научное значение, является взаимное различие.

Среди всей совокупности этнодифференцирующих расовые признаки, прежде всего, следовало бы выделить внешние отличительные особенности физического типа людей -расовые признаки, поскольку оценка человека начинается обычно с его внешности, т. е. с расовой принадлежности.

В действительности расовые черты не играют сколько-нибудь существенной этнодифференцирующей роли. Кроме того, в настоящее время процесс смешения рас зашёл весьма далеко и не позволяет определить этническую принадлежность человека по расовому признаку.

Культурный признак. Для этнического размежевания более существенное значение имеет характерные черты культуры в самом

широком смысле этого слова, т. е. понимаемой как совокупность способов сознательной деятельности и её результатов. Именно в сфере культуры обычно сосредоточены признаки этносов. Не случайно в практике повседневного межэтнического разграничения, как правило, акцент делается на устойчивых и отчётливо внешне выраженных компонентах культуры: языке, религии, искусстве, обычаях, обрядах, нормах поведения, привычках и т. п. Сюда относятся также принятые жесты вежливости и приветствия, этика в еде, гигиенические привычки и т. п. Они передаются из поколения в поколение и образуют так называемую этническую культуру, обладающую специфическим для каждого этноса своеобразием.

Языковой признак. В этой группе культурных компонентов важным этнодифференцирующим признаком является язык, но и он не всегда показывает, к какому этносу принадлежит человек. Возможны случаи, когда на одном языке говорит несколько — английский, испанский, португальский, русский и др., также возможно, что один этнос говорит на нескольких языках. И всё же, по мнению большинства специалистов, язык занимает важнейшее место среди оснований этнической идентичности, и спорить с этим невозможно, несмотря на все исключения. В том случае, когда несколько этносов говорят на одном языке, как правило, каждый этнос вносит в этот язык свою специфику: иной алфавит или правописание, иную фонетику, лексику, специфические обороты и фразеологические словосочетания. Так, явное, специальное культивируемое своеобразие характерно для аргентинского, испанского, бразильского и португальского языках.

На ранних этапах формирования этносов одним из решающих факторов был конфессиональный (религиозный), благодаря которому сложилось большое количество межэтнических общностей. Сегодня этот признак существует в виде основных мировых религий: христианство, буддизм, ислам. Сформировавшие на их основе межэтнические конфессиональные общности охватывают немало народов мира. Односвойные мировые религии также не являются показателями этнической принадлежности человека. Реальность такова, что в мире гораздо меньше религий, чем этносов.

Хозяйственный признак. Более важную роль в этнической дифференциации играет культурно-хозяйственный признак, который предполагает разграничение этносов по типу хозяйству (охота, собирательство, рыболовство, земледелие), по образу жизни (оседлый, полукочевой, кочевой), форма орудий труда, одежда, других элементов культуры. Свообразные жилища у разных народов мира. Это и двойные постройки (у части меланезийцев и мекранезийцев),

и плавучие жилища (у некоторых народов Юго-восточной Азии), и переносные дома-юрты, чумы (у народов Севера, индейцев прерий), и дома-башни (у народов Кавказа). Русские крестьяне, куда бы они ни попадали, стремились всегда построить срубный дом из дерева.

Бытовой признак. Очень сильно различается традиционная одежда. По одежде русской крестьянки начала 19 века нередко удавалось с точностью до конкретного селения определить её родину. По одной лишь тюбетейке у узбеков когда-то можно было безошибочно сказать, из какой местности происходит человек. До сих пор у некоторых народов Индокитая по женской одежде можно определить, откуда именно приехала в большой город её хозяйка. Сейчас и дома, и одежда разных народов становятся однотипной, теряют свой этнический характер, поэтому их значение как этнодифференцирующих признаков уменьшаются. Различия между народами проявляются и в способах приготовления и состава пищи, и времени её приёма. Эти отличия продолжают жить и сегодня, так как пищевые пристрастия меняются с большим трудом

Так для одних народов основу пищевого рациона составляют продукты земледелия (славянские народы), для других — мясо (большинство народов Севера), для третьих — рыба. Даже в том, как люди сидят, иногда можно обнаружить этнические различия. Малаец, например, подкладывает под голову не подушку, а деревянную изогнутую скамейку на ножках. В Индии, ложась спать, часто подсовывают себе под колени мягкий валик. Одни народы привыкли спать на возвышенности, другие — на полу.

Семейный признак. Существенно различаются семейный быт, брачные обычаи и обряды. Наряду с моногамной (единобрачной) семьёй, распространённой сегодня у подавляющей части человечества, до сих пор у некоторых народов сохраняется полигамия (многоженство), так и многомужество.

Таким образом, в современной этнологии нет единой и общепринятой системы этнодифференцирующих признаков, на основе которой можно бы было решать вопросы об этнической идентичности. Это вполне закономерно, поскольку неповторимый облик каждого этноса создаётся не отдельной или специфической чертой, а особым, характерным только для него сочетанием объективных свойств, многие из которых могут присуще и каким-то другим этносам.

Очевидно, что это внутреннее сознание и те стереотипы, которые позволяют человеку действовать так, а не иначе, делают его представителем определённого этноса.

Русская колонизация Урала IX — XV веков

Введение

Человек появился на Урале около 300 лет назад, а первом тысячелетии до нашей эры на берегах Камы и Волги складывается единая финноязычная общность, которая в первом тысячелетии нашей эры распадается на племена. К XV веку они оформились в древние народности. Значительное место занимают народы уральской языковой семьи: предки коми, коми-пермяков, удмуртов, марийцев, манси, хантов и ненцев; а также алтайская языковая семья (башкиры, татары) и индоевропейская языковая семья (русские, украинцы, белорусы).

История исследования памятников русской колонизации реки Камы насчитывает более двух столетий. За этот период накопилось весьма много информации позволяющей представить этапы заселения Прикамья. Бассейн средней Вятки исследовался с XVIII века. К настоящему времени известно 45 памятников XII-XV веков. Выявлен многочисленный фонд древнерусских сооружений, погребений. Накоплена внушительная коллекция предметов материальной культуры, позволяющая определить хозяйственные производственные занятия народов. При исследовании среднего Прикамья находок найдено немного. В Верховьях реки Вятки и Камы древнерусских поселений не обнаружено, но найдены предметы импорта -украшения, орудия труда, бытовые вещи, клады серебряных слитков и монет. В бассейне реки Сылвы находки выявлены впервые почти сто лет назад, обнаружена древнерусская керамика XII-XIV веков. В верхнем течении реки Вятки и реки Чепце выявлено более 200 памятников чепецкой культуры IX-XV веков, принадлежащих предкам удмуртов. В течении реки Чусовой известно более 40 памятников сылвенской культуры IX-XV веков. В Зауралье по Пышме, Исети обнаружено более 200 памятников. Эта смешенное пермское и угорское население в Прикамье имело много

общего с культурой башкир. В Верхнем Прикамье оставлено более 300 памятников родановской культуры IX-V веков. В лесном Зауралье по реке Туре, Лозьве выявлены памятники юдинской культуры X-XV веков предков манси.

Начало русской колонизации (Походы новгородцев)

Новгородцы — первые из русских людей проникли на Урал.

Новгородские купцы пробирались на восток по рекам небольшими дружинами. Они прибыльно меняли у иноземцев (предков хантов и манси) свои товары на пушнину.

С XII века походы сборщиков дани в югорские земли становятся регулярными. Ушкуйники проникают в Вятско-Каменское междуречье, где в то время живут предки удмуртов, и основывают в устье реки Хлыновицы город Хлынов (Вятка). (Хлынов не становится новгородской колонией, он превращается в центр Вятской земли.) В конце XII века совершаются набеги на Печору, Югру и Пермь. Походы сборщиков дани в югорские земли становятся регулярными, и Новгородцы включают эти земли в число своих волостей.

Продвижение на северо-восток владими́ро-суздальских князей

Уже в XII веке русские князья, владевшие Средним Поволжьем, пытаются перехватить инициативу у новгородцев. В 1178г. Всеволод Большое гнездо заложил в устье реки Юг город Гляден, рядом с которым в 1212г. был построен Великий Устюг. Сын Всеволода Юрий подчинил своему влиянию коми-зырян по Северной Двине, и завладел северными подступами к Прикамью. Однако русская колонизация бассейна Камы на этом этапе не получила развития, в том числе из-за противодействия Волжской Булгарии — тюркского государства, предпринимавшего усилия к расширению своих границ на восток. В сферу политического влияния Булгарского царства попадает обширная территория, в том числе и Верхнее Прикамье.

С XII века местное население платило налог правительству болгар. В Прикамье появляются болгарские городки. Стремясь, закрепиться на новых землях, болгары идут на вооруженные конфликты с русскими. Булгарские отряды доходили до Суздаля, Северной Двины, громили Устюг. Русские войска предпринимали ответные походы.

На дальнейший ход колонизации уральских земель решающее влияние оказало монгольское нашествие. Завоеватели покорили племена, жившие у Оби и Иртыша, а также башкир, южных удмуртов, разгромили болгарское царство. Значительная часть болгар покидает прежнюю территорию, передвигается на земли Предка-

мья, на восток, в юго-западное Приуралье. Следствием похода монголов и покорение ими половецкой степи был приток кочевников-половцев в Поволжье и на юг Урала. В конце XIII — XIV веков финоугорское население Приуралья постепенно мигрирует в более северные, лесные районы. Та его часть, которая остается на прежнем месте, подвергается тюркизации. Булгары и половцы приняли участие в этнических процессах на территории Приуралья прежде всего в этногенезе башкир. Русские княжества оказались под монгольским владычеством. Почти на сто лет прекратились походы русских на восток. За Новгородом оставались его уральские владения. Зависимость пермского князя и югорцев от Новгорода, была номинальной, поскольку ограничивалась нерегулярной уплатой дани.

Соперничество Москвы и Новгорода во владении Приуральем

В XIV веке борьба за Приуралье между Новгородом и Московским княжеством становится борьбой за формирование территории Русского государства. Московские князья стали проявлять активный интерес к новгородским «колониям» на Урале. Первоначально они присоединяют к своим владениям Великий Устюг: в 1328г. Иван Калита выдал свою дочь на князя Константина, правившего тогда в Устюге, закрепив этим брачным союзом Устюг за Московским княжеством. Тот, кто владел Устюгом имел право собирать дань с Перми.

В дальнейшем наблюдается планомерное наступление Москвы на Двину и Печору. При Дмитрии Донском Устюг перешел под правление Москвы, что означало присоединение Перми Вычегодской к Московскому княжеству.

Новгородцы, не желая терять уральские земли, совершают поход на восточный склон Урала, доходят до низовьев Оби. Тогда же, ими были построены первые в Зауралье русские городки. В свою очередь Московское княжество в конце XIV века закрепляет вхождение в свой состав Перми Вычегодской, церковно-монастырской колонизацией. Начало проповеди христианства среди уральских язычников относится к 1379г., когда иеромонах Стефан отправился «в землю Пермскую на Вычегду на проповедь слова Божиего». В короткое время Стефан обратил в православие коми-зырян, построил в их землях церкви. Он стал первым епископом Пермской епархии.

Активность Москвы побуждала Новгород к открытой агрессии. В XIV-XV в. они совершают ряд походов на Устюг, сопровождавшихся жестокими грабежами города. Однако остановить движение Москвы на Урал Новгороду не удалось.

В XIV веке на свободных землях Верхнего Прикамья появляется оседлое русское население, начинается стихийная русская крестьянская колонизация края. Между 1401 и 1409 гг. здесь были построены первый русский городок Анфаловский. В XV в. было положено начало промысловой колонизации Верхнего Прикамья.

Присоединение к Москве пермских и вятских земель

В 1451 г. князь Василий Темный передает Пермь Великую в удел сыну верейского князя Ермолая (назначенного в том же году московским наместником в Пермь Вычегодскую) Михаилу. В 1455 г. были попытки закрепить присоединение Перми Великой религиозным путем: епископ Питирим начал крестить коми-пермяков, но на него напали вогуличи пелымского князя Асыки, которого поддерживали вятичи, не желавшие усиления московского влияния в Приуралье, и убили его. Вторично крестили пермяков в 1462 г. епископ Иона, тогда же началась монастырская колонизация Перми Великой.

В 1487 г. Иван III отправил на Вятку большое войско, занявшее почти все вятские городки и осадившее Хлынов. Население Вятской земли, включая удмуртских и татарских князей, присягнуло на верность московскому князю. Отныне Вятская земля вошла в состав Русского государства на правах других территорий; сюда были назначены московские наместники и создан аппарат управления.

При этом:

русскому населению разрешалось на льготных условиях заселять свободные земли;

большая часть удмуртов получила права черносошных крестьян;

барские князья сохраняли свои владения с правом феодального иммунитета и обязанностями платить дань в казну и нести военную службу.

Великий князь Василий III решил покончить с особым статусом Перми Великой. В 1505 г. он «свел» оттуда великопермскую княжескую династию, передав управление краем своему наместнику В. А. Ковру. В Перми Великой также была введена на основании уставной грамоты обычная для русских областей организация власти с правом «кормления» и с периодической сменой наместников. Пермское Прикамье, как и Вятка, на завершающем этапе формирования централизованного Русского государства прочно входит в его состав.

Продвижение русских в Зауралье

Уже в новгородский период русские проникают за Урал, привлеченные сюда слухами о несметных пушных богатствах. Первые искатели

появились в Зауралье не позднее XI в. С XII столетия Новгородское государство начинает снаряжать военные экспедиции для сбора дани с зауральской «Югры». Поход за каменный пояс новгородцы совершили в 1364 г.

Еще в дорусский период начался процесс перемещения манси с западного склона Урала на восточный. В X-XII веках в лесном Зауралье по р. Туре и р. Тавде, р. Лозве расселились предки манси, а в северном Зауралье предки хантов. За счет притока из Приуралья число манси за Уралом быстро росло.

К XV в. манси, жившие по рекам Конде, Пельиму, нижнему течению Сосьвы, объединились в Пельимское княжество, центр которого находился у слияния Пельима с Тавдой. В качестве самостоятельных уделов в состав Пельимского княжества входили Кондинское княжество и Таборинская волость. Объединенное войско Пельимского княжества представляло собой грозную силу, с которой приходилось считаться всем, кто претендовал на Зауралье, в том числе и Москве.

Свои государственные образования были и у хантов. Среди этих образований выделялось Кодское княжество на Оби. На севере, в низовьях Оби располагалось Обдорское княжество с центром Пулноват-Ваше. В бассейне р. Сосьвы и Ляпина образовалось Ляпинское княжество. Здесь жили манси, переселившиеся из-за Урала. На территории этого княжества существовало несколько древних хантских городков: Куновацкий, Ляпинский, Мункос, Березовый.

Со временем, уже в русский период, по Сосьве и Ляпину манси частью ассимилировали хантов, частью вытесняли к востоку. В Верхнем Прикамье от озера Чусовского на север до реки Чусовой на юге по Каме жили предки коми-пермяков. Жившие по соседству предки нынешних коми-зырян, манси и ханты постоянно общались друг с другом. Эти контакты выражались в торговле и брачных связях.

Продвижение Москвы в Зауралье

Москва начинает активное наступление на зауральскую Югру в 1465 г., когда по распоряжению Ивана III Московская рать во главе с устюжским воеводой Василием Скрыбой совершила поход на восточный склон Урала. Ратники захватили в плен и привезли в Москву двух югорских князей — Калпака и Течика. Пленники принесли Ивану III присягу в верности и обязались платить ему дань, после чего были отпущены на родину. Однако, как показало ближайшее будущее. Югра не собиралась на деле признавать власть Москвы. Особенно непримиримо вели себя пельимские князья. Регулярными

становились набеги на русские приуральские владения. Наибольшей воинственностью отличался князь Асыка. Во времена одного из набегов, в 1481 г, когда погиб великопермский правитель Михаил, Асыка сжег до основания городок Покчу.

В 1483 г. состоялся ответный поход русских войск в Зауралье. Ратники перешли через Уральский хребет в верховьях Печеры или Вишеры, затем спустились по рекам Лозьве и Тавде до устья Пельима, где и произошло главное сражение с пельымскими манси во главе с сыном Асыки Юмшаном. Пельымцы были наголову разбиты. Победители отправились по реке Тавде, затем по Иртышу, вошли в Обь, где пленили кодского князя Молдана и еще двух югорских князей, и через пять месяцев возвратились в Устюг. Пленников отправили в Москву.

Москва решила, что она прочно укрепила свои позиции в Зауралье. Уже в 1484г. московский государь дополнил свой титул и стал именовать себя еще и «великим князем Югорским». Однако правители югорских княжеств не относились серьезно к принятым на себя обязательствам.

1499г. — начало грандиозного похода русских войск на Югорскую землю, Коду и вогуличей под начальством князей Семена Курбского (сына Федора Черного) и Петра Ушатого и воеводы Василия Гавриловича Бражника Заболоцкого (участвовало более 4 тыс. чел.), часть экспедиционного корпуса (под командованием Ушатого), состоявшая из двинян, пинежан и важан, шла Мезенским путем через Пинежский волок; другая часть (под командованием Семена Курбского), состоявшая из устюжан и вымичей, — Вымским волоком. Соединившись на Печере, воеводы поздней осенью двинулись к Уралу. Отряд Бражника Заболотского перешел через хребет Югорским переходом и двинулся на Пельымское княжество; отряд Курбского и Ушатого «щелью» (через ущелье) вступил в Югру и дошел до хантыйского городка Ляпина (шли на лыжах). В результате похода было взято 42 укрепленных югорских поселения, попали в плен 58 местных князей; земли ханты и манси вплоть до устья Оби были покорены. В марте 1500г. рать вернулась на Русь. Иван III присвоил себе титул «князя Кондинского и Обдорского».

Однако и после этих событий отношений прочного подданства у зауральской Югры с Москвой не сложилось. В немалой степени это объяснялось сильным влиянием на политику хантыйских и мансийских князей их южных соседей — сибирских татар, потомков тюркизированного обско-югорского населения, проживавшего на границе леса и лесостепи.

Заключение

Естественным путем на Урал с самых древних времен была река Кама. Существовал еще очень древний водный путь от Великого Новгорода на восток, в Пермь, Печеру, Югру и за Урал. Путь этот был проложен еще в XII веке, во время распространения на северо-восток Европы новгородского владычества.

Русская колонизация не нарушала традиционных направлений миграций местного населения. В ходе их продолжались процессы этнической консолидации. Коми-пермяки, в результате переселения на более компактную территорию по Косе и Иньве с их притоками и ассимиляциями мигрировавшего в эти же районы коми-зырянского и удмуртского населения, сформировали основное ядро народности, которая до сих пор занимает эту же территорию.

Миграции татарского, башкирского и марийского населения в Сызвенское Тулвинское поречья привели к образованию значительных этнических групп-землячеств оторванных от основной этнической территории, но сохранивших свое этническое своеобразие в окружении преобладавшего русского населения. То же происходило и с коми-зырянами, оседавшими на восточном склоне Урала, в окружении угорского и русского населения. Отход части угорского населения с западного склона Урала из районов русской колонизации на восточный склон способствовал его консолидации на более компактной территории, однако в меньшей степени, чем у населения с производящими формами хозяйства, поскольку сохранение охоты и рыболовства в качестве основы экономики вызывало необходимость рассредоточения.

В процессе совместного заселения и освоения Урала, происходило взаимодействие хозяйства, культуры, быта и языка русского населения с нерусскими народностями и этническими группами, которое вело к взаимному обогащению их культуры и языков.

Колонизация Урала XV — XVII веков

*«Колебля хвойными крылами,
Лежал Урал на лапах золотых».
Ксения Некрасова*

1. Вступление, географическое положение, природные ресурсы Урала

Колонизация Урала была особым социальным процессом, особенности которого определялись общими закономерностями развития русского феодализма, как вширь (перенос уже сложившихся феодальных отношений на новые, слабо заселенные территории), так и внутрь (внутреннее развитие этих отношений на осваиваемых землях при взаимодействии с местным населением). Этот процесс был частью общерусского процесса заселения и освоения окраин и имел свои региональные особенности. На него оказывала влияние классовая борьба и борьба религиозных течений (язычество, ересь) на основной территории русских княжеств, а затем и формирующегося государства. Отлив всех недовольных и преследуемых властями на окраины ослаблял обострение классовой борьбы в центре государства. Эти, наиболее социально активные элементы народных масс, и играли главную роль в заселении и освоении края. Заселение и освоение Урала было процессом внутренней колонизации — расширение государственной территории и укрепление на ней обычных для русского государства органов управления, установление прочных экономических связей. Основной причиной колонизации Урала было получение огромного фонда свободных земель, пригодных для освоения, и заинтересованность в этом всех слоев населения.

Географическая среда оказывает прямое или косвенное влияние на переселения людей, их направления и интенсивность. От природных ресурсов зависит уровень и тип хозяйства, что в свою очередь накладывает отпечаток на развитие общественного строя и этничес-

кие процессы. В процессе колонизации происходит освоение переселенцами географической среды. Оно состоит в ее изучении, расширении представлений об окружающем мире и является целью географических открытий. Человек не только приспосабливается к новым условиям, используя природные богатства, стремясь устранить неблагоприятные воздействия окружающей среды, но и изменяет эту среду в процессе своей деятельности.

Средний Урал представляет собой особый природный район в составе обширного уральского региона. В его пределах находится наиболее пониженная часть Уральского хребта, что обеспечивало с древности лучшие возможности для переселения человека с одной стороны хребта на другую. Обе стороны хребта неплохо связаны между собой речными путями и волоками. Истоки рек близко подходят друг к другу (Вишера, Лозьва, Уфа, Миасс, Исеть и др.). Особое значение издревле имела Чусовая, пересекающая среднюю часть хребта почти по диагонали.

Естественные пути сообщения — реки — в значительной степени определяли пути расселения русского и нерусского населения по территории Урала, Первоначально осваиваются северные районы Урала по обоим его склонам, лежащие на удобных речных путях и волоках, соединяющих их с северным Поморьем. Местное население, которому эти пути были известны ранее, помогало в их освоении русским первопроходцам. После падения Казанского ханства, перекрывавшего путь с юга, в Приуралье начинается приток населения из Поволжья вверх по течению Камы. Русское и нерусское население проникает в верховья Камы с притоков Вятки. На восточном склоне Урала основной водной магистралью расселения становится Тура с ее притоками.

Изолированность Среднего Урала с юга была больше, чем с севера. Однако речные пути по основным многоводным рекам связывали его с Поволжьем и южными районами Западной Сибири, а сухопутные — со Средней Азией. Камский речной путь был удобным для движения с севера — по течению. В Зауралье первые русские поселения распространялись по притокам Оби тоже по течению — с верховий к устьям.

Местное население Урала задолго до прихода русских стало разрабатывать полезные ископаемые края — медистые песчаники Прикамья и сульфидные руды Зауралья, болотные железные руды, различные породы камня, глины и соль. На дне старинного озера Коджиль у с. Вильгорт Чердынского района сохранились примитивные рассольные трубы, которые местные жители связывают с легендарной

«чудью». В том же районе известны и другие выходы соляных рассолов и древние соляные трубы. Интерес русских к рудным богатствам Урала проявился с самого начала их проникновения. В русских летописях и актах неоднократно упоминаются открытие руд, месторождений драгоценных и строительных пород камня, хороших глин и других полезных ископаемых, которыми создали базу для зарождения горнозаводской промышленности Урала. Засухи, наводнения и морозы отрицательно сказывались на развитии сельского хозяйства, а оттепели и заморозки и на развитии охоты. Они влекли за собой, как правило, голодные годы. В XV в. семнадцать лет были неблагоприятными по своим климатическим условиям, т. е. почти [пятая часть всего столетия. Неурожайными были иногда несколько лет подряд (например, восемь лет 1420-1427 гг. в первой четверти века и четыре года во второй половине 1465-1468 гг.).

В XVI в. стихийные бедствия следовали одно за другим. На этот период приходится 45 голодных лет, в результате которых на рубеже 60-70-х годов наступило «великое разорение», Приуралье было захвачено общерусским голодом 1602 г.: «пермяки многие в голод тот разбрелись вятским и сибирским городам и инии померли с недядения».

Можно представить, в каких трудных условиях осваивали русские крестьяне северную часть Среднего Урала, с которой началась колонизация. Стихийные бедствия, поражавшие чаще именно северные уезды, послужили одной из причин отлива из них населения в районы с более благоприятными климатическими условиями.

По определению костных остатков из раскопок археологических памятников IX-XV вв. можно заключить, что на Среднем Урале преобладали таежные животные, которые и были основным объектом охоты местного, а затем и русского населения, как мясные (лось, олень, медведь, кабан, зайцы, косуля), так и пушные (бобр, куница, белка, рысь, лиса). Объектом охоты была также водоплавающая (гуси, лебеди, утки) и лесная птица (глухарь, рябчик). Русские, начиная с XI в., обращали внимание, прежде всего на пушные богатства Урала, которые составляли главную часть дани с местного населения.

Природные условия Урала до начала и в период начала массовой русской колонизации мало отличались от современных. Суровый климат, малоплодородные почвы, сильная облесенность представляли немалые трудности при освоении края. Однако природные ресурсы Среднего Урала были не беднее, чем в центральном и северном Поморье, откуда шел основной приток русских людей, а почвы и климат

южной части этого района были гораздо более благоприятны для развития сельского хозяйства, как и полезные ископаемые — для развития ремесла и промышленности. На раннем этапе (XI- XV вв.) преимущественно использовались пушные, рыбные и отчасти соляные богатства края. С XVI в. Возрастает значение сельскохозяйственного освоения сначала малопродуктивных земель, использования лесных богатств не только в бытовых, но и в промышленных целях (солеварение, строительство сооружений, связанных с ним, топливная база, получение химических продуктов — смола, деготь и т. д.). Рудные богатства использовались еще в очень ограниченных размерах.

Природные условия в значительной степени определяли выбор места для поселений, в том числе и городов, их планировку (расположение на естественных путях, учет рельефа местности, выбор незатопляемых мест, близость к соляным источникам, к местам обитания местного населения, естественная защита от ветров и т. д.).

2.1. Колонизация 15 века — захватничество и торговля

В XIV-XV вв. расширяется торговля славян с обитателями «полуночи стран», растет объем знаний об этногеографии Предуралья, Урала, Зауралья Северные речные пути в Югру все еще оставались в руках новгородцев, которые заносили географические сведения о «полунощных странах» в летописи, дорожники (путеводители для торговцев и промышленников, отправлявшихся с экспедициями на восток). Так, Софийская первая летопись под 1396 г. сообщает, что р. Вымь «впаде в Вычегду, другая река Вычегда, обходяще всю землю Пермскую, потече к северной стране и паде в Двину ниже Устюга 40 верст, река же третья Вятка потече с другою сторону Перми и вниде в Каму реку, сия же река Кама обходяще всю землю Пермскую, по сей бо реце мнози языци сидят и потече на юг в землю татарскую и паде в Волгу ниже Казани 60 верст».

Маршруты новгородских купцов в «полунощные страны» зафиксировал Югорский дорожник, на основе которого написал главу своих «Записок» имперский и австрийский посол в «Московии» Сигизмунд Герберштейн.

В XIV-XV вв. был открыт более короткий и удобный путь в Югру из Москвы по рекам Вологде, Сухоне, минуя Устюг, по Северной Двине и Вычегде. Упоминание об этом северном пути содержится в Жизнеописании Стефана Пермского, составленном Епифанием Премудрым в 1396-1397 гг.: «Всякому, хотящему шествовати в Пермскую землю удобствен путь есть от града Устьвыма рекою Вычег-

дою вверх, дондеже внидет в самую Пермь». Пермский дорожник, составленный, вероятно, в конце XV в. и обнаруженный недавно историком АИ. Плигузовым, намечает путь за Урал через Устюг — Усть-Вымь — Пермь Великую — к вогуличам (манси). Дорожник содержит уникальные историко-географические сведения о Перми Великой и одно из древнейших упоминаний Оби: «Обь — великаа река, идет из Кытайские земли из озера Болванники»; «Есть в Перми Великой две горы: едина Полутова зовется, Полут наугородец бился с нее, всходити на нее не могут. А на другую не мощно взыти, три дни на нее итти, а не мощно взыти». В Записках Герберштейна также содержится известие о маршруте в Восточную страну через Устюг (в обратном направлении): «Тем, кто отправляется из Перми в Устюг, надо плыть вверх по Вишере; проплыв по нескольким рекам и перетаскивая иногда суда по земле в другие реки, они достигают, наконец, Устюга, лежащего в трехстах милях от Перми».

В XIV в. обострилось соперничество между Новгородом и Северо-Восточной Русью за обладание торговыми путями в Восточную страну. Серьезную угрозу для новгородских ушкуйников представлял Устюг, находившийся в зависимости от Ростово-Суздальского княжества. Устюжане разбили и ограбили новгородцев, «кто ходил на Югру», в 1323 и 1329 г. Новгородцы в 1324 г. одержали верх над устюжанами и заставили устюжских князей заключить мирный договор, который, однако, соблюдался Великим Устюгом недолго. Войдя в конце XIV века в состав Великого княжества Московского, Устюг стал играть роль форпоста в борьбе с Новгородом; с этого времени начинается планомерное наступление Москвы на Двину и Печору.

В 1397 г. кн. Московский Василий I отправил своих послов в Двинскую землю с предложением перейти под протекторат Москвы. Предложение было принято; боярство и купечество Двинской земли получило ряд привилегий от великокняжеской власти («гостям двинским», в частности, было дано право беспошлинной торговли в пределах территории всего великого княжения). Однако в 1398 г. новгородцы отвоевали Двинскую землю.

Устюжане принимали участие в походах на новгородские земли в Подвинье в 1401, 1417, 1425, 1471 гг. Чтобы парализовать наступление на свои территории со стороны Московского княжества, новгородцы совершили ряд походов на Устюг в 1393, 1398, 1417, 1425 гг., во время которых город подвергался жестокому ограблению.

В 1363-1364 г. новгородцам удалось еще совершить успешный поход на Югру; причем впервые они вышли на Обь. Летописец сооб-

щает по этому поводу: «Зимою с Югры новгородцы приехаша, дети боярский и молодые люди, и воеводы Александр Абакунович, Степан Ляпа, воеваша по Оби реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воевоша».

Однако в последней четверти XIV в. монополии новгородцев на торговлю с «полунощными странами» был нанесён серьёзный удар. В 1383 г. учреждается Пермская епархия, которая становится проводником московского влияния среди коми-зырян, в бассейнах рек Вычегды и Выми, а также исходным пунктом для утверждения власти Москвы на Печоре и в Верхнем Прикамье. Жизнеописание Стефана Пермского свидетельствует о создании аппарата московской администрации в Вычегодской Перми, («и тивуни, и доводщици, и приставници»), а также об усилении эксплуатации местного населения («От Москвы может ли что добро быти нам? Не отгуду ли нам тяжести быша, и дани тяжкие, и насильства ...?» — вопрошал пермский волхв, сотник Пам). О том, какое значение для экономики Московского княжества приобретала торговля мехами, добываемыми на Северном Урале, свидетельствует устами Пама то же Жизнеописание Стефана Пермского: «... Не нашею ли ловлею и ваши князи и бояре и велможи обогощаеми суть, в ня ж облачаса и ходять, и величаются, подолы риз своих гордящеса?...» «Не от нашей ли ловли и во Орду посылаются и досязають даже и до самого того мнимого царя, но и Царьград, и в Немцы, и в Литву, и в прочаа грады и страны и в дальня языки».

В XIV — начале XV вв. появляется оседлое русское население в Верхнем Прикамье, начинается стихийная колонизация края преимущественно выходцами с севера, из бывших ростово-суздальских земель. В 1398—1409 гг. ставленник Москвы Анфал Никитин основывает Анфаловский городок — первый русский укрепленный пункт на Верхней Каме. В первой половине XV в. посадские люди из Вологды Калинниковы заводят солеварни на р. Боровой и Усолке, где возникает промышленное поселение, выросшее затем в Соликамск. Таким образом, было положено начало и промышленно-посадской колонизации края.

В 1402 (или 1403) г. Вятскую землю приобрел великий князь Московский Василий I Дмитриевич, отдавший ее в удел своему брату Юрию Галицкому. В период кровопролитной борьбы между враждующими кланами правящей династии за великокняжескую власть, т. н. феодальной войны 2-й четверти XV в. Вятская земля стала одной из опорных баз галицких князей (наряду с Галичем, Угличем, Устюгом). Данное обстоятельство, по мнению А. А. Зимина, имело

глубокие исторические и этнокультурные корни. «Север во многом еще смотрел в далекое прошлое, грезил о золотых временах безвластия, — пишет историк. — В варварстве северян был один из источников их силы. Север и Поволжье этнически были не чисто русскими землями, а многонародными, имперскими. Кто знает, кого там жило больше — русских или пермяков, удмуртов или мари, чувашей или мордвы. Их язычество еще было достаточно сильно и враждебно казенному православию. Северу была присуща ценность, которой не знала Москва, — любовь к свободе. И разве кто-нибудь способен кинуть в северян камень за эту пленительную страсть? ... Вятчане, эти полуразбойники, полуохотники, добытчики пушнины, которой торговали новгородцы с заморскими купцами, были душой побед галицких князей и на Куси в 1433 г., и в Ростовской земле в 1434 г., и успехов Василия Косого в 1435 г., а их воеводы разделили с Косым печальную участь в 1436 г., казненные по указу московских властей»¹. В 1459 г. великий князь Московский Василий II подчинил Вятку, но в ней продолжалась борьба сепаратистски настроенных бояр и купцов со сторонниками московской ориентации.

К середине XV в. позиции Новгорода Великого на Севере были уже значительно ослаблены. Неудачным был последний поход 3-тысячного новгородского войска под руководством воевод Василия Шенкурского и Михаила Яковлева на Югру в 1446 г. Первоначально новгородцы имели успех, захватили большую добычу. Однако югричи обманули их заявлением: «Мы хотим вам дань давать, хотим перечислить, сколько всех нас, указать вам станы, острова и урочища». Между тем, собрав силы, югорцы напали на острог, в котором располагался отряд Василия Шенкурского, и уничтожили до 80 человек детей боярских и воинов.

После Яжелбицкого (1456) и Коростынского (1471) договоров Москвы с Новгородом прекращаются походы новгородских дружин в Югорскую землю за пушниной, происходит окончательная и полная передача Москве восточных волостей Новгорода, переход основных торговых путей на восток в руки московских князей. В последней четверти XV в. великий князь московский Иван III расширяет сферы своего влияния на Урале. В 1472 г. московская рать под началом кн. Федора Пестрого и Гаврилы Нелидова совершила успешный поход в Пермь Великую. Городки Урос, Чердынъ, Покча сдались войскам Ивана III без сопротивления. Единственное сражение произошло возле городка Искор; Федор Пестрый одержал верх над пермским ополчением. В результате Пермь Великая вошла в состав Московского государства, а для Ивана III открылись пути в Заура-

лье, в Югру. Предания о событиях 1472 г. на протяжении нескольких столетий сохранялись в памяти местных жителей. В начале XIX в. крестьяне Искорской сотни Чердынского уезда показывали путешественнику, историку, географу В. Н. Берху высокую гору, на которой, по их мнению, располагался древний Искор. Крестьяне утверждали, «что искорских жителей осаждали с упомянутой плоскости, и поелику они, защищаясь, опускали на осаждавших бревна и большие камни, то последние так ожесточились, что, взяв городок сей, истребили оный совершенно». Правда, по мнению чердынских крестьян, осаждавшими были не россияне, а «то были ровно татара». В. Н. Берх своеобразно объяснял замену русских татарами в преданиях жителей Прикамья: «Чердынцам не мудрено было ошибиться, ибо они, удаляясь из России до нашествия батыева, сохранили прежние нравы и обычаи, а соплеменники их, пробыв 200 лет под игом татар, приняли многие обычаи их и носили даже арачкины или маленькие шапочки»². В действительности, вероятно, в данных преданиях произошло смешение различных исторических пластов: второй половины XV в. (когда имел место поход кн. Ф. Пестрого в Пермь Великую) и более позднего времени — вплоть до середины XVII в. (когда воинственные манси-вогулы и сибирские («нагайские») татары совершали неоднократные набеги на Соликамский и Чердынский уезды).

После похода 1472 г. местный великопермский князь Михаил был отправлен в Москву. Иван III вновь отпустил его «на Пермь княжити». Одновременно великокняжеским воеводой в Великую Пермь был назначен кн. Ф. Д. Пестрый. До 1505 г. Пермь Великая сохраняла статус особого княжества в составе Русского государства, пока Василий III не отстранил от управления последнего великопермского князя Матвея, заменив его своим наместником В. А. Ковром. Уже в 1483 г. в ответ на набег пельымского «князя» Асыки на Пермь Великую (1481) московская рать во главе с воеводами кн. Федором Курбским Черным и Иваном Салтыком-Травиным совершила поход против Асыки и его сына Юмшана. Войска Ивана III перешли уральский хребет, разбили вогуло (манси) на Пельше, по Оби и Иртышу, Тавде и Тоболу вошли в «Сибирскую землю», «повоевав» которую, по Иртышу спустились в Обь, захватили в Югорской земле «князя» Молдана и двух сыновей «князя» Екмычя. Пленные югорские «князья» были доставлены кн. Ф. Курбским в Москву. 14 марта 1484 Иван III впервые включил в свой титул название Югорского. В конце декабря 1484 г. недалеко от центра Пермской епархии городка Усть-Вымь при посредничестве пермского епископа Филофея был заклю-

чен мир с кодскими и югорскими «князьями». «Князья» Молдан, Пыткей, Пынзей (брат некоего Чалмака), неизвестный по имени «сын Молдана» и один из сыновей Якмычея клялись соблюдать мир. Участники переговоров закрепили мирный договор полуязыческим-полухристианским обрядом: трижды ходили вокруг елки в медвежьей шкуре с острыми саблями в руках; при этом кланялись; христиане кресту на елке, вогулы — на юг; пили воду с золота и произносили: «Кто изменит, а ты, золото, чуй». По свидетельствам позднейших и малодостоверных летописей, вогулы присягнули Ивану III и обязались давать ему дань.

В 1499 г. для установления вассальных отношений России с обско-угорскими княжествами в Зауралье была вновь отправлена рать (более 4 тыс.) во главе с воеводами кн. С. Ф. Курбским, П. Ф. Ушатым и В. И. Гавриловым Бражником. После ряда столкновений с югричами московские воеводы занял 42 укрепленных городка, взяли в плен 1009 «лучших людей» и 58 князцов. Делегация югорской знати, прибывшая на оленях от устья Оби, заявила о своем желании принять русское подданство и выплачивать дань Москве. Жители «Югорской земли» были приведены «к роте по их вере» за великого князя. Иван III включил в свой титул звание князя Югорского, Обдорского и Кондийского. В результате походов 1483 и 1499 были созданы основы для политической интеграции Югорской земли в состав Московского государства; завершился этот процесс в следующем столетии.

С сепаратизмом Вятской земли Москва покончила в 1489 г. В июне этого года огромное московское войско в 64 тыс. чел., набранных в центральных и поморских районах, во главе с опытными полководцами кн. Д. В. Щеней, Г. И. Морозовым выступило на Вятку. В походе на стороне Москвы участвовало даже 700 конников казанского хана Мухаммеда-Эмина. Взяв Котельнич, в середине августа московские воеводы осадили столицу Вятской земли г. Хлынов. Вятчане были вынуждены выдать своих лидеров Москве и присягнуть на верность Ивану III с обязательством «дань давати и службу служить». Вместе с русскими присягу давали и коренные жители Вятской земли, северные удмурты.

2.2. Политика правительства по регулированию колонизации Урала

Во второй половине XVI века в связи с укреплением и расширением границ Русского государства начинается массовая колонизация его окраин — черноземного центра, юга, средиго и нижнего Поволжья. Колонизация Урала — это часто проявление общерус-

ского колонизационного процесса, имеющее кроме общих черт и свои специфические особенности. В этот период наблюдается два основных колонизационных потока. Закрепощаемое крестьянство центральных районов государства переселяется в южные районы страны и Поволжье, а черносошное крестьянство северных уездов Поморья — в Приуралье, а затем в Сибирь.

Во второй половине XVI в. начинается новый этап в освоении Урала, которое сдерживалось военной опасностью со стороны Казанского и Сибирского ханств и Ногайской орды. В 1552 г. под ударами русских войск пало Казанское ханство.

Правительство, заинтересованное в быстрейшем закреплении восточных окраин в составе государства и их хозяйственном освоении, на этом этапе поощряет все формы колонизации, стремясь регулировать и направлять их в нужное ему русло. Первоначально эти меры по стимулированию переселения русских людей были опробованы в Приуралье, что обеспечило затем их более быстрое применение на восточном склоне Урала и в Сибири. Одним из важнейших условий развития массового переселения было обеспечение безопасности от внешнего врага — сначала казанских и сибирских феодалов, а затем от их потомков и башкирских феодалов. Быстро строились укрепленные русские города. Продолжается принудительное переселение в них лиц управленческого и военослужилого аппарата. Было разрешено «прибирать в службу» крестьян, посадских и гулящих людей, которые «чтоб были собой добры, и стрелять горазды, и не воры». Все они получали денежное и хлебное жалование, им отводились земли под пашни и сенокосы. Истоки и социальные мотивы политики правительства в отношении заселения и освоения Урала состояли в классовой заинтересованности по созданию опорных центров для защиты раздвинувшихся восточных границ государства, в закреплении Урала в составе государственной территории, получении новых экономических ресурсов для пополнения государственной казны, укреплении в крае феодальных отношений. Определенная двойственность этой политики оправдывалась недостатком государственных материальных средств освоения Урала в сложных условиях борьбы с внешней опасностью на западных и южных границах, невозможность удержать Приуралье в составе государства только с помощью многочисленного административного аппарата. Правительство шло на поощрение стихийных переселений, льготы и поддержку частной инициативы, охрану местного населения от произвола администрации, смягченные формы эксплуатации.

2.3. Роль Строгановых в колонизации Урала

Правительство Ивана IV, втянутое в затяжные войны на западных и южных рубежах, было вынуждено пойти на предоставление особых условий солепромышленникам и торговцам Строгановым, взявшимся на свой страх и риск за организацию обороны и эксплуатацию соляных богатств Урала. В 1558 г. Г. А. Строганов получил первую царскую жалованную грамоту на «отхожие земли» по р. Каме от устья р. Лысьвы до устья р. Чусовой. На этих землях уже проживало редкое коми-пермяцкое и русское население. Они занимали огромную территорию площадью около 3, 4 млн. десятин. Строганов был обязан строить городки с военными гарнизонами «для обережения от нагайских людей и иных орд», также «пашни росчисти и дворы ставити... и соль вариш». Вопрос о хозяйственном освоении и обороне новых земель решался без каких-либо затрат со стороны государства, которое получало еще прямую прибыль от поставки соли в казну и выявления полезных ископаемых, которые самим Строгановым запрещалось разрабатывать («а самому ему тех руд не делати без нашего ведома»). Этим и объясняется необычайно большой срок льготы от уплаты налогов - 20 лет.

Строгановы обязывались «тяглых людей и письменных к: себе не называти и не принимати... воров... и боярских людей беглых... и татей и разбойников». Более того, они должны были ловить беглых и возвращать их владельцам. Это требование они никогда не выполняли, заселяя свои земли беглыми, и «разбойниками», которых могли укрыть от глаз царской администрации. Строгановым запрещалось самовольно расширять свои владения за счет уездных земель Пермь Великой (что они тоже нередко нарушали) и взимать пошлины с проезжих людей.

2.4. Государственная колонизация

Правительство пыталось регулировать также посадскую и крестьянскую колонизацию. С конца 16 в. города на восточном склоне Урала из посадок Центра и Севера Русского государства переводились торговые люди и ремесленники. Им отводились земли под пашни, сенокосы и дворы, давались трехлетние льготы от уплаты налогов до «обзаведения», создавались условия для переезда их сеной велась вербовка для переезда их на льготных условиях.

Производилась вербовка и принудительный перевод пашенных крестьян также на льготных условиях. Кроме временного освобождения от налогов, переселенцы получали «подмогу» в виде скота орудий труда и денег. Денежная ссуда иногда выдавалась государ

ством, а чаще всего, как повинность возлагалась на крестьянские «миры» — общины, терявшие также и наиболее тяглоспособных членов, поскольку уезжали чаще «лучшие люди». В 1590 г. в уезде Вычегодском было предписано «выбрать в Сибирь на житье 30 пашенных людей... и со всеми их животы, а у всякого было по три мерины добрых, да по три коровы... да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани и на подмогу им велено дать по двадцати по пяти рублей человеку»

В 1599 г. по царскому указу из Казани в Верхотурский уезд были отправлены 50 семей «пашенных людей», а 50 были переведены принудительно «из лаишевских да из тетюшских полоняников». С них были взяты поручные записи и дана «подмога» по 25 р. на человека. При поселении на верхотурскую пашню они должны были пахать «на себя... чем им сытым быть», а на государство по две десятины ржи «а я рового хлеба против того вдвое». Так были введены государственные отработки — десятинная пашня. На год раньше — в 1598 г. — в тот же уезд по вербовке переселились крестьяне с Вятки и Перми Великой, получившие по 12 р. и четь муки на человека. Кроме запашки на казну они косили на нее сено и участвовали в строительстве г. Верхотурья. В царских грамотах предписывалось призывать на новые земли только черносошных крестьян, которые не несли тягла или не несли его самостоятельно — членов больших крестьянских семей: «от отца-сына, от дяди — племянников, и от брати братью».

В 1591 г. по инициативе двух зажиточных крестьян братьев Н. Г. и Ф. Г. Калужениных с разрешения правительства в устье р. Тулвы была основана Ново-Никольская слобода. Слободчики в разных уездах набрали рабочих людей», которые на шесть лет были освобождены от налогов. На нее были возложены кроме сельскохозяйственного освоения и чисто военные задачи. По приме этой слободы в XVII в. создавались укрепленные слободы восточном склоне Урала.

Ремесленники поморских городов по указанию правительства были обязаны изготовлять сохи, топоры, серпы и косы для отправки на уральскую и сибирскую пашню. Торгов людям предписывалось привозить эти орудия труда для продажи, они включались в состав «сибирских запасов», отправляемых вместе с хлебом и денежным жалованием служилым людям. Правительство Русского государства стремилось регламентировать все формы заселения и освоения Урала. Однако народная инициатива нередко опережала его действия, а иногда и шла вопреки им. Недаром с конца XVI —

начала XVII в. царские грамоты предписывают искать и возвращать беглых, самовольно переселявшихся на Урал, уходивших от помещиков и государственного тягла.

Стремление правительства направить переселение в нужное русло не всегда ему удавалось.

2.5. Строительство городов. Верхотурье

Первые русские городки на восточном склоне Урала, построенные в XV в. до похода Ермака, были временными стоянками русских гарнизонов и лишь немногие использовались до конца XVI в. (Дяпин). Все они располагались на северном пути за Урал (Печора — Сосьва — Обь). В 80-х годах возникают новые военно-административные центры — Тюмень, Тобольск, Тара, Сургут, Нарым, Томск. Продолжали использоваться временные военные лагеря, основанные дружиной Ермака и шедшими вслед за ней русскими отрядами. Строится Верхне-Тагильский городок. В 1589 г. его гарнизон был переведен в Лозьвинский городок, а сам он был сожжен

В 1588 г. на большом (10 га) мысу при впадении р. Ивдель в Лозьву создается главная перевалочная база на северном пути через Урал — Лозьвинский городок: «Лета 7096' князь великий Феодор Иванович повелел возити на Лозьву городок хлебные запасы от поморских городов на жалование сибирским ратным людей». Городок становится центром обширного уезда во главе с воеводой, укрепляется острогом, городнями и сторожевыми башнями, обнаруженными в наших раскопках. В раскопках С. Г. Пархимовича в 1981–1984 гг. исследована оборонительная система городка, включавшая стену из городей, засыпанных песком и мелкими камнями, угловые башни с нижней жилой частью и ров, шириной до 3,5 м. Изучены также остатки пяти изб, ориентированных по странам света. Они располагались рядами. В них находились кирпичные печи и хозяйственные ямы. Вокруг одной из усадеб обнаружены следы двойной изгороди из кольев.

В культурном слое найдены остатки оружия, железные подковки от мужских сапог, монеты Ивана Грозного, медные крестики, бытовые предметы, шахматная фигурка. В зимнее время в нем скапливалось до 900 т различных грузов, более 2,5 тыс. подвод и до 3 тыс. временного населения. Привезенный хлеб складывался в государственные житницы, соль и боеприпасы — в амбары. На плотбище строились суда, отправлявшиеся с пристани городка на Туру, Тавду, Тобол и Иртыш. Здесь стоял небольшой гарнизон из стрельцов и казаков, хранилось денежное жалование сибирским служилым людям. Городок стал центром сбора ясака с окрестного вогульского населения.

В 1593 г. по указу царя на месте городища — центра пельимских вогуличей при впадении р. Пельим в Тавду — был построен другой русский город — Пельим. Он занимал невысокий большой (около 5 га) мыс, на возвышенной части которого в 1597 г. были поставлены стены кремля из городней, с четырьмя наугольными башнями. В нем находились воеводский дом, погреб для хранения казны и боеприпасов и церковь. С двух сторон к кремлю примыкал посад, обнесенный острогом с двумя проезжими башнями, стояли избы, лавки и хозяйственные постройки. Население города состояло в основном из служилых людей (около 200), набранных в Перми Великой и в Вятской земле и переведенных с западных и южных границ государства — «литва и черкасы». Здесь поселились и 49 крестьян, осваивавших пригородные земли. Их привлекали к строительству городка. Пельим стал центром еще одного нового уезда, включившего вогульские волости по Большой и Малой Конде, Лозье, Сосьве и Тавде. Суровый климат и малоплодородные почвы тормозили земледельческое освоение окрестностей города, но под его защитой на более плодородных землях Таборинской волости начинают строиться русские деревни и слободы. В 1609 г. сюда были переселены по вербовке около 100 «пашенных охочих людей» из Перми Великой.

Артемий Сафонович Бабинов развил новую прямую сухопутную дорогу от Соликамска на верховья Туры, а в 1597 г. по указу царя началось ее строительство. Дорога протяженностью в 263 версты в семь раз сократила путь в Сибирь. С верховьев Туры шел удобный широкий водный путь к основным сибирским городам — Тобольску. Здесь имелся строевой лес, более плодородные земли, чем в северных зауральских уездах. На этом пути было легче переходить через Уральский хребет. Под руководством А. Бабинова дорогу строили Соликамские рабочие люди. Благодаря смекалке и энергии талантливого инженера-самоучки она была построена в короткий срок, менее чем за три года. Недаром его имя увековечено в названии дороги — Бабиновская. Вскоре по ней начался пригон грузов, русских переселенцев, служилых и торговых людей. Она стала основным путем, связывавшим Сибирь с европейской частью Русского государства.

Одновременно с прокладкой дороги началось строительство нового города в верховьях Туры. Для строительства городка Верхотурье в глухом, пустынном месте правительство пыталось набрать рабочую силу вольным наймом. Однако средства (300 р.), отпущенные для этого, были настолько малы, что в Перми Великой не нашлось желающих работать за скудную плату. Пришлось прибегнуть к при-

нудительному найму по расценкам вдвое меньшим, чем требовали нанимающиеся, а также к труду служилых людей и татарских пленников, взятых в Казанском ханстве, т. е. вести строительство обычными крепостническими методами. Поэтому оно затянулось на долгое время, и качество его было невысоким.

Верхотурье стало не только военно-административным центром нового уезда, в состав которого вошла большая часть лесного Зауралья, но и его экономическим центром. Сюда переселялись торговые люди из Перми и Вятки и в 1600 г. был поставлен гостиный двор и «татарский двор» для торговли ясачных людей, появились казенные ремесленники. Ремеслом и торговлей занимались и служилые люди. Город стал центром винокурения и речного судостроения. В 1600 г. в нем разместились 80 плотников, присланных из Чердыни, Соликамска, Вятки и Устюга Великого. Он становится центром ямской гоньбы. В его Ямскую слободу переводятся ямщики из Поволжья и Вятской земли. Здесь строятся церкви и первый в Зауралье Никольский мужской монастырь. Местное вогульское население было обязано платить ясак верхотурскому воеводе. С 1599 г. па прилегающих к городу землях поселяются первые крестьяне, осваивавшие пашни по р. Туре. Верхотурье оказывало помощь в строительстве других сибирских городов. В 1600 г. часть служилых людей, крестьян вооружение, продовольствие и семена были направлены из него в Туринск, а в 1601 г. — верхотурские плотники строили суда для «мангазеиского и енисейского ходу».

Приуралье сыграло важную роль в освоении Зауралья. Власть чердынских воевод была распространена на его северную часть, и некоторые из них становились первыми воеводами новых зауральских уездов. Из Перми Великой на восточный склон Урала переселялись служилые люди, посадское население, мастера по строительству укреплений и речных судов. Соликамские кузнецы ковали сошники и другие орудия труда для крестьян, осваивавших зауральскую пашню. К строительству городов Зауралья были привлечены и Строгановы. В 1592 г. правительство обязало их отправить за Урал 100 человек с полным вооружением и снаряжением».

С возникновением русских городов в Зауралье вся территория северного и среднего Урала прочно вошла в состав Русского государства, были созданы предпосылки массового освоения края русскими.

2.6. Стихийная народная колонизация

Со второй половины XVI в. стихийная народная колонизация становится ведущей среди других форм колонизации, причем главную

роль играет крестьянская колонизация, придающая постепенно всему процессу переселения значение массового явления. Крестьян привлекало на Урал не только обилие свободных земель, более пригодных для развития сельского хозяйства, чем большинство земель северного Поморья (особенно в Среднем Прикамье и в Зауралье), но и возможность занятий традиционными для северного крестьянства промыслами (охота, рыболовство, солеварение, лесоразработки, металлургия и металлообработка). Так же льготы и преобладание на Урале отношений государственного феодализма, выразившихся в Приуралье, в частности, в исчислении государственных налогов в денежной форме (сначала в форме дани мехами), что более стимулировало развитие крестьянского хозяйства, чем барщина и натуральный оброк.

Одной из причин переселения из северных уездов Поморья было начавшееся там закрепощение части крестьян монастырями и сдельными феодалами и усиление феодального гнета в их вотчинах. Уход и бегство крестьян были одной из форм классового протеста против возраставшего угнетения. Этот уход объективно ослаблял классовые противоречия в районах Поморья и был выгоден самодержавному правительству. Сказались и относительное перенаселение на малоплодородных и трудных для освоения землях Севера, Разорение некоторых уездов во время опричнины, а западного Поморья и во время Ливонской войны. На Урал бежали от религиозных преследований участники «еретических» движений.

Крестьяне переселялись и в вотчины Строгановых, привлеченные льготами по временному освобождению от налогов, ссудами на обустройство хозяйства, укрытием (несмотря на запреты правительства) беглых крепостных и спасавшихся от преследования царской администрации. Возможно, что пример быстрого обогащения Строгановых — выходцев из зажиточных крестьян — порождал наивную иллюзию обогащения на новых землях.

Миграции из Поволжья и центра Русского государства были вызваны ростом помещичьего землевладения и барщины, усилением крепостнического гнета, стоном нерусского населения с лучших освоенных земель, насильственной христианизацией, репрессиями при подавлении народных движений. Переселение из этих районов обычно принимало форму принудительного перевода.

Переписи населения Верхнего и Среднего Прикамья 70-90-х годов, несмотря на всю их неполноту, дают возможность статистического анализа, изменений в составе населения, определения основных новых типов выхода переселенцев. Через 48 лет после

переписи Боброва население Приуралья по переписям И. Яхонт-Аристова и Палицына выросло всего на 17—20% (2, 6 душ мужского пола), что, видимо, объясняется сохранением военной опасности с востока и юга до конца XVI в.

Наиболее населенным оказался самый северный уезд (68% — более двух третей всего населения, а наименее — округа Ново-Никольской слободы — менее 4%). Средняя плотность населения составила около 0, 1 чел. на 1 кв. м (0, 09). Плотнее всех был заселен околородный Чердынского уезда (2, 5 чел. на 1 кв. м) и небольшой Соликамский уезд (0, 6 чел. на 1 кв. м), а слабее всех (0, 015 чел.) отхожий округ Чердынского уезда (однако, возможно, что переписи по этому округу не было учтено основное население — коми-пермяки, а переписывалось только русское население). Т. е., по неполным данным плотность населения в начале массовой русской колонизации в Приуралья (без Вятской земли и Башкирии) была не больше, чем в Австралии до начала массовой европейской колонизации.

Во второй половине XVI в. начинается внутреннее переселение русского и нерусского населения в пределах Урала. Из малопродуктивных северных уездов оно, оставляя старые места, перемещается в более плодородные районы

Города Урала возникали как центры сельскохозяйственной округи, с которой они были связаны как административно, так и экономически (рынки сбыта сельскохозяйственной продукции и центры поставки ремесленной продукции в деревню). Они становились и крупными религиозными центрами, в которых концентрировались церкви и монастыри, что обеспечивало идеологическое воздействие феодального города на русскую деревню и нерусское население края. Они были наиболее крупными поселениями, превосходящими по численности населения даже крупные сельские поселения. Рост населения при наличии других градообразующих функций обеспечивал устойчивость городского поселения.

2.7. Хозяйственное освоение Урала во второй половине XVI-середине XVII веков

Более высокий уровень земледельческой культуры русского крестьянства в сравнении с местным способствовал общему подъему сельского хозяйства на Урале. Повсеместно распространяется более совершенное, чем местное рало. На подсечных землях стали применяться более производительные типы русских лесорубных топоров, а для уборки урожая сильно изогнутые железные серпы с большим, чем у местных, коэффициентом полезного

действия. Однако сохраняются и старые орудия труда (мотыги, бороны-суковатки, косы-горбуши и др.)

Крестьянские акты XVI в. упоминают посевы яровых и озимых культур и пар, удобрение почвы навозом, исчисляя пашню в трех «жеребьях», а переписи — в трех полях. Основной земледельческой культурой была рожь (озимая и яровая). Из яровых культур сеяли овес, ячмень и, редко, пшеницу, из технических — лен, коноплю и хмель. В пригородных деревнях развивается огородничество. Выращивали капусту, лук, репу, свеклу. Улучшилось хранение и переработка урожая. В каждом крестьянском хозяйстве были гумна-места для обмолота и хранения немолоченного хлеба, соломы и мякины, житницы и амбары. На смену ручным жерновам приходят водяные мельницы. Они были почти во всех погостах и крупных деревнях.

В целом земледелие развивалось экстенсивно за счет расширения запахиваемых площадей, расчистки их из-под леса («новоросчисти», «причисти»), при большом количестве залежей. Только в Ново-Никольской слободе не было перелoga и пашенного леса, поскольку там сначала осваивались земли тежей с соляных промыслов. На первом месте был Орел-городок, где налоги с них составляли почти две трети всех казенных платежей. Большинство варниц принадлежало посадским людям. Концентрация производства в одних руках была еще невелика. В Чердыни все варницы имели по одному владельцу. В Соликамске началось укрупнение промыслов. Самым крупным солеваром в XVI в. стал Н. Г. Строганов, которому принадлежало 13 варниц, причем все они находились в одном месте — «у острога» Орла-городка. В Соликамске варницы стояли «у посада», в худшем положении были чердынские солевары, варницы которых находились более чем в 30 км от города — на р. Толыч.

В городах Прикамья продолжает развиваться ремесло. По писцовым книгам 1579 г. в трех основных городах насчитывалось 112 ремесленников 33 профессий. В Чердыни их было 66, в Соликамске 17, в Орле-городке 29. Однако это соотношение не отражает полной картины, так как в переписи не учтено участие населения в солеваренном производстве, которое было развито во всех трех городах. Если учесть профессии, связанные с солеварением и профессии, которые можно установить по археологическим данным, то общее число профессий городских ремесленников было более 40, т. е. в шесть раз больше, чем в деревне. Большая часть ремесленников занималась обработкой железа и других металлов (кузнецы, медники, серебряники, котельники), изготовляла орудия труда и предметы

быта, обслуживала потребности солеварения, речного судоходства и гужевого транспорта, производила оружие и доспехи (пищальники, лучники, бронники).

Высокой степени специализации достигли в городах переработка сельскохозяйственного сырья и производство пищевых продуктов. Здесь сложились профессии, почти не встречавшиеся в деревне, такие как хлебники, калачники, солодовники, пивовары, сусленники, винокуры. Обработкой кожи занимались сапожники, кожевники, овчинники, скорняки, шубники, хомутники; обработкой дерева — плотники, бочарники, ведерники, смольники, токари.

Чердынский и новый Верхотурский уезды стали центрами речного судостроения. Лодейные мастера строили суда для перевозки соли и других товаров, «сибирских запасов». Изготовление их шло на основе простой кооперации — в артели объединялись несколько мастеров разных специальностей. Суда изготовляли на заказ и на продажу. В конце XVI в. у Строгановых зарождается кирпичное производство и производство изразцов, покрывавших кирпичные печи и здания. По своей организации оно явилось простой кооперацией с участием нескольких мастеров разных профессий.

С приходом русских в ремесле распространяются более совершенные орудия труда, гончарный круг. Постепенно происходит переход от работы на заказ к работе на рынок. На заказ и местный рынок работали горшечники, кишенники, изготавливавшие холщовые мешки, швецы — «портные мастера», жерносеки и другие ремесленники. Продолжало развиваться и скотоводство. Кормовая база расширялась медленно за счет освоения лесных и пойменных лугов. В северных уездах Прикамья под сенокосы иногда шли заброшенные пашни. Сенокосы составляли четвертую часть всех освоенных земель. Среди костей домашних животных, обнаруженных в раскопках Ломинского городка, преобладали кости свиньи, затем шел крупный и мелкий рогатый скот. Лошадь использовалась как тягловая сила.

Важным подспорьем в крестьянском хозяйстве были охота и рыбная ловля. Основным орудием охоты оставались лук и стрелы. Русские переняли у местного населения некоторые приемы и способы лова.

Под влиянием русского крестьянства у местного земледельческого населения внедряется паровая система, появляются новые орудия труда, удобрение почвы, новые породы скота, более совершенные постройки для хранения зерна и удержания скота. Часть скотоводческого башкирского населения в лесных районах заимствует земледелие от русских и постепенно переходит к оседлости.

Всего по Перми Великой к началу XVII в. было около 30 тыс. десятин сельскохозяйственных. Степень освоения в основном соответствовала плотности населения в уездах и станах. Лучшее освоение были освоены околородный стан Чердынского уезда и Соликамский уезд, а слабее всех — отхожий стан Чердынского уезда. Несмотря на заметные успехи, хозяйственное освоение края еще только начиналось.

В уральской деревне начинает развиваться и ремесло. Перепись 1579 г. упоминает всего о 15 деревенских ремесленниках. Большинство из них жили в деревнях, близко расположенных к городам и в погостах, в Чердынском уезде почти все ремесленники (9 из 100) были беспашенными, в Соликамском — все были связаны с сельским хозяйством. Ремесло как работа на заказ было для крестьян только подсобным занятием.

Крупное производство и торговля развивалась в городах. Солеварение вышло на уровень мануфактурного производства и по существу стало первой отраслью горнозаводской промышленности Урала. Его продукция выходила на многие рынки России. Крупнейшим солеваренным центром с XV в. стал Соликамск-Котельник.

В городах сосредотачивались разные типы торговых заведений (лавки, амбары, полки, прилавки). Самым крупным торговым центром в XVI в. была Чердынь, в которой было 67 лавок, из них третья часть была отнесена к разряду «лучших». Чердынцы торговали с нерусским населением Урала и Сибири. Торговое значение Соликамска возрастает после прокладки Бабиновской дороги, а торговая роль Чердыни, оставшейся в стороне от главного пути в Сибирь, постепенно снижается. Удельный вес торговли в пермских городах был относительно невелик, поскольку оброчные платежи с торговых заведений составляли всего 11% всех платежей.

Большая часть торговых заведений (60, 1%) принадлежала беспашенному населению, т. е. занятию торговлей, как и ремеслом, чаще всего было связано с отрывом от земледелия.

Жители уральских городов занимались и сельским хозяйством, распахивая пашню около города или заводя отхожие пашни и сенокосы в уезде. Зажиточные посадские люди использовали их для обеспечения продовольствием работных людей на своих соляных промыслах.

По количеству ремесленников и их специализации уральские города значительно уступали старым русским городам. Большинство ремесленников были свободными людьми, и лишь небольшая их часть — вотчинными ремесленниками Строгановых. В городах Зауралья появляются казенные ремесленники на государственном жаловании.

Шло сближение в языке, материальной и духовной культуре с населением основных районов расселения этой народности. Урал стал частью ее этнической территории

Экономические результаты колонизации на этом этапе были еще весьма скромными, что объясняется медленным ростом населения.

2.8. Отличие русских колонизаций Урала от колонизаций проводимых европейскими странами

В отличие от западно-европейской колонизации, для которой при завоевании чужих земель даже на раннем этапе, для сбора дани применялись военные походы, заселение и освоение происходило в основном мирным путем, поскольку громадную роль в этом играли народные массы. Прежде всего, крестьянство, экономические (торговые) связи местным населением начали складываться еще до переселения его на Урал. Был использован опыт мирного славянского населения с нерусским населением Севера, куда в основном и шел поток русских поселенцев. До появления на Урале, русские знали язык и особенности культуры финно-угорского населения Севера, что облегчило установление мирных отношений с родственным ему населением Урала.

Русские крестьяне поселялись на одних поселениях с нерусскими, вступали с ними в смешанные браки, привносили черты более высокой земледельческой культуры, рано начали оказывать влияние на культуру и быт нерусских народов. Военно-административный аппарат, сложившийся после вхождения приуральских земель в состав государства, был немногочислен. Основной его функцией долгое время было не столько подавление местного населения, сколько оборона восточных границ государства и русского, и нерусского населения от разорительных набегов соседних феодальных государств (Волжская Болгария, Золотая Орда, Казанское и Сибирское ханства) и кочевых феодалов.

В отличие от западно-европейской колонизации Урал вошел в состав Русского государства не как колония, а как его органическая часть, не как сырьевой придаток и рынок сбыта, а как самостоятельный экономический район, связанный с центром государства. Здесь не было истребления и ограбления нерусского населения края как государственной политики. Злоупотребления царской администрации на местах нередко одинаково касались как нерусского, так и русского населения. Как и русское население, оно получало право жаловаться царю на эти злоупотребления, иногда правительство принимало меры по ограничению и пресечению злоупотреблений,

поскольку было заинтересовано в регулярном получении дани, ясака и других форм феодальной ренты от местного населения. Численность нерусского населения в ходе колонизации не сокращалась, а росла; не были нарушены направления миграций, сложившиеся у него до прихода русских и продолжавшиеся в одном потоке с ними, не производилось резкой ломки хозяйственной деятельности и социальной структуры, которые постепенно сближались с хозяйством и социальной структурой русского населения.

Народные массы русского населения не были господствующей нацией по отношению к нерусским народам. В правовом отношении они мало отличались друг от друга, выполняя одинаковые повинности по отношению к одним и тем же эксплуататорам (феодальное государство, Строгановы, монастыри), против которых вели совместную классовую борьбу. Лишь часть ясачных людей испытывали двойной гнет русских и нерусских феодалов, и их классовая борьба иногда приобретала форму и национальной борьбы, чем умело пользовалась реакционная часть нерусских феодалов и мусульманского духовенства, натравливая народные массы против русских людей, раздувая недовольство отдельными фактами злоупотреблений, насильственной христианизации. В целом же степень эксплуатации нерусского населения на Урале в период феодализма была мягче, чем в период капитализма.

Заключение

Сложность колониационного процесса на Урале состояла в том, что он имел разные стороны своего проявления:

а) демографическую — опережающий рост населения за счет миграций над естественным приростом населения, преобладание мужского населения средних возрастов на ранних этапах заселения, взаимодействие разных этнических общностей и рост смешанных браков, длительное сохранение больших семей в связи с необходимостью семейной кооперации при освоении края;

б) экономическую. Основным результатом освоения края было сложение на месте пустовавших земель экономически развитых районов с четко наметившейся специализацией производства, связанных между собой торговым обменом. Значительный прогресс наблюдался в хозяйственной деятельности нерусского населения, также втянутого в товарное производство;

в) социальную. К началу XVII в. на Урале сформировались и укрепились феодальные отношения, прошедшие стадию развитого феодализма и вместе со всей страной вступившие в стадию позднего

феодализма. Заселение края в основном из черносошных земель северного Поморья, в то время как Среднее Поволжье и южные окраины заселялись из крепостнического центра.

г) экологическую. Большинство переселенцев не были выходцами из северных районов Поморья, осваивая природную среду севера Урала, сходную с местами первоначального проживания, по привычным для них водным путям, улучшая их и прокладывая новые. Позднее осваиваются наиболее удобные районы для дальнейшего развития сельскохозяйственного (более теплый климат, плодородные почвы, обширные луга) и промышленного производства (выходы полезных ископаемых; причем первыми осваиваются соляные богатства, приемы разработки которых хорошо известны в Поморье). Увеличивается емкость природных ландшафтов за счет введения в оборот расчищенных захламленных лесов и земель, искусственного повышения плодородия почвы за счет удобрения и внедрения прогрессивных систем земледелия, новых земледельческих и технических культур и пород скота, разработки полезных ископаемых. Однако, наряду с положительным влиянием на изменение природной среды, постепенно дают себя знать и отрицательные факторы экстенсивного освоения: вырубка и выжигание лесов, ведущие к обмелению рек и эрозии почвы, вторжение земледельцев в охотничьи рыболовные угодья и места добычи — к сокращению лесной дичи и рыбы, распашка пастбищ — к сокращению кормовой базы для скота, недостаток удобрений — к истощению почвы, поверхностное использование руд и соли при примитивной технике — к истощению их запасов. Хищнические методы хозяйством применяли феодалы и промышленники. Наиболее рациональные приемы использования природной среды вырабатывает старожильческое население, передававшие накопленный опыт последующим поколениям.

д) этническую. В ходе заселения и освоения края главными стали процессы этнической консолидации — переселение в родственную этническую среду, заселение более компактной этнической территории, сближение разных этнических групп между собой. Процесс формирования народностей нерусского населения ускорился, у некоторых уже завершился, и это было безусловно, прогрессивным явлением. Происходила этническая консолидация русского населения, сформировавшегося из выходцев разных районов страны, усилились его связи с основной территорией формирования великорусской народности, органической частью которой стало уральское население. Одновременно в русской и нерусской среде проходили процессы дифференциации, сформировались устойчивые этничес-

кие группы — землячества (население Вятской земли — вятчане, эюэдинские и язвенские коми-пермяки, марийцы на Сылве, бесермяне на Каме), происходила этническая ассимиляция (русскими — небольших групп нерусского земледельческого населения, татарам — башкир и манси, удмуртами — части татар и т. д.). Ассимиляция проходила мирным путем, без подавления одной этнической группы другой, без насильственной русификации. Усилилось взаимное влияние материальной и духовной культуры разных народов, обогащение и сближение их между собой при ведущей роли в этом процессе культуры русского населения.

Заселение и освоение Урала было трудовым подвигом народных масс крестьянства, посадских и служилых людей,

В заселении и освоении Урала одновременно принимали участие разные классы и социальные группы, взаимодействующие между собой. Главной из всех форм была крестьянская колонизация, как наиболее массовая, питавшая из своей среды и другие формы, определившая пути и темпы миграций, сыгравшая главную роль в освоении края. Посадская и служилая колонизация на ранних этапах обеспечили безопасность и массовость крестьянской, сыграли немалую роль в хозяйственном освоении. Русские города были первыми на Урале и быстро прошли путь развития от раннефеодальных до позднефеодальных. Правительство пыталось регулировать все формы колонизации, шло на определенные ссуды и льготы. Но не только крестьянская, а отчасти и посадская колонизация проходили стихийно, вопреки воле правительства. Монастырская колонизация шла вслед за крестьянской и существенной роли в заселении и освоении края не сыграла.

Урал — край природных богатств. Удачное географическое положение, многонациональность обитателей с их сложившимися традициями, суровая, прекрасная природа, несметные богатства — все это делало Урал местом чрезвычайно интересным для России. Освоение Урала положило начало продвижению России на восток, благодаря которому наша страна стала наиболее обширной во всем мире. Этот процесс был связан со многими трудностями: тяжелые климатические условия, удаленность от центра, сопротивление местного населения и т. д. Но то, что этот край дал государству во много раз больше и важнее. Это и большие территории, минеральные богатства и полезные ископаемые, лесные и водные ресурсы, обширный материал для этнографических исследований, места для постройки заводов и, наконец, для закалки духа людей, отважившихся проникнуть на неисследованные территории. Освоение Урала было важным шагом в истории России, вот почему его колонизация так значима.

Колонизация Урала XVII — XVIII веков

Заселение Сылвенско-Иренского поречья, колонизация Кунгурского края

Введение

В начале XVII века государство было заинтересовано в увеличении доходов за счёт включения в тягло населения колонизируемых районов и в освоении новых территорий. Также необходимо было укрепить пограничные районы. Поэтому возникла необходимость колонизации новых территорий Урала.

В середине XVII века правительством были проведены мероприятия, в результате которых феодальное землевладение было в некоторых уездах государства потеснено.

В 1648- 1651 и последующих годах государство принимает меры к созданию нового уезда черносошного крестьянства на землях Сылвенско-Иренского поречья.

В ходе заселения и превращения Сылвенско-Иренского поречья в черносошный Кунгурский уезд на протяжении всего рассматриваемого времени отчётливо выделяются два этапа, гранью между которыми является башкирское восстание 1662 — 1664 гг. . Именно тогда башкирские феодалы подвергли жестокому разорению некоторые районы Приуралья (в том числе Кунгурский уезд) и Зауралья, а русская колонизация пограничных с Башкирией местностей, временно затормозилась.

Примерно с конца 60-х годов XVII века начинается постепенное изживание тяжёлых последствий «башкирского разорения» и заселение Кунгурского уезда начинает идти быстрыми темпами.

1. Заселение Кунгурского уезда до башкирского восстания 1662–1664 гг.

«Кунгурскую селитьбу» 1648 — 1651 гг., в результате которой феодалное государство несколько потеснило крупное частное землевладение в этом районе, следует рассматривать как одно из весьма характерных проявлений внутривластической линии правительства.

Ещё зимой 1647 — 1648 гг. Новгородский приказ направил Соликамскому воеводе П. К. Елизарову память за приписью дьяков Алмаза Иванова и Никифора Демидова. В памяти предлагалось произвести сыск беглых крестьян во владениях монастырей и вотчинников Соликамского уезда. По сыску надлежало «государевых прихожих крестьян: вятчан и кайгородцов, Соли Вычегородской, Устюга Великого и иных городов из-за вотчинников и монастырей вывезть за государе на Кунгур и на Степаново городище в урочищах на той земле и на местах, что была на оброке Соли Камской за Вознесенским монастырём, и прushные записи на них в житье и государстве тягле [взять], чтоб им за государем жить и никуды не збежать». Елизаров, в свою очередь, поручил выполнение этого правительственного распоряжения Соликамскому выборному человеку Ивану Суровцеву и подьячему съезжей избы Антипе Вахутину.

В соответствии с полученными ими указаниями Суровцев и Вахутин провели сыск беглых в вотчинах Пыскорского и Вознесенского монастырей, Строгановых, Елисеевых и Суровцева. К середине апреля 1648 г. были составлены «селебные» или «выводные» книги, в которых отражены результаты сыска беглых и их поселения на Кунгуре (заметим, что географическое понятие «Кунгур» со временем стало распространяться, как можно об этом судить по данным источников, не только на земли по р. Кунгуру, но и вообще на территорию всего поречья).

Новопоселенцы освобождались от уплаты тягла в течение 3-х лет (1648 -51 гг.). Елизаров распорядился также выбрать из числа «выводных» крестьян «4 человек добрых и душою прямых» и вместе с ними, «по своему рассмотрению и по сыску, и по скаскам выборных крестьян государевых кунгурских и Степанова городища», установить размер тягла, которое будет выплачиваться после льготного срока.

Источники не содержат сведений относительно помощи новопоселенцам со стороны царской администрации. Очевидно, крестьянам пришлось устраиваться на свои средства: строить дворы, приобретать скот, инвентарь, семена, заводить пашню. Помимо того, что в течение первых 3 лет кунгурские крестьяне, поселённые в 1648 г., освобождались от тягла, ничего не было сделано для облегчения устройства крестьян на новых местах. Каких-либо денежных или ма-

териальных ссуд кунгурские поселенцы не получили. В этом заключается одна из особенностей кунгурской «селитьбы». По-видимому, в условиях Кунгурского края правительство учло опыт вольной народной колонизации Западной Сибири и решило отказаться от расходов казны на устройство новосёлов. Наконец, нельзя не принять в расчёт, что кунгурская «селитьба» осуществлялась в годы, когда правительство особенно усиленно изыскивало средства увеличения доходов казны и экономии.

Вывезенные на Кунгур и Степаново городище крестьяне энергично принялись за устройство жилищ и заведение пашни. Нелёгким было это дело, далеко не всем оно оказалось по силам: многие малоимущие крестьяне, убедившись в невозможности завести своё хозяйство в течение столь короткого времени, бежали. Но, так или иначе, к исходу 1649 г. уже существовал новый чернососшный уезд Кунгурский. В 2-х верстах от впадения р. Кунгура в Ирень возник город Кунгур, имевший тогда только восемь дворов. Воевода Елизаров только «вывез» крестьян из вотчин. Его книги не содержат указаний на места поселения, т. к. тогда ещё только начиналось устройство новосёлов. Спустя полтора года, в декабре 1649 г., новый воевода П. С. Прозоровский, имея под руками «селебные» книги 1648 г. и следуя указу из центра, провёл «пересмотр» и перепись «новоселебных» крестьян. Он «пересматривал всех налицо — именно, где который крестьянин живёт во дворе — в посаде, и в Кунгурском уезде, и в которых деревнях, починках, урочищах». Налицо оказалась некоторая убыль числа жителей, вызванная, скорее всего, бегством части новосёлов, оказавшихся не в состоянии завести своё хозяйство. Возможно также, что эта убыль явилась следствием того, что часть крестьян ещё фактически оставалась за вотчинниками.

Весть о том, что в Кунгурском уезде идёт поселение на льготных условиях (временное освобождение от тягла) быстро распространилась в Поморье. В Кунгурский уезд усилился приток беглых, надеявшихся найти на новых местах более сносные условия жизни, и хотя бы на несколько лет освободиться от обременительного тягла. Едва успели Прозоровский и подьячий Евдокимов «пересмотреть» и переписать новосёлов, как в Кунгурском уезде появились десятки семей беглых крестьян, которые, не дожидаясь отвода официальной «сельтьбы», устраивались на землях по Сылве и Ирени. Беглые, снова селившиеся в пределах вотчин монастырей, Елисеевых, Суворовцева, отказывались признавать над собой власть последних: изъятие части вотчинных земель поречья и поселение на них государственных крестьян были расценены тяглыми людьми по-своему.

Уже в первые годы существования Кунгурского уезда мы видим, как вместе с русскими людьми новый край заселяют и представители нерусских народностей.

Вместе с русскими строят Кунгур, заводят пашню, селятся в одних и тех же деревнях удмурты. Среди волостей Кайгородского уезда, из которых бежало тяглое население на берега Сылвы и Ирени, на первом месте по количеству выходцев стоит Зюздинская волость, где большинство населения составляли удмурты. Русские крестьяне, приходившие в Кунгурский уезд после селитьбы 1648 — 51 гг., нередко устраивались в ясачных деревнях вместе с татарами и марийцами. По-видимому, это явление стало довольно распространенным, поскольку потребовалось специальное указание правительства, что бы пресечь такую практику. В грамоте направленной в Кунгурский уезд, предписывалось: «которые крестьяне с татары поселились в одних деревнях, и тех крестьян для осквернения из татарских деревень вывесть, а будет кто учиниться силен, тем чинить наказание».

Выше говорилось о «земельном утеснении», которое испытывали крестьяне Кунгурского уезда. В связи с этим кунгурцы обратились с челобитной к царю. Они писали, что в Кунгурском уезде, по Сылве Ирени имеются порожжие земли ... и по урочищам пашенных земель и сенных покосов много лежат впусе. А татаровя де сильвенские, иренские и шаквенские и черемиса ту порозжую землю и сенные покосы называют своею землёю, з крепостей на те вотчины не кажут, а владеют сверх писцовых дач». Челобитники просили разрешения селиться на «порозжих землях» и жаловались, что вотчинники и татары не дают им ставить дворы заводить пашню. При этом они добавили, что отведённых им земель не хватает для поселения. В июле 1651г. состоялось решение Новгородского приказа по этой челобитной кунгурцев. Просьба о поселении на «порозжих» землях была удовлетворена, о чём приказ направил Соликамскому воеводе С. Т. Кондратьеву грамоту. Но этим дело не ограничилось. Согласно Уложению, в грамоте предписывалось отвести кунгурским крестьянам те вотчинные и монастырские земли, которые были приобретены у ясачных путём купли или заклада. В грамоте содержался выговор ясачным Сылвенско-Иренского поречья за совершение сделок на ясачные земли и прямо указывалось, что бы впредь татары и марийцы свои вотчины не продавали и не закладывали русским людям. Отводить кунгурским крестьянам места, упомянутые в книгах, как ясачные угодья, запрещалось. Достаточно ясно, что такая оговорка отнюдь не способствовала урегулированию возникавших недоразумений, поскольку в писцовых книгах границы ясачных вотчин нередко устанавливались весьма неопределённо.

Кунгурская «селитьба» и изъятия части вотчино-монастырских земель в поречье до некоторой степени ущемили интересы их владельцев. Эти факты справедливо должны быть оценены как ощутительный удар по вотчинникам и монастырям. Тем не менее, крупное частное землевладение в пределах Сылвенско-Иренского поречья не было ликвидировано полностью. Значительные владения сохранили Пыскорский и Вознесенский монастыри, а также Строгановы. В переписных книгах Ф. Вельского имеются упоминания о притоке беглых из Чердынского, Соликамского и других уездов. Строгановы даже сделали новые приобретения. Напуганные «выводом» беглых крестьян из их вотчин и отписанием части земель «на государя», Елисеевы в 1668г. продают Строгановым оставшуюся часть своих владений по р. Кишерти. Строгановы строят на Кишерти острожок (названным Кишертским) и в то же время пытаются прибрать к рукам близлежащие земли кунгурских крестьян. При этом они не останавливаются даже перед вооружёнными нападениями и насильственным сгоном кунгурских крестьян с их участков. Крестьяне, враждебно относившиеся к вотчинникам и монастырям, по мере сил сопротивлялись.

Кроме методов прямого насилия, духовные феодалы применяли силу идеологического воздействия на поселенцев. Таким путём они не только сохраняли свои земельные богатства, но и нередко их увеличивали. Такую же картину мы наблюдаем в Сылвенско-Иренском поречье.

Вторая половина XVII века изобилует земельными тяжбами между кунгурскими крестьянами, с одной стороны монастырями и Строгановыми - с другой. Владения монастырей и Строгановых по Сылве и Ирени не были приписаны к Кунгурскому уезду и оставались в Соликамском уезде. Земельные тяжбы кунгурских крестьян с вотчинниками и монастырями нельзя не рассматривать как проявление классовой борьбы, направленной против более ненавистного угнетателя — крупного частного собственника, феодала. Проявления классовой борьбы крестьянства Кунгурского уезда заставляли вотчинников и монастыри прилагать старания к укреплению своих земельных прав и привилегий путём получения царских жалованных грамот.

Говоря о политике правительства в заселении Сылвенско-Иренского поречья, нельзя забывать о том, что оно использовало результаты устройства беглых крестьян на новых местах. Сам «вывод» на Кунгур в 1648-1651гг. мог осуществиться лишь благодаря наличию в частновладельческих вотчинах достаточных людских резервов, т. е. попросту говоря, большого количества беглых крестьян. Кунгурский уезд становился «перевалочной базой» для беглых. Это не ис-

ключало того, что он продолжал оставаться районом усиленной колонизации.

Кунгурскую «селитьбу» 1648-1651 гг. вместе с тем следует рассматривать как одно из проявлений политики правительства по укреплению пограничных районов страны. В 30-40-х годах XVII в. идёт широкое строительство засечных черт на юге Белгородской и Тамбовской волостей, затем на землях Поволжья и Закамья. Происходит некоторое продвижение на юг русских поселений, связанное со строительством новых острогов и слобод (освоений бассейнов рек Исети и Мисасы). К середине XVII в. русская колонизация как бы «обтекает» беспокойные степи Приуралья и Зауралья. Постройка Кунгура и заселения его уезда создавали необходимое связующее звено в оборонительной линии русских пунктов по обеим сторонам Урала.

Но были и другие, не менее важные соображения, заставившие правительство позаботиться о создании нового уезда на Западном Урале. Бегство беглецов на земли монастырей и вотчинников Приуралья являлось одной из причин убыли населения поморских уездов. А это больно ударяло по интересам казны. Дворянство всё более настойчиво требовало ограничения церковного землевладения. Проводя сыски беглых и возвращая в тягло сотни семей крестьян и посадских людей путём поселения сысканных на «государевой» земле, правительство сразу достигало тройного результата. Во-первых, оно укрепляло оборону окраинного района, во-вторых, в тягловое обложение поступал новый контингент людей, в-третьих, в известной мере ограничивалось монастырское землевладение, т. е. удовлетворялось одно из требований дворянства.

2. Опасность нападений со стороны башкирских и калмыцких феодалов — препятствие на пути заселения и освоения Кунгурского края

Серьёзным препятствием на пути русской колонизации Кунгурского уезда была постоянная угроза нападений со стороны башкирских и калмыцких феодалов, не ослабевавшая на протяжении всего XVII в. Постройка Кунгура воспринималась башкирами как покушение на их земли, расположенные по-соседству с Кунгурским уездом. По этому во время башкирского восстания 1662-1664 гг. отряды башкирских феодалов с большим ожесточением напали на Кунгурский уезд и произвели в нём страшное опустошение.

В 1662 г. восставшие взяли и сожгли город Кунгур, русские деревни в большинстве случаев постигла та же участь. Множество населения погибло или было уведено в плен. Только Рождественская

пустынь Пыскорского монастыря на Сылве выдержала натиск и осаду. В ней укрылись русские и часть не примкнувшего в восстанию ясачного населения поречья. Слободчик Фрол Арапов сообщил, что «Кунгур весь повоевали татара, и башкирцы, и чермиса, и чуваша и русских людей посекали». Пашенный крестьянин Мурзинкой слободы Иван Осинец подтвердил перед тобольским воеводой, что татары «с Ильина дня Кунгур весь повоевали, и русских людей побили, и дворы, и хлебы, и сепы пожгли». Пострадали не только черносотные деревни, но и монастырские вотчины.

Не малый ущерб был причинён ясачным властям Кунгурского уезда. Хотя в выступлении башкирских феодалов участвовало некоторое количество людей ясачных Сылвенско-Иренского поречья, необходимо отметить, что далеко не всё нерусское население Кунгурского уезда присоединилось к восстанию. По словам оброчных мариюцев Кунгурского уезда, они вместе с русскими выступили против набега башкирских феодалов и «к изменникам не в чём не приставали, и сидели с русскими людьми в осаде в Спасском монастыре, и с изменниками бились, не щадя голов своих». Не мало ясачных было порублено башкирами, очевидно, за отказ присоединиться к ним.

Характерно, что после событий 1662–1664гг. просьбы о снабжении Кунгура достаточным количеством оружия, пороха и свинца, а также о необходимости содержать стрелецкий гарнизон на случай нападения кочевников поступали не только от русских, но и от ясачных людей Кунгурского уезда.

В памяти Кунгурцев события 1662–1664гг. остались надолго. В документах того времени часто хронологическим рубежом считается разорение. После восстания в Кунгурском уезде усилили внимание к обеспечению обороны; в южной части уезда был построен Торговшицкий острожек; кроме застав по дорогам поставили дозоры и караулы, обязанные «смотреть накрепко», нет ли опасности со стороны «воинских людей».

Тревожная жизнь «укаинного» города держала в постоянном напряжении население Кунгурского уезда. Однако нападения на Кунгурский уезд не последовало. Нельзя согласиться с утверждениями Н. Фирсова и В. Н. Шишонко о том, что в это время башкиры и татары взяли и сожгли Кунгур (имеются в виду 1678–1679гг.). Ничего подобного в источниках не отмечено. В переписных книгах 1678–1679гг. и 1684–1685гг. по Кунгурскому уезду не фиксируется никаких потрясений, которые неизбежно были бы вызваны взятием и сожжением города. Но в 1681–1683гг. во время нового восстания башкирских феодалов (так называемого «Сентовского»), в Кунгур-

ский уезд наведывались башкирские и, возможно, калмыцкие отряды. Из сохранившихся документов тех дней можно вынести достаточно определённое впечатление, что Кунгур был важным пунктом оповещения, через который осуществлялся обмен отписками между Уфой и сибирскими слободами о продвижениях восставших.

В начале XVIII в. кунгурцы вновь очутились в особенно опасном положении, когда развернулась башкирское восстание 1705–1711 гг. и участились грабительские набеги башкирских феодалов на сёла и деревни Кунгурского уезда. Судя по данным источников того времени, ущерб, нанесённый русскому и ясачному населению в результате этих набегов, был весьма значителен. Особенно тяжёлые последствия имел налёт башкирских феодалов в 1708 г. В связи с разорением многих сёл и деревень, правительство вынуждено было пойти на уступки местному населению. Оно согласилось отсрочить платёж налогов, временно возратить жителям взятых у них драгунских лошадей. Пострадавшему нерусскому населению уезда была оказана некоторая материальная помощь, выдано «государево жалованье». Пагубно отразилось «башкирское разорение» на сборах кунгурской таможни, которые резко сократились в 1708–1709 гг.

Вполне понятно, что жителям Кунгурского уезда приходилось заботиться и об укреплении самого города Кунгура. На протяжении второй половины XVII– начало XVIII вв. городские оборонительные сооружения не раз ремонтировались и возобновлялись. Городовое дело «выполняли всё те же тяглые люди в порядке повинности. В источниках имеются сообщения, что построенный наспех в 1663 году Кунгурский острог («город») уже в 1675 г. «стал худ, многие звенья подгнили», а вал начал осыпаться. Починка и возобновление укреплений растянулись на много лет. В документах 1686–1687, 1692–1693, 1697–1698, 1705 гг. упоминается о возобновлении и расширении городских укреплений.

И так, соседство с башкирскими и калмыцкими феодалами, выжидавшими только удобного случая для грабительского налёта на русские поселения, неблагоприятно сказывалось на русской колонизации Кунгурского края. От русских людей, осваивавших этот район, требовались героические усилия и большая любовь к труду, что бы продолжать мирную хозяйственную работу в таких опасных условиях.

3. Успехи народной колонизации Кунгурского края после событий 1662–1664 гг.

Башкирское восстание 1662–1664 гг. привело к временному запустению Кунгурского уезда и отливу его населения. Многие из уце-

левших посадских людей и крестьян бежали в Сибирь, в вотчины Строгановых и другие места. Немало кунгурских беглецов отмечено в Обвейском, Инвенском и Косьвенском поречьях, где они «для приюту ставили себе нищенские избёнки, и огораживались жердишками, и жили без тягла, и кормились именем божьим».

И всё-таки, несмотря на угрозу со стороны степных феодалов, колонизация этого района не прекратилась, а временно затормозилось. Как и раньше, в Кунгурский уезд бежали крестьяне и посадские люди главным образом из Поморья, о чём свидетельствуют челобитные тяглых «миров» ряда уездов. Не раз жаловались на бегство тяглецов в Кунгурский уезд власти и «выборные люди» Осинского уезда.

Какой позиции придерживалось правительство в вопросе о приёме и отдачи беглых? В Советской исторической литературе по политике правительства в отношении сыска беглых тяглых людей есть определённое мнение: правительство верно служило интересам господствующего класса и стремилось обеспечить его рабочими руками. Вся законодательная деятельность правительства XVII в. направлена на осуществление той задачи. Царские власти, идя на встречу требованиям феодалов, издают один за другим указы о сыске беглых и их возвращении из районов, куда особенно интенсивно шла волна «сходцев» (южная окраина, Поволжье, и Сибирь). Грандиозные масштабы бегства тяглых людей в XVII-начале XVIII вв. свидетельствовали как об усилении эксплуатации, так и об обострении массовых противоречий. Феодалное Русское государство стремилось сохранять и усиливать возникшую на основе феодалной собственности на землю крепостную зависимость крестьян, подавлять классовое сопротивление последних. Стало быть, и бегство крестьян, как одна из форм классовой борьбы, должно было встречать противодействие правительства. И это было действительно так. На южной окраине, в Сибири, а так же в Кунгурском крае не раз проводились сыски беглых. В своих грамотах правительство многократно подчёркивало — что бегство крестьян им официально преследуется. Почти во всех случаях челобитья помещиков и вотчинников о разрешении сыска и возвращении беглых крестьян их прежним владельцам неизменно удовлетворялись.

Несколько иная практика установилась в отношении беглых черносошных крестьян. Они возвращались на прежние тяглые «жеребы» далеко не всегда. Занесённые в тягло и переписные книги на новом месте беглые здесь и оставались.

Известно, что черносошное крестьянство сохраняло относительную возможность перехода, чем отличалось от крестьянства частновладельческого, которое, по Уложению 1649г., было лишено этого пра-

ва. В конечном счете, государство не так уж много теряло, если крестьянин бежал из одного черносошного уезда в другой. Важно было то, что и на новом месте крестьянин попадал в тягло. Кроме того, государство было кровно заинтересовано в освоении новых территорий, сулившим дополнительные доходы казне. Заселение окраин и пограничных районов ещё прочнее закрепляло их подчинение Русскому государству. Правительство и его органы, сколько бы ни старались, были бессильны затушить классовую борьбу угнетённых масс, проявлявшуюся в форме бегства.

Использовать результаты народной колонизации оно могло и делало это. Отсюда колебания в колонизационном вопросе, когда зачастую на бегство крестьян и посадских людей правительство смотрело сквозь пальцы.

До известной степени Кунгурский уезд оказывался в положении, сходном с положением районов южной окраины государства (уезды и города по Белгородской засечной черте).

Некоторые города и уезды южной окраины считались на протяжении XVII в. в числе «заказных». Правительство было вынуждено принять некоторые меры к ограждению пограничных районов от проникновения туда крепостнического землевладения и к оставлению на черте беглых людей центральных уездов. Это явление характерно и для Кунгурского края. Проведя сыск беглых в Кунгурском уезде, правительство иногда как бы останавливалось в нерешительности и давало распоряжение без указа никого из сысканных никуда «не свозить». Шло время, а указа всё не было. Приезжали очередные писцы и заносили сысканных в свои книги. Этим дело и кончалось.

Однако факты из жизни Кунгурского уезда во втором десятилетии XVIII в. всё чаще свидетельствуют о том, что царские власти начинают проводить всё более жестокую политику в отношении беглых и «гулящих» людей, появившихся в пределах уезда. Последних всё чаще высылают на места выхода. Кунгурским жителям, «мирским» властям под страхом строгого наказания запрещается укрывать у себя беглых и разрешать им селиться в уезде. Так, в апреле 1718г. комендант И. В. Воронецкий после допроса «гулящих» людей — иногородцев отдал приказ: «Пришлых иногородних людей, учиня наказание, бить батоги и послать по-прежнему в те места за провожатыми, откуда пришли с тягла». Крестьян, которые разрешили новоприходцам остановиться у них и не донесли о беглых властям, было указано «в торгу бить нещадно».

Кунгурцы выступали против занесения новопришлых людей в переписные книги, потому что те были не в состоянии тянуть тягло в

силу своей «маломочности». Увеличение численности населения, занесённого в переписные книги, неизбежно вело к повышению общей суммы тягла. Поэтому тяглый мир Кунгуского уезда не был заинтересован в том, чтобы дворы бедняков новоприходцев записывали в книги. Прибывшая сумма тягла должна была «развёрстываться» по принципу мирской раскладки «по животам и промыслам» среди старожильческого населения, усиливая обложение последнего. Кроме того, превращение Кунгура в «перевалочную базу» беглых в Сибирь не давало гарантии постоянному населению уезда в том, что новоприходец, очутившийся в Кунгуре к моменту переписи, остался жить здесь и тянуть тягло. Таким образом устроиться на новом месте и завести хозяйство удалось не многим. Лишь более состоятельные крестьяне имели возможность в короткий срок поставить двор, завести пашню. Подавляющее большинство беглых чаще всего начинало свою жизнь на новом месте с «черной работы», переходя из дома в дом. Зажиточные хозяева уезда в лице бегляков-беглых получали дешёвых работников. Приток беглых способствовал процессу экономического расслоения крестьянства и посадских людей.

За сопоставимое время по темпам колонизации Кунгурский край превосходил другие районы колонизации, даже Верхотурский уезд. Этому способствовала сравнительная близость Кунгурского края к поморским уездам — главному источнику заселения восточных районов страны в XVII-XVIII вв.

Рассмотрев ход заселения Кунгурского уезда, кратко остановимся на порядке землеустройства новоприходцев.

После составления селебных и отводных книг в середине XVII в эти документы считались юридическим доказательством права владения земельными участками для крестьянского и посадского населения Кунгурского уезда. Было признано, что все «порозжие» земли предназначены для поселения кунгурцев. «Порозжих» земель здесь было много. Поэтому новоприходцы, как правило, не утруждали себя челобитными об отводе им участков под дворы, пашню, огород и сенокосы. Очутившись в Кунгурском уезде, они явочным порядком занимали землю и обзаводились хозяйством. В результате переписи 1703-1704 гг. выяснилось, что крестьяне поселились «на государевой порозжей земле» и никаких «крепостей» у них нет. В редких случаях обнаруживалось, что у того или иного поселенца есть «владенная память», выданная местной администрацией. Между тем владение двором, а иногда и огородом по купчей было довольно распространённым явлением. По мере заселения уезда и сокращения

фонда свободных земель объектом купли-продажи все чаще становятся земельные угодья — пашни и сенокосы.

Картина заселения Кунгурского уезда будет неполной, если мы не остановимся на движении нерусского населения этого района за указанный период (XVII–XVIII вв.).

Факты показывают, что приток русского населения в Кунгурский край проходил параллельно притоку представителей нерусских народностей Поволжья и Приуралья (татар, марийцев, чувашей, удмуртов). Причем особенно быстрый рост количества нерусского населения падает именно на вторую половину XVII в., т. е. на время, когда в Кунгурский край широкой волной идет бегство русских тяглых людей.

Местные татары — вотчинники пользовались приходом ясачные волости нерусских беглецов из Поволжья и эксплуатировали их беднейшую часть. Отсутствие данных не позволяет выяснить, каковы были отношения между новоприходцами и старожилами.

Русская крестьянская колонизация Кунгурского края не являлась помехой для увеличения численности местного и пришлого нерусского населения. Наоборот, именно в условиях начавшегося с 20-х годов XVII в. притока русских людей в этот район приходится резкое увеличение количества нерусского населения. Таким образом, обе колонизационные волны шли одновременно и рука об руку. Угнетаемые царским самодержавием и феодалами поволжские татары, марийцы, удмурты, как и трудящиеся массы русских крестьян и посадских людей, искали спасения в бегстве на новые земли. Общность угнетённого положения способствовало сближению трудовых людей русского и других народов.

В заключение кратко остановимся на вопросе об управлении Кунгурского уезда в XVII–XVIII вв. С момента постройки Кунгура и образования Кунгурского уезда край управлялся выборными земскими судейками. В судебном-финансовом отношении Кунгурский уезд подчинялся непосредственно Приказу Новгородской четверти, минуя Соликамских воевод. Но ясачное население по-прежнему оставалось в управлении Соликамских воевод вплоть до введения в Кунгуре должности городского воеводы. В начале 70-х годов параллельно с этой должностью некоторое время существовала даже должность «татарского головы», на которую назначались представители дворянства. Татарские головы были независимы от воевод и ведали ясачным населением по всем вопросам. Но с середины 70-х годов XVII в. нет упоминания о татарских головах. Их функции целиком переходят к воеводам.

Большую часть второй половины XVII в. Кунгурский уезд находился в ведении Новгородского приказа («четвертного»), откуда шли правительственные указы, назначения воевод, судебные решения и т. д. Во время башкирского восстания 1662-1664 гг. и после него, в военном отношении, уезд подчинялся Приказу Казанского дворца, а с 1682г. в течение нескольких последующих лет этот приказ ведал Кунгурским уездом во всех прочих делах. Но позже 1688г. общее управление уездом вновь перешло Новгородскому приказу. В период 1700-1703гг. Кунгурский уезд подчинялся Ратуше, а на месте из числа «лучших» людей выбирались земский бурмистр и его помощник. С января 1703г., по именному указу Петра I, Кунгурский уезд был передан в ведение Сибирского приказа, а кунгурские земские бурмистры подотчётны верхотурскому воеводе. Мотивом передачи было стремление правительства использовать население этого района для обслуживания транспортировки продукции железодельных и чугунолитейных заводов, возникших незадолго до того.

«Мирское» управление не имело более или менее заметных отличий от управления в черносошных районах Поморья.

Подведём некоторые итоги. Дворянское государство было кровно заинтересовано в освоении новых территорий, в увеличении доходов за счёт включения в тягло населения колонизируемых районов. Оно было заинтересовано так же в укреплении пограничных территорий. Поэтому мероприятия правительства середины XVII в., в результате которых феодальное землевладение (преимущественно церковное) оказалось несколько потеснённым в некоторых уездах государства. В 1648-1651 и последующих годах правительство принимает меры к созданию на землях Сылвенско-Иренского поречья уезда черносошного крестьянства. Часть земель феодалов правительство «отписывает на государя»; одновременно во владениях монастырей и светских вотчинников проводится сыск беглых в целях поселения их на изъятых у феодалов землях, с предоставлением податных льгот. Государство использует в интересах господствующего класса результаты трудовой деятельности кунгурских новопоселенцев. Построенный руками тяглых людей в 1648-1649гг. Кунгур становится важным опорным пунктом и занимает своё место в ряду городов, «обтекающих» с севера беспокойные уральские и западно-сибирские степи. Около Кунгура возникают и другие населённые пункты.

Дальнейшее усиление крепостнического угнетения в стране, близость вновь заселявшегося района к районам Поморья и предоставление временных льгот новоприходцам значительно способствовали притоку беглых в Кунгурский уезд.

Однако соседство башкирских феодалов было серьёзным препятствием на пути русской колонизации Кунгурского края. Угроза нападения с их стороны не ослабевала в течение XVII-начала XVIII вв. Особенно жестокому разорению подвергся Кунгурский уезд во время набега башкирских феодалов в 1662 г. Но, несмотря на временное запустение уезда после грабительского налёта, заселение этого района не прекратилось.

Одновременно с русскими крестьянами в Кунгурский уезд бежали представители нерусских народностей Поволжья: казанские татары, марийцы, чувашаи, удмурты.

Трудовые слои русского и нерусского населения, угнетаемые феодалами и эксплуататорским государством, искали спасения в бегстве на новые земли. В Кунгурском крае встретились эти две волны беглых. Они шли рука об руку. Русские крестьяне и посадские люди жили в постоянном хозяйственном и культурном общении с трудовой массой нерусских обитателей края, что благотворно сказывалось на развитии экономики последних. Общность интересов и тех, и других подготавливала почву для совместных выступлений против феодального гнёта.

Результаты культурного взаимовлияния русских и коми-пермяков (на примере их материальной культуры)

Введение

Первый этап проникновения русских в камские земли относится к XI–XIV в., когда оно совершалось эпизодически и не приобрело массового характера. Новая волна заселения началась XVI в., когда происходило переселение крестьян из Новгородской, Вологодской, Вятской, Архангельской земель и были освоены Чердынский, часть Соликамского уезда. Пути, по которым продвигалось население в пермские земли, шли из Вологды на Вятку к Кайгородку и на Каму.

Деятельность Строгановых с середины XVI в. привела к насильственному переселению крестьян этими вотчинниками. Ими были основаны Канкор, Кайгородок, Орел-городок, Нижне-и Верхне-Чусовские городки. Всего у Строгановых в пермских владениях в XVI в. было 45 поселений, в них 203 крестьянских двора, 3085 десятков земли. К началу XVII в. русские заселили в Прикамье часть земель по Каме, Вишере, Колве, Чусовой, Сылве; южнее и севернее этих мест жило финно-угорское население.

Этапность в заселении пермских земель аналогична той, которая позднее наблюдалась в сибирских местах; первые проникновения были незначительными и не приводили к основанию постоянных поселений; затем в результате массового крестьянского продвижения происходило создание постоянного населения и постоянных селений; наконец вторичные миграции приводили к освоению внутренних территорий.

Формирование русского населения и сложение коми-пермяцкой народности в Северном Прикамье шло в обстановке теснейшего контакта русских и коми-пермяков. В этнических взаимосвязях обоих народов до начала XVIII в. на центральной территории расселения, т. е. приближенных к уездным городам Чердыни и Соликамску, пре-

обладал процесс ассимиляции коми-пермяков. С начала XVIII в. стабилизируются границы расселения коми-пермяков, в том числе обособленных этнических групп зюздинцев и язвинцев, которые оставались неизменными до середины XX в.

Известны примеры, когда русские крестьяне (в данном случае из числа внутренних мигрантов) селились не на окраине ойкумены коми-пермяков, а в местах их компактного проживания. Если русских было немного, то они, как правило, опермячивались. Следы таких процессов нашли отражение в названиях поселений. Например, в Чердынском уезде в Косинской и Юкеевской волостях возникли две деревни с названием Москали и одна деревня Москвино, в которых по данным VII ревизии 1834 г. проживали одни коми-пермяки. В то же время ниже этих деревень по р. Кама на границе расселения коми-пермяков и русских было положено начало еще двум деревням с названием Москали (впоследствии они слились в одну деревню), где проживали одни русские. Сложившийся этнический состав населения в этих деревнях сохранялся до начала XX в.

В обоих случаях название Москали пошло от коми-пермяков, считавших поселившихся русских (в первом случае большинство их опермячилось) выходцами из-под Москвы.

В ряде районов Северного Прикамья, оказавшихся в зоне контактов народов, были поселения, где долго сохранялось этнически смешенное население. Некоторые крестьяне, из числа тех, кто положил в XVIII в. начало этнографической группе русских юрлинцев («русскому острову») в Чердынском уезде по рекам Лопва и Юм (притоки Косы), брали жен из соседних коми-пермяцких деревень Соликамского уезда, которые вскоре забывали родной язык. В другом регионе проживания коми-пермяков — верховьях Язьвы — в XIX в. д. Пьянково основали несколько русских мужчин, переселившихся из с. Усть — Боровского Соликамского уезда. Почти все они женились на коми-пермяцких девушках, которые родной язык не забыли, так как на нем стали говорить их мужья, а потом и дети.

Деревня Пудьва в верховьях реки Язьва, основанная в начале XIX в. родом Паршаковых, вышедшими из коми-язвинской деревни Паршаковой, вскоре превратилась в крупный духовный центр старообрядцев-беглопоповцев Северного Урала. Некоторые мужчины деревни Пудьва брали в жены русских из соседних деревень Соликамского уезда, которые переходили на коми-пермяцкую разговорную речь. Процесс опермячивания русских женщин в деревне Пудьва наблюдался еще в 1920-е годы. Через полгода русские говорили по-пермяцки на любые бытовые темы.

В XVII–XVIII в. у большинства коми-пермяков сохранялись традиции расселения в древних очагах их формирования. Крупные деревни возникали путем слияния близко расположенных починков, образованных большим семейным коллективом. Например, к центральной части д. Антипиной, заселенной родом Антипы, примкнули четыре конца — Ипатово, Мироново, Нефедово и Карьело, из которых три конца названы тоже по именам первопоселенцев, а четвертый — по особенностям местности (словом «карьело» в местном языке обозначают высокие места).

Особо необходимо отметить заселение одного из пермских районов — Юрлинского, где сложился очаг русского заселения. Юрлинский край начал осваиваться русскими в период крестьянского заселения северных окраин Пермской земли в XVII–XVIII вв. До XVII в. в Юрле существовали лишь отдельные редкие коми-пермяцкие селения. Ко времени первых описаний этих мест — к 1681 г. — здесь появились четыре русских селения — будущие деревни Келич (Елога), Таворинская (Крысанова), Юм (Ем), Кулич. К 1773 г. здесь насчитывалось уже 16 селений русских, и число их росло и далее, так что в XX в. о Юрле говорили как о русском крае среди коми-пермяцкого населения. Русские поселенцы здесь в XVII в. были выходцами преимущественно с Вятки, Кайгородка, Вологды, центральных областей. В составе переселенцев были беглые крестьяне, сосланные владельцами крестьяне и свободные поселенцы, искавшие «лучшие» земли. По сообщениям с Юрла, впервые там появились беглые люди из Вятской губернии, которые поселились среди коми-пермяков. В начале XVIII в. к ним присоединились бежавшие от помещиков крестьяне из других губерний.

О первых поселенцах — выходцах из Вятской губернии, помнят и в других юрлинских деревнях. Часть деревень в Юрлинском крае основана переселенцами из Пермского уезда, которых сюда водворили Строгановы для обеспечения соляных промыслов рабочей силой.

Русские, начавшие в XVI–XVII вв. интенсивно заселять Прикамье, встретились здесь с коми-пермяцким населением. В северном Прикамье (Чердынский уезд) находился один из древних очагов коми-пермяцкого расселения. В XVI–XVII вв. происходило перемещение коми-пермяков в юго-западном и восточном направлении. В западной части уезда находился основной очаг коми-пермяцкого расселения. Территория Соликамского уезда была менее освоена коми-пермяками. Русские расселялись здесь, часто занимали пустые места.

Жилые и хозяйственные постройки

В описаниях построек Прикамья XVII–XVIII вв. встречаются сведения и о других конструктивных приемах, характерных для северорусского строительства. Избы, клетки и хозяйственные постройки имели двускатные крыши самцовой конструкции. Они покрывались «тесом со скатами в желобья», «на два ската со скальем и драницами», или «на два ската тесом и драньем в желобья». У такой «безгвоздевой» крыши треугольные фронты набирались из бревен и скреплялись между собой деревянными шипами.

Усадьбы с одноярусной застройкой в Прикамье и на верхней Печоре размещались по тому же принципу, что и на Европейском Севере. На улицу выходила только жилая изба, за ней под единой двускатной крышей шли сени, а потом хозяйственный двор. Крыльцо пристраивалось по боковой стороне.

Усадьба со слитой двухрядной застройкой в отличие от усадеб Европейского Севера ставились не перпендикулярно, а вдоль улицы. В них трехкамерное жилище выходило на улицу длинной стороной. В этом случае вход в сени был с улицы, а во двор — сзади, в огороде. Если на Европейском Севере такая постройка оставалась единичной, то в Прикамье и на верхней Печоре она являлась господствующей не только в поселениях с беспорядочной и рядовой застройкой, но и в поздней уличной.

Место перед избой называлось улицей, выездом, а за двором — задворием. «За избой с сенцы и с клетью, и со всем дворовым строением» находился огород, в котором выращивали овощи и коноплю. Здесь же могли быть баня, колодец, амбары-житницы.

Крестьянские усадьбы огораживались изгородями разных видов: заплотом, жердями и тонкими кольями (огородный тын).

Вне усадьбы находился комплекс сельскохозяйственных построек, особенно овины, гуменники, мякиницы и мельницы. Без этих построек не могло обходиться крестьянское хозяйство.

Рассмотрим жилые и хозяйственные постройки более подробно на примере язьвинских коми-пермяков, описанные в связи с делом наследства между пятью сыновьями Паршаковыми в деревни Паршаковой, доставшегося им не только от отца, но и от деда. Время описания — 1627–1639 годы — и указания на то, что «некоторые строения были старыми и ветхими», позволяют отнести комплексы построек Пашаковых к середине XVI века.

Во всех четырех усадьбах жилая часть и крытый двор представляют собой, как и у русских, единый комплекс. Жилищем служили избы с сенями, соединенные по типу однорядной связи с двухъярус-

ными дворами. Избы, судя по источникам, были «большими», «высокими», «на подклетах». Во дворах находились «синницы с хлевом», «сенник на подклете» или «по два сенника с подклеты», а в некоторых случаях — «клеть наземная». Кроме того, в двух усадьбах стояло по «веже с погребом». Вежами в XVI–XVII веках назывались отдельные постройки, предназначенные для кухни. Амбары-житницы, используемые для хранения зерна и муки, располагались как возле жилых строений, так и в стороне, даже на другом берегу.

О трехкамерном жилище как о преобладающем у северной группы косинско-камских коми-пермяков Чердынского уезда писал в 1848 году в ответе на вопрос анкеты Русского Географического общества священник Н. Попов: «Домостроительство во всем нашем приходе у жителей: изба с печью битой из глины без трубы к крыше — черная, клеть не мшоная и между избой и клетью делаются в столбах сени, под клетью погреб, в коем к лету навозится снег, подле избу и клеть строится двор и хлев для скота. Анбар и бани строится за жительство» (в стороне от жилища).

В первой половине XIX века внутренняя планировка и обустройство жилища соответствовало тем, что знали русские крестьяне всего Северного Урала. Севернорусские черты были присуще как черным, так и белым избам. Автор интересного этнографического очерка о зюздинских коми-пермяках, неоднократно бывавший у них в 1870-е годы, оставил подробное описание курной (черной) избы в деревне Пашнино по реке Кама: «Над дверями широкие полаты, на половину (по высоте) делят комнату. По высоте полатей в переднем углу идут полки. От входа налево большая битая печь без трубы. Потолок черный от копоти. Над печкой в потолке отверстие для выхода дыма. По стенам широкие лавки. Три небольшие окна с цельными стеклами. Стол с расписной крышкой, сработанный кочующими вятскими столярами. Стан для тканья холстов и деревянные стулья дополняют убранство избы». Другой путешественник — Н. П. Блинов, посетивший зюздинских коми-пермяков в 1860-е годы, о жилище отозвался так: «Избы у пермяков отапливаются по-черному, дым выходит через окно в стене «сенной», то есть у сеней». В обеих информация отмечается несколько важных этнических признаков интерьера. Печь находилась слева от входной двери, и в этом случае прежним углом (его называли «ен-угол», так как «Ен по-коми-пермяцки — Бог») считался тот, что был по диагонали от печи. О таком варианте, встречающемся у русских крестьян Северного Урала, мы писали как о старом и более традиционном. Именно при этом интерьере во время моления мужчины стояли у своей, мужской лавки, а

женщины — слева и тоже у своей, женской лавки, которая была единой для кути-кухни и переднего угла избы.

У коми-пермяков, как и у русских, замена в трехкамерном жилище клетки второй жилой избой (а иногда и горницей) сопровождается перестройкой черных изб на белые. Но у русских крестьян этот процесс шел быстрее, чем у коми-пермяков. К тому же все новшества в интерьере, конструкции окон, крыши, которые наблюдались у русских в первой половине XIX века, появлялись и у коми-пермяков, но по сравнению с русскими с опозданием, с меньшим — у южных, иньвенских коми-пермяков, большим — у северных.

Таким образом, схему эволюции усадеб русских крестьян Прикамья и верхней Печоры можно представить следующим образом. На протяжении конца XVI — начала XX вв. здесь было последовательно распространено четыре типа усадеб: однорядная связь с двухкамерным жилым домом, двухрядная сливная связь трехкамерного жилища с двухъярусным двором, покоеобразная застройка с трехкамерным жилищем (совмещенный вариант двухрядной связи и покоеобразного двора-ограды, покоеобразная застройка с домом-пятистенком. В условиях сложившегося хозяйственного уклада и местной природно-климатической среды с давних пор наиболее распространенным оказался второй тип усадеб, в которых трехкамерное жилище варианта изба+сени+клеть (позднее вторая изба или горница) размещалось перед двором вдоль улицы.

Хозяйственная деятельность русских и коми-пермяков

По естественно-природным условиям Прикамье неоднородно, поэтому в пермских районах сложились разные хозяйственные зоны. С точки зрения хозяйственного районирования в пермских районах выделяются две зоны: земледельческая (запад и юг) и промысловая (север, северо-восток), в которой наряду с земледелием население занималось работами на лесозаготовках и лесосплавов, на соляных промыслах, в рудниках и горных заводах (последние — особенно на востоке губернии), на судостроительстве, уходило на извоз, в бурлаки, а на крайнем севере и северо-востоке занимались преимущественно охотой и рыболовством. В изучаемых уездах эти занятия распределялись следующим образом. В охоте (пушном промысле) в середине XIX в. было занято в Соликамском и Чердынском уездах 3476 охотников, а в Пермском уезде — только 60. Охота производилась как в одиночку, так и артелями, в которых создавался специфический быт артельщиков. Это население занималось также изготовлением различных снастей и охотничьего транспорта (саней, нарт).

Рыболовный промысел был более развит в Чердынском уезде. В нем было занято 443 человека, в Соликамском же уезде — только 35, в Пермском — 395 человек.

Работы на фабриках, заводах, в рудниках были наиболее развиты в Соликамском и Пермском уездах (углеобжиг и заготовка дров, плавка металла, добыча руды, вывоз готовой продукции на баржах и «шитиках»). В Чердынском же уезде в 80-х годах XIX в. было две-три лесопилки и мельницы. Всевозможные фабричные заведения принадлежали казне, дворянам, купцам, мещанам, в редких случаях — рабочим и крестьянам. К середине XIX в. таких предприятий насчитывалось в Пермском уезде — 212, Соликамском — 238, Чердынском — 14.

Некоторая специфика в занятиях населения наблюдалось в староверческой среде. Старообрядчеством были наиболее охвачены имения, нежели районы с государственным землевладением, поэтому подавляющая часть населения частных заводов была старообрядцами, в основном занимавшимися заводскими работами.

В земледельческих помещичьих имениях среди населения старообрядцев было также немалое число. Как и остальное население этих имений, оно занималось в основном сельским хозяйством — земледелием или скотоводством.

В пермских уездах постоянно действовали ярмарки и торжки. В середине XIX в. в Пермском уезде были 31 ярмарка и 1 торжок, в Соликамском, соответственно, 38 и 1, в Чердынском — 32 ярмарки. Через пермские ярмарки проходили не только свои, но и сибирские товары в Европу, в том числе привозимые — китайские.

В изучаемых пермских уездах в соседстве проживали русские и коми-пермяки. В результате контактов между ними культура этих народов пронизывалась общими чертами. Эти народы в одинаковых хозяйственных и природных условиях имели, начиная с XVI в., одну историческую судьбу. Хозяйственные занятия очень сходны: земледелие — в сельскохозяйственных районах, охота и рыболовство — в промысловых, работы на заводах, занятия, связанные с лесом. Часть коми-пермяков входила в округа с государственным землевладением (Чердынский уезд), часть — с помещичьим (у Строгановых — по Иньве, Косе). Там занятия коми и русских были одинаковыми с занятиями русских государственных или помещичьих крестьян. Однотипными были и домашние ремесла, и промыслы: гончарство, прядение ткачество и т. п. Одинаковыми были орудия труда и техника этих работ.

В Пермском уезде почвы — и каменистые, и глинистые, и песчаные. В этом уезде только в низовьях Камы — более или менее плодот-

родные земли. В целом почвы считались неплодородными, плохими — «добрый земли нет». Условия для сельского хозяйства в Прикамье особенно не отличались от условий на всем Европейском Севере. Несмотря на это хлебопашеством занималось большинство населения, кроме самых северных и северо-восточных районов.

Распределение сельскохозяйственных угодий в земледельческих районах и хозяйствах государственных крестьян и в помещичьих имениях было разное. В местах с государственным землевладением основную часть земельных массивов составляли пахотные угодья.

Расположение сельскохозяйственных угодий в пермских районах, по отношению к селениям было таким же, как и в большинстве районов Европейского Севера. Сенокосные угодья располагались по низким местам (Юрлинская волость), по логам и рекам (в юрлинских деревнях Кукольное, Лопва, с. Юм), по речным островам (в пянтежских деревнях), в лесах и везде возле пашен — подполицы. Там, где было недостаточно ближних к деревням сенокосов, существовали и отъезжие.

В редко заселенных местностях, особенно по речным берегам, разрабатывалось большое количество сенокосов. Лучшие луга находились по Каме, Обве, Чусовой. К середине XIX в. большая часть лугов в этих поречьях была у государственных крестьян.

В местах с государственным землевладением сенокосные угодья так же, как и пашни, расширялись путем лесных расчисток. Чистили лес для сенокосов вдоль рек, заводи́ли покосы в лесах с. Осокино, так как сена с ближних покосов не хватало.

Пастбищные места в деревнях были двух видов: скот пасли в лесу и около деревень на специальном выпасе. Не огороженные лесные покотины существовали в юрлинских и верхнекамских деревнях, в местах у Соликамска и по Чусовой, в верхнепечорских деревнях. Огораживались, как правило, поля или покосы, чтобы на них не заходил скот. Специальные выгоны для скота устраивались в деревнях в разных местах: в Соликамской деревни Роголи было выделено под загон место в 3 — 4 км. от деревни, у реки, возле огороженных полей; по речному берегу — в 1 км. от села пасли скот в селе Осокино; кроме того, в селе был выпас по вырубкам.

В целом Прикамье с XVI — XVII вв. господствовало трехполье. Переложные и подсечные хозяйства наряду с трехпольем процветали до конца XIX — начала XX в. Применение той или иной системы земледелия и местные особенности в земледелии были связаны с природными и почвенно-климатическими условиями районов. Социальные моменты в какой-то степени также действовали на развитие определенных систем земледелия. Так, в местах с помещи-

чьим землевладением (в приобвинских, причусовских местах) почти не развивались перелог и подсека. Владельцы имений неохотно позволяли крестьянам заводить новоросчисти в лесах. В большинстве имений лесные массивы предназначались для горнозаводских хозяйств и были почти недоступны для использования их под земледелие. Так было в имениях Всеволожских и иньвенско-обвенских деревнях Строгановых (Пермский и Соликамский уезды)

С приходом русских и развитием здесь русского земледелия у коми происходили изменения в сельском хозяйстве. Прежде всего, постепенно стали переходить к трехполью с межами и полосами на полях, к регулированному удобрению. При сохранявшихся старых орудиях — куштанах, суковатах, горбушах появились русские двузубые сохи с сошниками и деревянными отвалами для паровых полей и новые лесорубные топоры для подсек. Распространилось, как и у русских, косылитовки, цепы вместо деревянных молотил, овины для сушки снопов.

Сельскохозяйственные культуры остались прежние: озимая рожь, яровые — рожь, овес, ячмень, немного пшеницы, конопля, лен. При русском заселении стало развиваться огородничество. Несмотря на нововведения у коми очень долго сохранялись старые сельскохозяйственные орудия. И в XIX в. пользовались косами-горбушами, сохами с двумя ральниками, боронами-суковатками. В свою очередь в русском земледелии можно заметить заимствования у местных коми. Это архаические орудия (куштаны), элементы архаических систем земледелия, применявшихся у коми-пермяков (перелог, подсека), своеобразное местное сельскохозяйственное орудие — курашимка: пахотное орудие, считавшее в себе элементы русской сохи и сабана, распространенного у пермских народов, и пригодное для местных уральских почв.

В XVI–XVII вв. уже не наблюдалось особых различий в сельском хозяйстве у коми и русских. Сходные природные условия и развитие в едином социально-экономическом русле привели к одинаковым способам хозяйствования.

Традиционные русские и коми-пермяцкие костюмы

Показателем этнокультурных взаимовлияний русских и коми-пермяков служит и одежда. Общность в ее составе, покрое, назначении и терминологии свидетельствует об общих древних путях развития народов и длительной активности их исторических контактов.

Письменные источники XVII в. свидетельствуют, что основными материалами, используемыми крестьянами для шитья традиционной

одежды, были холст, сукно и полусукно домашнего изготовления. Процессы обработки льна, конопли, шерсти, а также прядения и ткачества оставались у крестьян Пермского края такими же, как и у населения Европейского Севера; во многом были сходны орудия труда и их терминология.

Наряду с однотипными холстами широко изготавливались узорные ткани — пестряди в клетку и полоску. В Северном Прикамье и на верхней Печоре преобладали ткани в два цвета. Домотканая пестрядь русских крестьян отличалась строгой уравновешенностью колорита, в ней преобладало сочетание красного, зеленого, желтого и синего цветов.

Еще в середине XIX в. крестьяне повсеместно пользовались природными красителями. Красные, оранжевые, желтые, коричневые цвета получали от настоя коры ольхи, ивы и березы, зеленый — от травы зеленицы, черный — от настоя железного предмета и отвара ольхи. Пряжа в природных красителях проходила длительную обработку, ее обязательно парили в русской печи. С конца XIX в. употребляется уже анилиновые красители.

Домашнее сукно ткали целиком из шерстяных ниток, а полусукно — на основе из льняной или конопляной пряжи. Из них шили штаны и верхнюю наплечную одежду. Технология получения сукна была общей с районами Русского Севера. По данным XVII в., различались сермяжное и пониточное сукно. Из сермяги (грубое полусукно) шили в основном зипуны.

Помимо местных тканей, в Пермском крае известны были и привозные. Но их использование в XVII—XVIII вв. было ограниченным. С середины XVIII в. поток привозных тканей в уездные города Чердынь, Соликамск, Кунгур и в крупные заводские поселки шел в основном с крупнейших русских ярмарок — Ирбитской и Макарьевской. Большим спросом у крестьян пользовались ситец, сатин, сукно, а также батист, миткаль, китайка, кисея, грезет.

В отличие от русских коми-пермяки шили одежду, даже праздничную, преимущественно из материалов собственного производства. Холст и сукно коми-пермяки изготавливали в домашних условиях по технологии, которая была известна русским крестьянам. Коми-пермяцкие мастерицы владели навыками узорного, браного и закладного ткачества, а также вышивки. Привозные ткани были доступны небольшой части зажиточных коми-пермяков, связанных с ярмарочной торговлей, и тем, кто занимался отхожим промыслом.

Раньше остальных полного сходства достиг мужской нательный и верхний комплекс. У коми-пермяков распространилась русская ру-

баха-косоворотка туникообразного покроя с разрезом на правой стороне и невысоким стоячим воротником. Штаны по покрою напоминали русские. Их концы зауживались и заправлялись онучами.

Еще в конце XIX в. крестьяне повсеместно шили праздничные рубахи из пестряди в мелкую клетку, будничные из тонкого однотонного холста, а штаны — из так называемого кежевого холста — в мелкую полоску. Зимние штаны шили из пониточного сукна. Только в конце XIX в. под влиянием городской моды в мужскую одежду вносится ряд изменений. Зажиточные крестьяне стали шить рубахи из сатина, атласа, кашемира, а штаны — из плиса и фабричного сукна. Изменения коснулись и покроя. Рубахи на кокетке имели боковые расклешенные клинья; рукава кроили зауженные, с обшлагами, на груди делался прямой разрез, исчез широкий шаг у штанов. В начале XX в. не только молодежь, но и пожилые мужчины носили двубортные пиджаки-визитки с отложными воротниками, лацканами, глухими карманами.

В комплекс раннего женского костюма входили рубахи-сановны, дубасы и сарафаны, запоны-передники, высокие головные уборы, а иногда и шугаи и душегреи. На протяжении длительного времени эти виды одежды носились крестьянками разных имущих слоев населения и разного возраста. С XVII в. прослеживаются локальные варианты этих видов.

Нательные рубахи состояли из двух частей: верхней — рукавов и нижней — становины. Они имели туникообразный покрой, прямые рукава со скошенными клиньями и прямоугольные ластовицы. К праздничным рубахам пришивали из льняной пестряди, а с середины XIX в. — из фабричных тканей. Зажиточные крестьянки на рубеже XIX–XX вв. носили рубахи уже на кокетке, с пышными рукавами, украшенными кружевами или кумачом, с воротником-стойкой. Украшение вышивкой, свойственное многим районам Европейского Севера, в Прикамье отсутствовало.

Сарафаны у коми-пермяцких девушек и женщин были того же вида, что и у русских: глухие прямые, косоклинные однотонные (синие и дубленые), круглые (сборчатые) с широкими проймами. Праздничные сарафаны шили из набивных холстов, а более состоятельные — из голубой китайки или кумача. Крестьяне, не имевшие возможности приобрести фабричные ткани, шили прямые сарафаны из тонкого крашеного или набойного холста. Сарафаны из крашеного холста в Кунгурском и Пермском уездах называли верхницами, а из набойки — печатными.

В североуральском регионе сарафанный комплекс получил распространение и среди нерусского населения. В середине XIX в.

коми-пермяки носили в будни дубасы, окрашенные дубовой и кубовой краской, по праздникам — набивные (печатные), а в конце XIX в. уже и прямые сарафаны из покупных тканей. В крестьянской среде нагрудные виды одежды имели ограниченное распространение. Из нагрудной одежды наиболее скромно оформлялись шугаи и епанчи. По покрою, они были близки обычной кофте. Душегреи шили чаще стеганными на вате, кудели; их покрывали дорогими тканями, отделявали мехом, расшивали золотом.

Обязательная принадлежность женского костюма — фартуки. В Пермском крае их повсюду называли запонами. Шили без нагрудника, только до талии. Будничные запоны шили из холста, а праздничные из покупных тканей. Никаких украшений, за исключением пришитых лент, они не имели.

Яркую этническую специфику крестьянской одежде придают головные уборы. Их традиционные виды близки тем, что бытовали и в других районах севернорусской зоны. Повседневно девушки носили ситцевые платки, косынки и шерстяные шали. Традиционным праздничным убором были налобные повязки с лентами на затылке. Иногда в праздники и, особенно на хороводы надевали венцы, украшенные лентами или искусственными цветами. Перевязки и ленты лишь обрамляли голову, но никогда не закрывали ее наглухо. Только свадебные коруны и бочки, надеваемые поверх перевязок и веков, полностью закрывали волосы.

Кокошники, относящиеся к типу однорогих, всегда богато украшались золотым шитьем, жемчугом, бисером, а в позднее время — фольгой, цветным стеклом и пуговицами. Подобные кокошники имели широкое распространение в центральной части европейской территории России. Их происхождение на Русском Севере, в том числе и в Пермском крае, связывается с заселением Прикамья из Владимиро-Суздальской земли. Этот вывод подкрепляется письменными материалами. Так, в одном из посланий митрополита Симона к наместнику русского князя Матвею Великопермскому от 22 августа 1501 г. указывается: «...а жены все ваши ходят простовласы, непокровенными головами: ино то чините не по закону христианскому и вы от сих мест так не чинили, как неверные чинят. А которым у вас женится и они бы женились благословением от священника, с обручением и с венчанием по закону христианскому ни в роду, ни в племени, а жены ваши имели покровены главы». Такое официальное указание могло быть вызвано тем, что в конце XV в. местное население — коми-пермяки (к тому времени они составляли основную массу жителей Прикамья) не соблюдали христианских обычаев и ходи-

ли без головных уборов или же не носили их постоянно. Какие-либо остатки головных уборов не были обнаружены и археологами, вскрывшими в Прикамье большое количество коми-пермяцких могильников IX–XV вв. Поэтому можно заключить, что кокошники на Пермской земле появились только с приходом русского населения, и прав был исследователь А. Ф. Теплоухов в том, что многие головные уборы были заимствованы коми-пермяками от русских. Но это заимствование, как указывают поздние материалы конца XIX — начала XX вв., не являлось механическим. Коми-пермяцкие кокошники XIX в. имели более пологий лицевой околыш и острые углы. Приношении орнаментированная сторона обращалась не вперед, как у русских, а под наклоном к низу. На заимствование кокошников коми-пермяками у русских указывает и то, что этот головной убор получил распространение только в среде северных — косинско-камских и язвинских коми-пермяков, которые входили в Чердынский уезд и раньше других вступили в контакты с русским населением.

В документах XVII в. встречаются сведения о других типично севернорусских головных уборах («сорочка золотая», «подзатыльник, шитый золотом», «убрус и подбрусник», «очелки женские»).

Обязательной принадлежностью женского и мужского костюмы были пояса. У северноуральских крестьян известно их несколько видов: кушаки, покромки, тельники. Повсеместно преобладали пояса собственного изготовления, только в начале XX в. некоторые крестьяне покупали гарусные.

Кушаками подпоясывали только верхнюю одежду. Мужчины завязывали их на любой стороне, а женщины — на левой. Молодые обматывали поверх одежды вкруговую, не завязывая. Покромки поверх дубасов и сарафанов носили только женщины. Узким тельником подпоясывали мужские рубахи. Различали пояса по художественной отделке. На кушаках и покромках выбирались сложные рельефные геометрические узоры. Основные мотивы орнамента типичны для узоров на поясах, бытовавших в районах Русского Севера. Дольше всех у русских крестьян бытовали полосатые пояса. По Каме в Ворцеевском сельсовете Чердынского уезда кушаки шириною от 5 до 15 см ткали на обычных краснах или при помощи бердечка, а покромки до 5 см — на специальных маленьких ниченках (нитках) при помощи швейки; узкие тельники до 2 см плели без всяких приспособлений, вручную.

Как бы хорошо не был распространен сарафанный комплекс, на рубеже XIX–XX вв. он вытеснялся новым видом одежды — юбкой и кофтой. Вытеснение сарафанного комплекса новым видом (юбки с

кофтой) хорошо прослеживается по полевым наблюдениям. В районах с разным уровнем социально-экономического развития этот процесс шел неодинаково. В первую очередь юбку и кофту начали носить крестьяне, проживающие на торговых сухопутных и водных путях, возле городов и поселков, а также в местах с развитым отходничеством.

Во всем северноуральском регионе самой распространенной стала юбка-тканка, чаще всего клетчатая, реже полосатая. Однотонные юбки были большой редкостью. Льняные юбки-тканки известны двух видов: ранние целиком прямые, а поздние — с косыми оборками. Оборку, как правило, выкраивали, пришивали под углом. Праздничные юбки украшали обложками — лентами, пришитыми по окружности оборок. По талии холст собирали складками-пластинками и обшивали однотонным или клетчатым холстом, а позднее фабричной тканью. Носили юбки на плетеном пояске.

В отличие от юбки, кофты шили не из холста, а из «мануфактуры». В некоторых местах крестьяне зазывали их по-старинному шугами. Кофты традиционного покроя шили длинными, с зауженными рукавами, спереди с глухим воротом, откидным или стоячим воротником, складками на груди. Для венчания крестьянки не шили кофту из однотонного материала, а юбку из цветного. Такую парочку хранили всю жизнь. Платье городского покроя вошло в повседневный обиход только в 1920-е годы. Его носили наряду с юбкой и кофтой.

Верхняя мужская и женская одежда различалась не столько покроем, сколько размерами. Повседневной крестьянской одеждой были зипуны и понитки из домашнего сукна и легкие холщовые шабуры. Их шили двухботными, в талию с пережимом и боковыми клиньями. Зипун отличался от понитка несколько более прямым покроем. Большой зипун надевали в дорогу поверх понитка или шубы.

Пониток шили на холщовой подкладке, с воротником-стойкой; его часто покрывали холстом снаружи. В этом случае он становился теплее и долговечнее. В Северном Прикамье одежда из понитчины под синим или белым холстом называлась гуней, а по Чусовой и в Кунгурском уезде — тяжелко.

В старообрядческой среде мужчины и женщины повседневно носили сибирку с лацканами, сборками по талии. Лузан носили во время охоты и рыболовства. Для него специально ткали толстое, мягкое и обязательно поперечно-полосатое (темное с белым) сукно. Лузан был известен почти во всей лесной полосе. Этнографы считают его изобретением местных финно-угорских народов. В Камском бассейне русские могли заимствовать его у коми-пермяков.

Распространенными видами мужской и женской обуви (кцмкцт) были лапти — нинком из липового лыка и бересты, низкие кожаные коты и сапоги с мягкой подошвой.

Лапти плели с косыми носками, поэтому каждый из них можно было носить только на правой или левой ноге. Лапти не были показателем бедности коми-пермяков, ношение их в будни и праздники являлось традицией.

Повсеместно крестьяне носили кожаную, валяную и в некоторых местах — плетеную обувь. Мужчины ходили в выворотных бахилах, а на рыбную ловлю и осеннюю охоту надевали бродни с длинными голенищами из кожи домашней выделки. У охотников и рыбаков северо-восточной окраины бытовала еще в начале XX в. такая архаическая обувь, как уледи и порубни (порубленные обутки). Известно, что XVII в. уледи изготавливали сами крестьяне. Уледи и порубни отличались от всей другой обуви тем, что и них низкое голенище было с разрезом. При надевании на чулок одна сторона накладывалась на другую сверху и обматывалась ремнями. Уледи имели кожаное голенище, а порубни — суконное. Вышерские охотники носили еще няры, сшитые как коты, из оленьей шкуры мехом наружу.

Низкую обувь — лапти и коты — надевали поверх толстых шерстяных чулок (паголенки), украшенных разноцветным орнаментом, или одноцветных чулок. Ткаными или плетеными поясками (вошь), вставленными в опушни — матерчатые обшивки верхних краев, лапти и коты плотно привязывались к чулкам, носкам или к онучам — ткани, которой обматывали ногу взамен чулок.

Сапоги-бахили шили с высоким голенищами, на щиколотках стягивали ремешками, вставленными в наружные петли. Их носили во время домашней работы, в лесу, на рыбалке. Для хождения на лыжах надевали уледи. Они имели вид кожаных котов, но с низким не сшитым по вертикали голенищем, чтобы удобно было надевать на толстый шерстяной чулок. Подошва уледей состояла из нескольких слоев кожи и была пришивной.

В повседневный быт хорошо вошли валенки, которые изготавливали местные кустари — катавалы. Модной женской обувью являлись башмаки с каблуками и подковками. Их покупали на рынках и носили исключительно по праздникам. Туфли приобретались очень редко. Самой распространенной женской обувью, помимо бахил, были кожаные коты с опушнями. Только по праздникам в начале XX в. начинали носить купленные башмаки и ботинки. В начале XX в. на сельских ярмарках все чаще можно было приобрести не только выворотные бахилы и коты, но и ботинки, сапоги на каблуках

Итак, преобладание севернорусского комплекса в крестьянской одежде было следствием мощного миграционного потока русского населения в северноуральский регион из центральных районов Поморья. Ряд признаков одежды (косоклинный дубас и сарафан, однорогий кокошник, золотошвейная вышивка, некоторая терминология элементов костюма) отражает заселение севернорусских земель преимущественно из районов Европейского Севера, ранее осваивавшихся переселенцами из Ростово-Суздальской (Верхневолжской) земли. На юге изучаемого нами региона (Кунгурский и Пермский уезды) прослеживаются черты одежды, характерные для одежды населения Среднего Поволжья (отсутствие во многих местах кокошника, частое употребление кружевных украшений и вышивки, более широкое употребление бешмети с башлыком, раннее появление выходной одежды под названием татарка). Эти различия можно объяснить более поздним заселением южных районов по сравнению с северными, причем выходцами не только с Европейского Севера, но и из центральных земель Русского государства. Крестьянская одежда позволяет также проследить и межэтнические контакты в северноуральском регионе. Русская культура отразилась на одежде местных народов. Близость в одежде у русских старожилы Чердынского и центральной части Соликамского уездов с северными коми-пермяками. Предпосылки этого были заложены не только ранними контактами, но также общностью хозяйственной и социальной жизни в одинаковых природно-географических условиях. Северные коми-пермяки и основная часть старожильского русского населения оставались не закрепощенными крестьянами. Северные коми-пермяки дольше всех сохраняли в полном виде сарафанный комплекс в качестве повседневной одежды. Контакты с местными народами не прошли бесследно и для русского населения. У русских крестьян занимавшихся охотой и рыболовством, появились коми-пермяцкие лужаны, к ним перешли коми-пермяцкие шамшуры с трапециевидным и квадратным дном.

В одежде североуральских крестьян рано появились различия, связанные с их социальным положением. Уже по материалам XVII в. видно, что привозные ткани и головные уборы, с золотошвейным шитьем могли иметь только зажиточные крестьяне. Костюм богатых отличался украшениями. Крестьянская беднота дольше всех носила суконные понитки и гуни, холщовые дубасы и рубахи, выворотные бахилы и коты. В капиталистическую эпоху контрастнее и выглядели и местные различия в одежде. Появление новых видов одежды наблюдалось, прежде всего, в местах, близких к торговым путям и центрам городской культуры.

Характер влияния культуры городских поселений (городов, городков, поселений, слобод, заводских поселков) не был однозначным. В ранний период, когда самой городской культуре Прикамья были присущи севернорусские черты, существующие связи способствовали не только распространению, но и упрочнению у крестьян традиционных видов одежды. На позднем этапе (XIX — начало XX в.) городская культура с многообразием черт, наоборот, ускорила переход от старого костюма к новому.

В некоторых отдаленных местах североуральского региона даже в конце XIX — начале XX в. сохранились архаические черты народной одежды. В этом сказались религиозная принадлежность крестьян. Православные всегда были к заимствованию новых видов одежды, а старообрядцы — к сохранению старых видов. В североуральском регионе особо выделяется район Верхнего Прикамья, где у старообрядцев архаические виды одежды сохранились до наших дней (косоклинные темные дубасы, покровки и выкладные пояса, шабуры, сибирки, коты, лаптыльченники). Вместе с «мирскими» они включают в погребальную одежду сван, глухой дубас, чулки из холста. У православных дольше всего бытовала одежда, имеющая практическое назначение (запоны с рукавами, лузаны, уледы, порубни).

Выходцы из центральных, старожильческих земель Прикамья, заселяя окраинные территории региона, сохраняли там наиболее долго отдельные черты севернорусской народной культуры. Там, как правило, отсутствовала подвижность населения, и преобладало натуральное хозяйство. Именно этим можно объяснить, что только на верхней Колве и Печоре население сохранило узорное вязание, а по Каме, в Чердынском районе, — изготовление узорных поясов.

Заключение

Активное восприятие всего русского, в том числе и русского фольклора, продолжалось в течение нескольких столетий и особую активную форму приобрело в XX столетии. В частности известный исследователь прошлого века Н. Добротворский писал по этому поводу: «Большая часть пермяков обрусела и смешалась с русскими; сильнейшая народность поглотила слабейшую. Это слияние продолжается и донныне, и даже теперь в большей степени, чем прежде. Особенно сильно обнаруживается факт обрусения в деревнях, заселенных на половину русскими, на половину пермяками. Пермяки перенимают здесь все русские обычаи и нравы, стараются подражать своим соседям даже в мелочах, говорят по-русски, рождаются с

ними, так что самый тип их изменился, переходя в какую-то неуловимую середину между славянским типом и финским». Здесь, также как и в ряде других работ, отмечены явные изменения в этническом самопознании коми-пермяков. Процесс этот сложный, не однолинейный, и не всегда он проходил достаточно очевидно. В 20-30-е годы в связи с поисками формы национальной государственности, активным национально-культурным строительством, эти процессы были остановлены или заторможены, но затем они вновь набрали силу, чему способствовала как экономическая политика государства, так и его политические культурные догмы.

Сегодня в самосознании коми-пермяков происходят серьезные изменения, во многом сходные с тем, что было отмечено еще столетие назад. Однако их глубина и масштабы неизмеримо больше, и темпы изменений нарастают в принципиально иных условиях.

Таким образом, взаимовлияние материальной культуры русских и коми-пермяков прослеживается на многих примерах. Они убеждают в том, что этнические различия в культуре русских и коми-пермяков были достаточно сглажены. Заимствованные культурные традиции русских в среде коми-пермяков сохранялись длительное время вплоть до 1930-х годов. У многих русских крестьян прежде развивавшиеся элементы культуры, в том числе переданные коми-пермякам, во второй половине XIX века подвергались нивелированию под воздействием городской среды и рыночных отношений. Поэтому коми-пермяки выступили как бы хранителями русских этнокультурных традиций. Из всех коми-пермяков в большей степени этнокультурную самобытность сохранили южные, иньвенские, коми-пермяки. Этот факт отмечали исследователи, как прошлого века, так и последних десятилетий. Именно на территории проживания южных коми-пермяков наиболее благополучно положение с функционированием родного языка.

«Промысловая культура финно-угорских народов»

Введение

В V-IV тысячелетиях до н. э. уральская общность разделилась на самодийскую и финно-угорскую. В период раннего неолита Европейский Северо-восток входил в обширную верхневолжскую этнокультурную общность. Неолитическое население региона сформировалось, вероятно, на основе местного мезолитического населения, но при участии переселенцев с Верхней Волги и, может быть, из других регионов. В период позднего неолита на территории Европейского Северо-востока, появлялись переселенцы из Прикамья и других регионов, на смену населения, по мнению современных исследователей, не происходило; На территории регионов жили племена финно-угров. Этническая карта бассейнов Печоры, Вычегды и Мезени периода энеолита-бронзы, как подчеркивают исследователи, отличалась значительной пестротой, однако определяющую роль в этнической истории Европейского Северо-востока играли финно-угорские племена. Со II тысячелетия до н. э. происходило складывание этнокультурных областей, началось выделение отдельных союзов племен. Через некоторое время после своего выделения из финно-угорской общности прафинно-пермская общность распалась на профинно-волжскую и прапермскую. В I тысячелетии до н. э. на основе последней возникли прибалтийско-финская и пермская общности. В последнюю входили предки современных коми, коми-пермяков и удмуртов. Представители пермской языковой общности населяли берега Камы Зятки, Вычегды, Печоры, Мезени и некоторых других рек.

В последние века до н. э. — первые века н. э. ананьинская общность разделилась. Образовались новые культуры, одна из которых связана с предками удмуртов, а другие, составлявшие гляденовскую культурную общность, — с предками коми, коми-пермяков. Третий этап этногинеза коми-пермяков приходился на вторую половину

первого тысячелетия н. э., когда вследствие миграции аборигенного населения и оседания здесь значительных пришлых групп происходит заметные изменения этнической карты Приуралья.

І Этнографические группы коми-зырян

В ходе этнической истории народа коми происходило неоднократное изменение границ его расселения, осваивались новые территории, при этом менялись условия среды обитания, устанавливались новые культурно-экономические связи с соседними народами. В результате анализа данных отличий этнографы выделили отдельные районы, имеющие свою культурную специфику, и определили новые основные этнографические группы народа коми. Одни из этих групп сложились уже в XVI–XVIII веке; другие — позже, в результате дальнейшего расселения коми на территории края. Этнографическая группа вымичей — коренное население реки Вымь — в основном оформилась в X–XIV веке на основе древнепермского населения этого района, летописной Перми вычегодской. В XV–XVII веке, после вхождения Коми края в состав Русского государства, через эту территорию проходил русский торговый путь в Сибирь, что оказало определенное воздействие на традиционную культуру вымских коми. Этому же способствовало возникновение в XVIII веке в соляных промыслах в с. Серегове в котором стало преобладать пришлое русское население.

Длительные коми-русские контакты отразились в высоком диалекте. Русское влияние отмечается также и в материальной сфере: в жилище, сельскохозяйственной технике и др. В хозяйственной деятельности вымские коми сочетали занятие земледелием, животноводством, охотой и рыболовством. В промысловом быту у них сохранялись многие древние традиции. Нижневычегодцы сейчас обитают на небольшом отрезке Нижней Вычегды. Между селами Межок и Коквицы, хотя до XVII в. Они заселяли Вычегду значительно ниже, вплоть до современного Котласа. В X–XIV в. Этот район входил в этноариал вымской археологической культуры, но с XIII в. У него началась активное проникновение пришлое русское население, усилились коми-русские контакты. На основе межэтнического взаимодействия у нижневычегодцев выработались некоторые особенности. У нижневычегодских коми были распространены русские пахотные орудия, северно-русскими были планировка жилища и его тип, русские элементы вошли и в свадебную обрядность.

Смешанным по составом этнографическим группам народа коми относится также верхнепечорцы. На севере верхнепечорские коми

границат с ижемцами, на юго-западе — с верхневичегодцами и на юге — с русским населением верхней Печоры. В традиционном хозяйстве большую роль играли охота и рыболовство, земледелие было развито слабо. На мировоззрение и духовную культуру верхнепечорцев большое влияние оказывало распространенное здесь старообрядчество.

Несмотря на то, что процессы межэтнической консолидации и образование народа коми в основном уже завершилось в XVIII в., различие в культуре и быте этнографических групп сохранялись еще длительное время. Стирание этих различий происходило особенно интенсивно уже в советское время в связи с общей ломкой традиционных укладов народов коми. В настоящее время определенные особенности в культуре сохраняют преимущественно лишь иженские коми. У остальных этнографических групп она утрачена.

1.1 Животноводство

Животноводство в традиционном хозяйстве народов коми имело древние традиции, зачатки оседлого скотоводства в Прикамье отмечены археологическими памятниками II—I тыс. до н. э. В условиях севера содержание скота было преимущественно стойловым в течение семи-восьми месяцев, в бассейне средней Печоры на подножках корму скот выпасался не более трех-трех с половиной месяцев.

Лошадь у коми служила основной тягловой силой при сельскохозяйственных работах, использовалась она и как транспортное средство, особенно зимой. На лошадях пахали, бороновали, с их помощью вывозили урожай зерна и сено. И для коров и для лошадей у коми практиковался вольный выпас в течение всего лета. Труд пастухов использовался крайне редко. Главными местами выпаса были естественно лесные пастбища. После жатвы и сенокоса выпускали скот также на луга и поля. Овец разводили повсеместно в небольших размерах — только для удовлетворения внутрихозяйственных потребностей в шерсти.

1.2 Охота

Промысловый сезон у охотников-коми подразделялся на два периода — осенний и весенне-зимний. Некоторые пожилые промысловики, особенно, особенно многосемейный, проводили в уголье всё лето, занимаясь ловом рыбы, сбором кедровых орехов, добычей капканами выдр. Осенняя охота велась преимущественно на боровую дичь в ближних охотничьих угольях со второй половины августа.

Огнестрельное оружие появилось у охотников коми в конце XVII — начале XVIII в. Вплоть до XX в. Большинство охотников коми шли на охоту с примитивными кремневыми ружьями. Главная причина стала долгого сохранения кремневых ружей — их безотказность и крайняя простота конструкции, позволявшая легко производить мелкий ремонт подручными средствами либо полностью заменить вышедший из строя замок новым, изготовленным местными кузнецами. Удачливость охотника при ружейном промысле во многом определялось тем, на сколько опытную собаку он имел. При помощи собак велся основной беличий промысел, их использовали при добыче куницы, выдры и других пушных зверей, при охоте на лосей и оленей, при рubeжном промысле.

1.3 Рыболовство

Традиции рыболовного промысла у народов коми имеют древние истоки. У коми везде широко практиковался лов рыбы древнейшими орудиями коллективного рыболовства — «запорами». Наиболее широко у коми были распространены рыболовные заграждения для лова рыбы «мордами» и вентилями в небольших реках, курьях и протоках, соединяющие старицы с основным руслом реки.

Рыболовные сети на территории Европейского Северо-востока появились еще в мезолите, о чем свидетельствуют найденные в Виском торфянике кусок сети, которая предназначалась для лова крупной рыбы и была связана шкотовым узлом, которым вяжут и современные сети. Почти всю рыбу, предназначенную для сбыта на рынке, заготавливали впрок засолом. Он производился либо на местах лова, либо рыбу доставляли в селение и засаливали: семга, нельму, харисов и т. д.

1.4 Оленеводство

Этой специфической отраслью животноводства занимались ижемцы — северная группа коми-зырян, расселенная по берегам рек Ижмы, Печоры и Усы с притоками. Ижемцы объективно опоздали к освоению европейских тундр, так как сформировались как группа довольно поздно — в конце XVI в.

Успехи ижемского оленеводства обеспечивались не столько их «колонизаторскими» приемами во взаимоотношениях с ненцами — спаивания, неэквивалентным товарообменом. Коми создали систему крупнота бунного товарного оленеводства, активно включила эту отрасль в рынок в отличие от ненцев, державших оленей для собственных нужд. Высока была по тем временам ижемская культура

содержания и выпаса оленей. Ижемцы быстро нашли оптимальный количественный и половозрастной состав стада, проводили «профессиональную» специализацию своих оленей. Пасли оленей пастухи, причем круглосуточно и при помощи оленегонных собак.

II Этнографическая группа коми-пермяков

В этнографическом плане обычно выдвигают четыре основные этнографические группы — коми-пермяков: иньвенские коми-пермяки, которые составляют основное ядро этноса и которых еще называют южными, косинско-камские, или северные, коми-пермяки, зюзины и язвинины. Кочевские коми-пермяки — это некая переходная группа между северными и южными, хотя в языковом отношении они более близкие к косенско-камским. Формирование этих групп способствовало, прежде всего, русская колонизация пермских земель, а также их относительное географическое изолированность друг от друга. В результате длительного периода русской колонизации, которая началась в XIV в., этническая территория коми-пермяков существенно сократилась, а их отдельные группы были разобщены либо оказались ассимилированы. В частности, анклав русского населения, которое к началу XIX в. Сформировалось в своеобразную этнографическую группу юрлинцев, разделил коми-пермяков на северных и южных. Географически изолированной оказалась и группа язвинцев.

Территория проживания зюзинцев примыкала к территории расселения иновенских коми-пермяков, но они были разделены административно. Иньвенские, или южные, коми-пермяки в основном расселены в бассейне правых притоков рек Камы, Иньвы и Нердвы и являются самой крупной по численности этнографической группой. На сегодняшний день в двух районных их традиционного расселения — Кудымкарском и Юсьвинском — проживают две трети всех коми-пермяков Коми-Пермяцкого округа. Как этнографическая группа иньвенцы сложились к концу XVIII в. Немаловажное значение в формировании их культурных особенностей сыграло то обстоятельство, что с конца XVII в. Иньвенцы попадают в крепостную зависимость. Основой их хозяйства являлись земледелие и животноводства.

Северные, или косинско-камские, коми-пермяки живут в северной части Коми-Пермяцкого автономного округа, в бассейне р. Косы и отчасти в бассейне верхней Камы и северных её притоков. Проживают в трех административных районах Гайнском, Коссинском и Кочевском. Поскольку они проживали в северной, наиболее лесис-

той части края, здесь наряду с земледелием и животноводством важную роль в хозяйстве играли охота и рыболовство. Существенное значение для крестьянского бюджета имели отхожие промыслы: заготовка и сплав леса, работа на прикамских соляных заводах. Язьвинские коми-пермяки проживают в долине р. Язьвы и представляют собой довольно изолированный анклав, который испытывал длительное этнокультурное влияние окрестного русского населения. Район Язьвы расположен значительно восточнее основного этнического массива коми-пермяков, на севере Пермской области. Формирование этой группы началось в XVIII в. путём переселения коми-пермяков из-под Чердыни. Окончательно она сложилась в конце XVIII — начале XIX в. Именно в это время произошли серьезные конфессиональные изменения: Язьвинцы приняли старообрядчество, чем существенно стали отличаться от других групп коми-пермяков, которые в массе своей были православными. Язьвинское наречие существенно отличается от других коми-пермяцких диалектов и считается переходным между коми-зырянским и коми-пермяцким языками. В культурном и хозяйственном плане язьвинцы мало отличались от окрестного русского населения. Это обстоятельство, а также длительные контакты с русскими привели к тому, что процессы аккультурации и ассимиляции среди язьвенцев были очень интенсивны. Группа зюздинских коми-пермяков сформировалась в XIX в. В культурно-бытовом отношении зюздинцы и русские в Афанасьевской и Гордиевской волостях уже к концу XIX в. составляли единую группу с общими культурными традициями, что стимулировало утрату зюздинскими коми-пермяками своей этнической специфики. Тем не менее, согласно данным переписи 1926 г. Зюздинских коми-пермяков насчитывалось 10169 человек.

2.1 Основные черты традиционного хозяйства

Значительное большинство коми-пермяцкого населения занималось земледелием, но у жителей северной таёжной зоны оно уступало охоте и рыболовству. Основу хозяйственной культуры коми-пермяков составляло максимальное приспособление к природной среде. Их жизнь постоянно была связана с лесом. Люди стремились гармонично вписаться в растительный и животный мир природы, получить в них средства для существования, добывать информацию об окружающей среде. Важное место занимало разведение домашних животных. Большое количество скота держали там, где имелись хорошие пастбища. Глубокие исторические корни имеют леечные и домашние промыслы, связанные с обработкой природного матери-

ала — шерсти, дерева, глины, руды, растительных волокон, шерсти, меха, кожи. Эти виды занятий являлись неременной принадлежностью натурального хозяйства.

2.2 Земледелие

Ранние очаги земледелия сложились в бассейне Иньвы, но даже на севере, по рекам Каме, Косе занимались земледелием с XIV в. На протяжении длительного времени коми-пермяки применяли три системы земледелия: трёхполье, перелог и подсеку. Часто практиковалось одновременное использование всех названных систем. Благоприятные природные условия, прежде всего почвы, способствовали развитию трёхполья у южных коми-пермяков. Оно стало более продуктивным под влиянием русских. При правильной трёхпольной системе на одной площади сеяли яровые культуры, на другой — озимые, а на третьей пахотная площадь превращалась на год в пар. Ведение трёхполья требовало удобрения пашни навозом и применение тягловой силы. В годы коллективизации трёхпольная система получила всеобщее распространение. На севере, по мере истощения почв, пашни оставляли на отдых на пять-десять лет. Они зарастали травой, лесом. После восстановления плодородия почвы перелоги могли вновь распахать и использовать до тех пор, пока не наступало очередное истощение почвы. Такая система называлась переложной или залежной: обновление полей происходило не за счет внесения удобрений, а естественным путём.

Подсека — старая и трудоёмкая система земледелия. На участке вырубали и сжигали лес, корчевали пни, пахали и сеяли в течение двух-четырёх лет, не внося удобрения. В некоторой степени подсеочное хозяйство было выгодно крестьянину, так как отвоёванные от леса участки обладали лучшим микроклиматом: От выжигания леса земля длительное время оставалась теплой, имелось достаточное количество земли. К тому же на подсеке можно было сеять позже, чем на других полях, а урожай получать раньше, и в первые годы достаточно высокий. По мере истощения одного участка крестьянин переходил к другому. После отдыха залежные участки могли быть вновь распаханы. Из зерновых культур у коми-пермяков популярными были ячмень, озимая рожь, овес. Пшеницу высевали в малом количестве и преимущественно в южных районах. Из технических культур широко возделывали лен и коноплю, волокно которых шло на изготовлении тканей. Из овощей выращивали репу, лук, редьку, капусту. С середины XIX в. начали разводить картофель. Травопольная система развития не получила. В ходе многовековой земле-

дельческой практики коми-пермяки выработали устойчивые сроки возделывания культур. Посев яровых обычно начинали около девятого мая. С начала сеяли овес, ярицу, через неделю ячмень, дней через десять — лен, а спустя неделю — коноплю. В начале августа первым начинали жать ячмень, во второй половине августа — рожь, спустя неделю — овес, а ярицу жали в самом конце августа.

От природных условий и систем земледелия зависело применение орудий обработки почвы и уборки урожая. Земледельческая техника развивалась очень медленно. При подсечном земледелии почву обрабатывали мотыгой, сохой двузубой без полицы, бороной из полубревен с сучьями. Пашенное земледелие развивалось при использовании сохи, которая подрезала и переворачивала дерновой слой. Она имела два ральника и перекладную полицу. Левый ральник назывался мужским, а правый женским. Ральники по своим форматам сохраняли близость тем, которые археологи находили на коми-пермяцких поселениях XII—XIV вв. В конце XIX в. крестьяне видоизменяли соху: рассоху вырезали искривленной формы с боковым выступом — деревянным отвалом. На рубеже XIX—XX вв. крестьяне заводили более совершенные сохи: курашилку и пыласовку. Эти сохи были односторонними, поскольку треугольный лемех дополнялся неподвижным железным отвалом. Кроме них в состоятельных хозяйствах внедрялось соха косуля. Помимо лемеха и отвала она имела нож для разрезания дернового слоя. Косули были легкими, лемех запахивал глубже и шире, что способствовало лучшему уничтожению сорняков. При наличии ножа косулей можно было пахать твердую почву. В XX в. в земледелии произошли большие изменения. Увеличились посевные площади, расширился состав культуры, получило развитие картофелеводство и травосеяния. Уровень земледелия характеризовался внедрением новой техники: сеялки, жатки, молотилки; появились железные плуги и бороны, комбайны и т. д.

2.3 Животноводство

Крестьянское хозяйство не могло развиваться без лошадей и крупного рогатого скота. Разводили местные породы коров, быков, овец. Из-за суровых природных условий, однообразного корма, недостаточного ухода продуктивность домашнего скота была низкой. Постепенно шло измельчание пород. Каждую весну немало погибало скота от бескормицы. Животноводство получило мощное развитие в колхозах в связи со специализации их на выпуски молочной и мясной продукции. Особенно успешно оно стало развиваться в центральных и южных районах Коми-Пермяцкого автономного округа.

Внедрялись улучшенные породы скота и развивались новые отрасли животноводства — свиноводства и овцеводство. Улучшалось качество пастбищ и сенокосов.

2.4 Охота и рыболовство

Эти виды хозяйственной деятельности развиты были с глубокой древности. О высоком уровне охоты говорили: вывоз пушнины из пермских земель в Волжскую Булгарию, Византию, среднеазиатские страны и арабские. «Мягкой рухлядью» — мехами интересовались новгородские ушкуйники, приходившие при Урале в XI–XIV вв. В связи с вырубками лесов, ростом плотности населения и специализации его на земледелие охота постепенно отходила с юга на север. Самый важный промысловый район сложился на верхней Каме и по её притокам Весляне, Лупье, Тимшеру. Отсюда охотники сбывали пушнину и дичь торговцам взамен на муку и фабричные товары.

Охотничьи угодья располагались как вблизи населенного пункта, так и далеко за его пределами. Они переходили по наследству, завещанию, но предметом купли и продажи никогда не являлись. В дальнейших угодьях создавалось становье из избушки, балагана, амбарчика на столбах, костра. От становья шли путники — тропки. Обозначенные затесами на деревьях или тамгами — знаками собственности.

Охотничьих сезона было два. Первый длился с середины сентября до начала декабря. В этот срок на ближнем расстоянии от деревни охотились на белку, куницу, рябчика, глухаря, тетерева. Второй сезон открывался в начале февраля и заканчивался в апреле. В это время охотились на лосей, соболя, куницу, белку. На охоту отправлялись семьями, артелями. Перед началом промысла охотник не только собирал снаряжение, инвентарь, продукты, но и выполнял ряд заповедей, чтобы сезон прошел удачно. Провожать охотников выходили все жители деревни.

Коми-пермяки с XVIII в. знали оружейную охоту, но лук и рогатину, а также старые орудия лова — силки, петли, перевесы, сети, плашки, слошцы — почти в неизменном виде использовали до середины XX в. Раньше всех вышел из употребления лук, который изготовлялся из можжевельника. Сетями ловили куниц и соболей. На зайцев ставили петли, на мелких птиц — силки из конского волоса, на уток — перевесы. При ловле белки, горноста, колонка использовали плашки, при добыче глухарей, тетеревов, белки — слошцы, при охоте на лисиц, волков, выдр, росомех — кляпцы.

В начале XX вместо кляпцев стали использовать железные петли и капканы. Рыболовство коми-пермяки занимались повсеместно. Иногда ловлю рыбы совмещали с охотой. Среди орудий лова широко применялись мереже, невода, бредни. Их вязали из конопляных ниток. Для ловли рыбы еще в первой половине XX в. пользовались загораживанием рек — полностью или частично. Для заграждения ввели решетки из прутьев или дранки. Посередине заграждения оставляли отверстие, в него вставляли плетенные из прутьев конусообразные морды, в которых скапливалась рыба. Ловля на крючок не имела распространения, хотя в древности, судя по археологическому материалу, она применялась достаточно широко. Зато долго удерживался древний прием лова рыбы острогой. Ловлением больше занимались осенью. Коми-пермяки чаще всего использовали кованые остроги.

2.5 Домашние ремесла и промыслы

Одни из них развивались в интересах личного хозяйства, другие — в связи с необходимостью получения дополнительных средств к существованию. Почти в каждой местности были ремесленники, которые изготавливали деревянную резную и плетеную посуду, различные орудия труда. Из березовых наростов вырезали чашки, ковши, блюда, солонки, ложки. Широко применялась посуда, украшенная конскими головами. Она занимала видное место в быту, и с ней подчас были связаны многие представления об окружающей среде и отношении к ней человека. Из корней сосны и ели коми-пермяки плели корзины, чашки, из бересты делали коробки, кузова и туеса. Коми-пермяки издавна занимались изготовлением глиняной посуды. Из глины лепили корчаги для кваса и пива, горшки для молока и масла, чашки для супа, каши, киселя. Для прочности глиняную посуду оплетали берестой. Повсеместно коми-пермяцкие женщины занимались прядением и ткачеством. От стариков еще можно услышать немало рассказов о талантливых мастерицах, которые владели всеми видами узорного ткачества. Ткали повсеместно на станке, близкому по устройству к тем, которые знало русское население многих регионов России. Коми-пермяцкие материалисты создавали расцветку ткани с учетом её конкретного предназначения.

Наравне с описанными способами коми-пермяцкие ткачихи владели и сложной техникой изготовления тканей — закладной, ремизной, браной. Закладная техника предусматривала использование неодинакового утка, а несколько разноцветных, которые заклады-

вались внутрь основы, образуя узоры любой формы и совершенно одинаковые с обеих сторон ткани. При браном ткачестве приходилось руками выбирать в белых нитях основы узора и вставлять во внутрь цветной уток из льняных или шерстяных ниток.

С конца XIX в. появились крашенные и набивные ткани, которые изготавливались не только в домашних условиях, но и в специальных синильных заведениях. Название заведений пошло оттого, что холсты чаще всего окрашивались в синий цвет. Узоры на окрашенные холсты наносились при помощи специальных досок с выступающей орнаментированной поверхностью. Набивные ткани коми-пермяков близки по расцветке, рисунку, композиционным приемам тканям русского населения Приуралья. Коми-пермяки ткали не только материалы для одежды, полотенец, скатерти, но и пояса — непременную принадлежность мужского и женского костюма. Пояса ткали на нету — круглых палочках, дощечках, бердечке — решете. Из поясов наиболее сложную орнаментацию имели кушаки и покровки.

III Марийцы

Само название народа пошло от слова мари, марий, что означает «муж», «мужчина». Древнерусское название марийцев — черемисы. Так их именовали в официальной и научной литературе до 1930-х годов. Сами же марийцы сами себя так никогда не называли. Вот пример, когда этническое имя народа на протяжении длительного времени не получало официального статуса.

Марийцы Урала до наших дней не утратили территории проживания освоенных их предками в XVI-XVII в., сохраняли многие признаки родственной культуры. Районы расселения марийцев компактно — в верховьях Сылвы и в верховьях Уфы. Из уральских марийцев наибольшую численность имеют марийцы Республики Башкортостана свыше ста тыс. человек. Перепись 1989 года учла на Урале 143641 тыс. чел., осознающих себя марийцами, что составило 21, 4 % от всех марийцев России. Доли сельского населения среди уральских марийцев достигла 62%.

3.1 Земледелие

Первоначальные знакомства населения Марийского края с земледелием, начало его становления, как установлено археологами, относится к концу III — началу II тысячелетия до н. э. И вплоть до начала II тысячелетия н. э. оно находилось на доплужной стадии развития. Местное население занималось обработкой поименных земляных участков, используя для этого простейшие орудия. В IX–XII вв. марий-

цы переходят к поименному земледелию, о чем свидетельствуют находки археологов во время раскопок на территории Республики Марий Эл железных сошников, и полиц, серпов, остатков зерна и жерновов. Среди возделываемых ими зерновых культур были пшеница, ячмень, полба, просо. Паровое трехполье с унавоженными парами у марийских крестьян утвердилось в XVIII в. Этому способствовало обогащение их агрокультурной практике. В результате развития взаимосвязей с русскими крестьянами. Наряду с трехпольной системой земледелия вплоть до конца XIX в. сохранились её архаичные предшественники — подсечно-огневая и переложная. В начале XX в. на полях марийских крестьян применялись различные виды пахотных видов орудий: сохи, косули, плуги. Наиболее распространенной вплоть до середины XIX в. была двухсошниковая соха с переходной полицей. Марийцы юго-восточной части края пользовались односошниковой сохой. В середине XIX в. у них еще применялись деревянные плуги типа «сабана». Их перестали употреблять в связи с распространением в конце XVIII в. более эффективного по качеству работы пахотного орудия косули. Орудия обработки почвы бороны были двух видов: рамная, из брусков и плетенная, или вязаная. Последняя к концу XIX в. выходит из употребления из-за непрочности. Она использовалась при подсечно-осевой и переломной системах земледелия. Бороны с железными зубьями появляются в последней четверти XIX в. у богатых марийцев. Основным способом подготовки почвы для посева озимой ржи у марийцев, как и у других народов края, было «двоение», т. е. двойная вспашка. Первую вспашку проводили при вывозке навоза на паровое поле, а второй раз пахали накануне посева. К уборочной страде марийцы приступали в конце июля — начале августа по завершении сенокоса. В ней обычно участвовала вся семья, кроме больных и малолетних. Для этого пользовались обычными железными серпами. Садоводство в краю получает широкое распространение к концу XIX в. в правобережье Волги среди горных марийцев. Здесь климатические условия были более благоприятными для его развития, нежели в левобережья. Основными фруктовыми деревьями являлись яблони. Садоводство имело товарное значение лишь у зажиточной части крестьян.

3.2 Животноводство

Древнее население марийского края разводило лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, свиней. Ведущая роль лошади в животноводстве предков марийцев подтверждается многочисленными находками бронзовых и железных удил, стремян, бляшек и других атри-

бутов из набора конской сбруи, широким распространением культа коня. Значительную роль в хозяйстве марийцев играла овца. Её шерсть использовалась для изготовления одежды и обуви, шкура шла на шубы и полушубки, мясо — в пищу. Содержание скота в пастбищный сезон в большинстве марийских селений не требовало особых усилий. Одной из древнейших черт ведения домашнего животноводства в лесной полосе был вольный выпас скота. Этот метод у марийцев, как и у соседних народов, проживающих примерно в равных природно-климатических условиях, сохранился в ряде мест до недавнего времени.

Домашняя птица у марийцев не требовала особого ухода. Из-за простоты содержания в крестьянских хозяйствах больше разводили кур. Гуси и утки с весны до осени находились на ближайшем водоёме, а хозяева навещали их, в лучшем случае, пригоняли домой на ночное время. Птицы эти разводились в основном для приношения в жертву во время различных семейных молений или изготовления из пуха перин и подушек. В XX в. в животноводстве марийского края происходили существенные изменения. В их основе лежат большие перемены в политической жизни общества, связанные с трансформацией форм собственности. Если в 1920–1930-е годы осуществляется процесс обобществления земли и создания коллективных хозяйств, но в 1990-е годы шло разделение коллективной собственности на частные там, образование индивидуальных фермерских хозяйств, акционерных обществ. В начале XX столетия в крестьянском хозяйстве края почти 30% домохозяйств были безлошадными, около четверти не имели коров. Положение в животноводстве еще более ухудшилось в результате экономической разрухи в 1914–1920-е годы и жесточайшей засухи в 1921 г.

3.3 Пчеловодство

Пчеловодство являлось одним из древнейших занятий марийцев. В форме бортничества оно было широко распространено среди населения лесной зоны и следы его, по археологическим данным, известны с эпохи поздней бронзы. Добывание меда диких пчел, живущих в дуплах бортных деревьев, сохранилось среди марийцев вплоть до начала XX века. Помимо поисков естественных бортных деревьев пчеловоды делали искусственные борти. Для взлезания на бортные деревья использовались специальные веревки длиной до 15 м. Их вили из пенька, лыка, а также делались сыромятных кожаных полосах. Постепенно на смену бортничеству пришло колодное пчеловодство. Пчел стали содержать в специальных приготовленных

ульях — колодах. Появление ульев-колод в практике пчеловодства имела два важных последствия для дальнейшего развития. Во-первых, оно способствовало переходу к пасечному содержанию пчел, концентрации пчелосемей на компактной территории, во-вторых, послужило основой домашнего пчеловодства.

В начале XX в. в марийском крае рамочно-ульевое пчеловодство получило значительное распространение.

К пчеловодам предъявлялись особые морально-этические требования. Считалось, что пчелы чувствительны к грязи, резким и острым запахам, не любят темный цвет. Поэтому пчеловоды-марийцы приходили на пасеку одетые в чистую белую одежду, старались бережно и аккуратно выполнять все операции по уходу за пчелами. Пчела пользовалась у марийцев большим почетом и уважением. В представлении народа она олицетворяла собой такие положительные качества, как трудолюбие и мастерство, усердие и неутомимость, дружбу и взаимопомощь. Продукты пчеловодства — мёд — считалось одним из самых почитаемых и необходимых при отправлении бытовой и религиозной обязанности. Полагали, что мед как чистый продукт питания исцелял от различных болезней. Перед роением пчел марийцы пчеловоды проводили специальное моление, во время которого приносили в жертву домашних животных или птиц. В советское время, когда велась борьба с кулачеством, пасеки зажиточных пчеловодов перешли в коллективную собственность. В 1950-е годы колхозники получали мёд за трудодни. Но в последствии, с начала массовой химизации сельского хозяйства, из-за неумелого и небрежного применения минеральных удобрений, гербицидов и средств борьбы с вредными вредителями на полях и лесах республики пчеловодство пришло в упадок.

3.4 Охота

О развитой охоте марийцев в IX–XI вв. свидетельствуют археологические материалы. На многих памятниках этого времени обнаружены кости диких животных, части лука наконечники стрел, остатки меховой одежды, сшитой из различных мехов. Не смотря на рост народонаселения и расширения хозяйственного освоения территории края в XIX в., вызвали сокращение площади лесов и промысловых угодий, уменьшение состава и количества животного мира, исчезновение некоторых промысловых зверей, охота продолжала играть заметную роль в хозяйстве марийцев. Однако она превращалась в подсобный, второстепенный вид промыслового занятия. Сокращалось число лиц занимающихся охотой.

По рассказам информаторов, для ловли зайцев, лисиц и других мелких зверей еще в конце XIX-начале XX в. использовали сети-тенета длиной до 30-40 м., шириной до двух м. К расставленным тенетам криком и шумом гнали зверей, где они запутывались или попадали под выстрелы охотников. Зайцев ловили также при помощи капканов и силков, которые устанавливали на заячьих тропах, охотились также с огнестрельным оружием с помощью собаки. При охоте на белок использовали ружья, луки и стрелы. Стрелы на мелких зверьков имели костяной наконечник, который оглушал зверька своим ударом, и шкурка его при этом оставалась не поврежденной.

Оригинальным способом, применяемым марийцами, была ловушка в виде плетеной из прутьев корзины с захлопывающейся крышкой, с приманкой на поверхности последней. Ею ловили глухарей, тетеревов, рябчиков и куниц. Марийцы осенью приманивали тетеревов с помощью чучел, которые шили из сукна или другой черной материи и расставляли в кустах возле леса, причем сами охотники находились поблизости в шалашах. Добытое марийцами при охоте мясо не хищных зверей употреблялось в пищу, а шкурки сбывали на местных рынках или приезжим скупщикам.

В настоящее время охотничьи промысел остается одним из традиционно любимых занятий населения республики. В послевоенные десятилетия были предприняты меры по расширению видов промысловых животных и их охране. На территорию республики завезли и разместили в естественные условия ранее исчезнувшие и новые виды зверей.

3.5 Рыболовство

Рыболовство, как и охота, — одно из традиционно развитых видов занятий марийцев, имеющее в крае древнюю историю.

Орудия рыболовства подразделяются на волоковые, ставные, черпальные и удильные. Волоковые средства-невода, бредни использовались как при артельной, так и при семейной ловле. Бредни применяли и при коллективном способе лова с устройством запруды — так называемого двора, характерного для марийцев Вятской губ. Этот способ бытовал еще в середине XIX в. Устройство запруды было необходимо и при использовании вставных методов ловли рыбы. Сначала река перегораживалась поперек всего русла, но в запруде оставались проганы. К ним вплотную приставлялись сети или морды. Сети вязали из конопляных ниток, морды плели из ивовых или черемуховых прутьев, внутри неё вплетался конус с отверстием для входа рыбы. Морды летом ставили на запрудах, обычно на местах с

сильным течением, весной — вдоль берегов озер и речек во время икрометания рыбы.

По данным полевых материалов, из черпальных снастей марийцы использовали саки, намётки. Это сети в форме мешка, прикрепленные к деревянному обручу или треугольнику, насажанному на длинную рукоять. Ими обычно ловили весной с берега во время разлива рек. Марийцы, как и соседние народы Поволжья ловили и употребляли в пищу все виды рыбы, водящихся в реках и озерах Волжского бассейна. Хотя рыболовством повсеместно занималась все марийское население, однако, по данным статистики, оно было достаточно развитым как выгодный и обширный промысел, в приволжских и прикамских селениях. Рыба сбывалась на местных и окрестных базарах. В целом рыболовство в хозяйстве марийца в конце XIX-начале XX в носило потребительский характер и превращалось в любительское занятие.

3.6 Декоративно-прикладное искусство

Художественные промыслы

Марийцы издавна знали приемы обработки глины, камня, металла, дерева и растительных материалов, кожи и тканей. Об этом свидетельствуют выявленные археологические скульптурные фигурки животных и птиц, орнаментированная керамика, металлические украшения в виде стилизованных фигурок животных и птиц, различные орнаментированные пластинки. Эти украшения являлись частью древнего костюма. Они изготовлялись из различных сплавов, в состав которых входило серебро, способомковки или чеканки.

В XVIII — начале XX в. народное декоративное искусство значительно обогатилось благодаря развитию домашнего производства, усилению этнокультурных контактов с соседями. Местные художественные традиции получили особенно яркое воплощение в изготовлении и декоре одежды вышивкой. В качестве отделки они применялись во всех деталях мужской и женской одежды.

Узорное ткачество марийцев, по сравнению с другими народами Поволжья, было развито слабее. Но он известно им с глубокой древности как важная отрасль домашнего производства. Тканые изделия и вышитые полотенца являлись частью приданного невесты, а также обрядовыми и ритуальными предметами.

В домашнем производстве важную роль играла деревообработка. Основными инструментами ручной обработки древесины служили топор, ножи, тесло и долото. Позднее, когда в марийскую резьбу проникли ажурная пропильная резьба, пользовались пилками. Резьбой

повсеместно украшали орудия труда и быта. Традиционные принципы резного декора сохранились в украшении замков. Архитектурная резьба как декоративный элемент крестьянского жилища у марийцев получила массовое распространение в основном во второй половине XIX в. В конце XIX столетия в архитектурную резьбу проникла и русская ажурная резьба, которой обильно декорировали подзоры фронтов, наличники окон и горизонтальные доски ворот. На полотнищах ворот часто помещали накладную резьбу с сильно стилизованными формами из геометрических мотивов. На многих наличниках резьба сочеталась с раскраской. Начиная с 60-х годов XIX столетия, широкое распространение получили кустарные промыслы по обработке дерева, тканей, металлов. Это производство черёмуховой гнутой мебели, плетёных корзин и дорожных сундуков, тарантасных плетенок, изготовление национальных музыкальных инструментов и сувенирных поделок. Широкое распространение получил корзиночный промысел. К 1860-м годам относится возникновение промысла по обработке дамских и мужских деревянных тростей с выраженным и резным орнаментом. Орнамент выжженных узоров был разнообразным и обычно состоял из комбинации кругов, точек, прямых, спиралей и винтообразных линий. Ручки тростей делали в виде фигурок птичек или же голов животных. Среди промыслов по обработке дерева следует назвать и производство расписных дуг, саней, коромысел, сундуков, предметов домашней утвари и т. д. По всему краю был распространён кустарно-ткацкий промысел, который удовлетворял главным образом потребности местного населения. Популярностью пользовались изделия из соломки. Соломкой декорировали рамки для фотографии, туалетные коробочки, из неё делали люстры. Среди музыкальных инструментов очень популярными являлись свистульки, выполненные из глины. Мотивы их росписи несложные, геометрического характера.

IV Удмурты

Среда народов финно-угорской языковой группы, расселенных в лесной зоне от Прибалтики и Скандинавии на западе до р. Оби на востоке, удмурты занимают как бы центральное положение.

Заселение Поволжско-Приуральского региона происходило, по-видимому, еще в палеолите, однако этническая идентификация этого населения в принципе невозможна. О каких-то истоковых формах известных этнолингвистических общностей можно говорить лишь с эпохи мезолита. Именно с этим временем связывают формирование древней прародины уральской языковой семьи, которая территориально

ассоциируется с нижним или средним течением Оби. В эпоху неолита (V–IV тыс. до н. э.) в Европейском Приуралье происходит формирование финно-язычных групп населения, в Зауралье — угорских.

В неолите основными формами хозяйства были охота, рыболовство, собирательство, в этот же период появляются и домашние животные. В период энеолита и бронзы (III–II тыс. до н. э.), по-видимому, происходит процесс дальнейшей дифференциации финно-язычного населения. В эту эпоху соотношение традиционных отраслей хозяйства меняется, ведущая роль переходит к сетевому рыболовству.

Этнокультурное взаимодействие удмуртов с различными этническими группами от простого обмена своей продукцией от усвоения элементов материальной и духовной культуры, заимствований в языке» значительно обогащало, но не меняло сущностных черт общего характера культуры удмуртов.

Удмурты обменивались, главным образом, мехами, высоко ценившимися на южных рынках, а с лесными народами — отдельными украшениями, поделками, навыками, культурными достижениями.

4.1 Хозяйство и занятия

В течение многих веков жизненный уклад удмуртом был связан с натуральным хозяйством. Лишь в конце XVII — начале XVIII в. под влиянием складывавшегося всероссийского рынка зерновые хозяйства зажиточных крестьян приобрели торговый характер.

Во второй половине XVIII в. хозяйства удмуртских крестьян развивались в условиях дальнейшего углубления товарно-денежных отношений, имущественного и социального расслоения, которые во второй половине XIX в. приобрели ярко выраженный характер. При этом по степени расслоения удмуртская деревня, как и другие деревни Урала-Поволжья, заметно отставала от русской: в руках зажиточных хозяев сосредотачивалось еще далеко не основная часть сельскохозяйственного производства, а сам сельский кулак больше выделялся ростовщичеством и спекуляцией. Во второй половине XIX — начале XX в. основным занятием удмуртов продолжало оставаться пашенное земледелие с зерновой специализацией.

4.2 Животноводство

Второй по значительности отраслью в хозяйстве удмуртов являлось животноводство. Оно давало крестьянам тягловую силу, продукты питания, сырье для изготовления одежды и хозяйственных предметов, позволяло получать удобрения для полей.

На рубеже XIX–XX вв. удмурты держали в основном те же виды скота и птицы, что и соседние народы Прикамья и Приуралья: лошадей, коров, овец, коз, свиней, кур, гусей, уток и т. д. Каждая семья старалась разводить скот в достаточном количестве, но у основной массы крестьян его явно не хватало. Социальная дифференциация сказывалась и на качестве поголовья скота. Когда не было возможности держать одновременно лошадь и корову, удмурты предпочитали расстаться с коровой, чем с лошастью. Содержание скота в пастбищный сезон не требовало особых усилий. Лошади обычно паслись на лугах или на паровом поле; в пору напряженной сельхоз работы их пасли ночью, что входило в обязанности подростков. Большинство общин обходилось вольным выпасом, но в конце XIX века для мелкого скота — овец, свиней — стали практиковать наем пастухов. При вольном выпасе скот, оставаясь без присмотра, подвергался травмам, нападению зверей, укусам насекомых, часто терялся. Чтобы предотвратить его потери, уберечь от болезней, травм, удмурты прибегали к различным родам обрядов, магическим приемам, которых имелась и рациональная основа. В общинах, где нанимали пастухов, они несли полную ответственность перед обществом и отдельными крестьянскими хозяйствами за пропажу скота или потраву полей. Если потрава все же происходила, пастуха подвергали штрафу в пользу пострадавшего домохозяина. Отсутствие достаточного количества кормов, теплых хлебов часто приводило к болезням, падежу скота. Настоящим бичом для животноводства были эпизоотии, наносившие огромный ущерб крестьянским хозяйствам. Никаких эффективных мер борьбы с падежом скота крестьянство не могло предпринять, единственным средством были попытки ограничить распространение эпизоотии путем изоляции очага.

4.3 Пчеловодства, охота, рыболовство

Пчеловодство было одним из древнейших и любимых занятий удмуртов. Оно прошло в своем развитии три этапа: дикое колонное и рамочное. В первое время оно сводилось к непосредственному сбору меда и воска из естественных дуплов деревьев. В дальнейшем люди стали устраивать искусственные борти или приспособлять естественные дупла. Бортные деревья отмечались семейными знаками — тамгами или считались наследственной собственностью. Повреждение борти или присвоение чужого мёда влекло за собой весьма суровое наказание.

Разбросанность борти, требовало от пчеловодов много сил и времени, вырубка лесов, сокращение бортных урожаев привели к постепенному переходу к пасечному пчеловодству, пчелы стали содер-

жаться в колодах на лесных пасеках или около дома, на приусадебных участках.

Пасеки обычно устраивались на полянах, защищенных от ветра лощинах. Для зимнего содержания пчел здесь устраивалось небольшое помещение в виде срубной постройки или землянки. Иногда на пасеке объединялись улья нескольких хозяев, как правила, родственников.

Во второй половине XIX в. частным явлением становится содержанием пчел на усадьбах; деревнях обычно имелось по две три хозяйства, держащие несколько ульев при огородах. Удмурдский мёд высоко ценился на ярмарках, особенно славился сарапульский мёд — бортовой. Известно, что продукты пчеловодства — мёд, воск — уже в XVII—XVIII в. в больших количествах вывозились за пределы края, в частности, в Устюг, на Ирбитскую ярмарку.

В XIX в. значение пчеловодства в хозяйстве удмуртов постепенно сокращалось, количество пчеловодов уменьшалось. Во второй половине XIX в. в Глазовском уезде пчеловодством занималось всего 1716 удмуртских дворов, в Сарапульском — 1827 из общего количества пчеловодов уезда только у 9 пчеловодство имело промысловое значение.

Важной отраслью хозяйства удмуртов являлась охота. Более древние периоды охота имела потребительский характер, но постепенно с развитием торговли, уже в ананьинскую эпоху (VIII—III в. до н. э.), пушнина становилась продуктом обмена с племенами юга и востока.

В XVIII—XIX в. удмурты продолжали уделять значительное внимание этому традиционному занятию. Ученые-путешественники XVIII в. отмечали высокое искусство удмуртских охотников, с восхищением о мастерстве удмуртов в охотничьем промысле отзывались исследователи второй половины XIX века.

Большинство способов и орудий охоты у удмуртов были схожи с таковыми у народов Поволжья и Приуралья.

Продукция охоты имела значительный вес в бюджете удмуртской семьи: использовалось в пищу, шла на уплату государственных податей, излишки охотничьей добычи вывозились на рынок. На рубеже XIX — XX в. в связи с сокращением охотничьих угодий и уменьшением количества промысловых зверей число занимающихся охотой сократилась. Одна из древнейших форм хозяйственно деятельности удмуртов — рыболовство. Орудия способы рыболовства у удмуртов в целом не отличались от таковых у соседних народов. Удмуртских крестьян рыболовство имело потребительский характер. Рыболовные угодья, содержащие ими, были незначительными и малопродуктивными.

Более или менее заметным явлением продажа рыбы удмуртами становится лишь в конце XVIII в. однако в конце XIX начале XX в. рыбаков, занимавшейся поставкой рыбы на рынок или скупщикам, среди удмуртов было мало. К примеру, в Сорокульском уезде в 1890 г. было всего 38 удмуртов, для которых рыболовств являлось промыслом.

4.4 Промыслы и ремесла

Древние занятия населения лесной северо-восточной части Европы — смолокурение и углежжение. Они были распространены и среди удмуртов. Обитание в лесной полосе, наличие подручного материала обусловили развитие деревообрабатывающих ремесел. Крестьяне изготовили их дерева домашнюю утварь, средства передвижения, орудия сельскохозяйственного труда. Занимались удмурты и изготовлением веревок, которые вили вручную и с помощью самодельного приспособления — «машины». С развитием земледелия возник мукомольный промысел. Строили водяные мельницы двух типов. Более древними являлись мельницы — мутовки, для которых не требовалось больших запруд; они вращались с течением реки. Но уже в XVIII веке стали строить мельницы с запрудой и наливным колесом, требующие для строительства больших затрат. Такие мельницы могли иметь лишь состоятельные семьи. Владельцы мельниц обслуживали жителей округи и брали за помол мукой или деньгами. Удмуртские женщины занимались преимущественно прядением и ткачеством. Образцы тканей свидетельствуют о том, что среди них было много искусных мастериц, владевших разнообразными, очень сложными приемами тканья. При этом использовались станки двух типов: на юге распространялся простейший трех подставной стан без навоя и рамы, северные удмурты пользовались усовершенствованным станом русского типа. Ткани для нужд семьи полностью изготовлялись в домашних условиях. В первой половине XVIII в. часть ткани начала поступать на рынок. В удмуртскую среду, прежде всего в зажиточные семьи для шитья праздничной одежды, постепенно внедрялись фабричные ткани. В 1913 г. на территории Удмуртии работало около 50-ти мелких полукустарных промышленных предприятий. Вместе с тем здесь сложилось сравнительно развитая металлургическая и металлообрабатывающая промышленность. И хотя удмурты из ближайших деревень с 1807 г. состояли «непременными работниками» при заводах — на квалифицированную заводскую работу царская администрация их не принимала, что препятствовало образованию рабочего класса из удмуртов. Среди кадровых рабочих удмуртов было очень мало, основная масса оставалась крестьянской.

Заключение

В финно-угорский народ входили коми-зыряне, коми-пермяки, марийцы, удмурты. Финно-угры в большей степени занимались земледелием, но у жителей северной таёжной зоны оно уступало охоте и рыболовству. Основу хозяйственно культуры финно-угров составляло максимальное приспособление к природной среде. Их жизнь постепенно была связана с лесом. Люди стремились гармонично вписываться в растительный и животный мир природы, получать в них средства для существования, добывать информацию об окружающей среде. Важное место занимало разведение домашних животных. Большое количество скота держали там, где имелись хорошие пастбища. Глубокие исторические корни имеют лесные и домашние промыслы, вязанные с обработкой природного материала — дерева, глины, руды, растительных волокон, шерсти, меха, кожи. Эти виды занятий являлись неременной принадлежностью натурального хозяйства. Земледелие у народов коми имело давние традиции. Очаги земледелия сложились в бассейне Иньвы, но даже на севере, по рекам Камы, Косе занимались земледелием с XIV в. На протяжении длительного времени коми применяли три системы земледелия: трехполье, перелог и подсеку. Часто практиковалось одновременное использование всех названных систем. У марийцев, наряду с трехпольной системой земледелия, вплоть до конца XIX в. сохранились её архаичные предшественники — подсечно-огневая и переложная. Причем, подсека существовала как способ расчистки земли под пашню. Хозяйство удмуртов можно охарактеризовать как неспециализированное, смешенное, однако преобладающую роль в нем играло земледелие. Системы земледелия: подсека, перелог с трехпольем.

Но не меньшую роль играло у финно-угров скотоводство. Крестьянское хозяйство не могло развиваться без лошадей и крупного рогатого скота. Охота и рыболовство до финно-угров было развито с глубокой древности. Рыболовство было очень хорошо развито у удмуртов и марийцев. Также у марийцев удмуртов было развито пчеловодство. Оленеводством занимались только ижемцы северной группы коми-зырян, расселенные по берегам рек Ижмы, Печоры и Усы с притоками.

Финно-угры в основном в промыслах занимались резьбой по дереву. Это играло важную роль в быту народа. Из него изготавливали домашнюю утварь

«Традиционная марийская культура и влияние на нее русской культурной традиции»

Введение

Марийцы принадлежат к финно-угорской языковой общности. Численность народа, по данным 1989г. — 670868 чел. Самосознание народа пошло от слов «мари, марнй», что означает «муж, мужчина». Древнерусское название марийцев — черемисы. Более 48% марийцев живут в Республике Марий Эл. Большая часть проживает в Башкортостане, а также в Татарстане, Удмуртии, Нижегородской, Кировской, Свердловской, Пермской областях.

В VI в. в Марийском Поволжье появляются племена, оставившие Младший Ахмыловский могильник VI–VII вв. Часть их расселяется по р. Ветлуге: некрополь на Чёртовом городище. В культуре этого населения уже прослежены этнографические признаки марийского этноса, получившие преемственное развитие на последующих этапах. В дальнейшем происходит продвижение древнемарийских племен на север и восток к рекам Пижме и Вятке.

В IX–XI вв. закладываются различия между этнографическими группами марийского этноса. Памятники, расположенные в волжском бассейне, можно связать с горными мари, а ветлужские — с луговыми.

Религия

Большинство марийцев язычники. Свое язычество они называют — марла вера, т. е. «марийская вера». Суть марла веры: уважение природы, человека и их покровителей. Главный Бог уральских мари — Ош Поро Кугу Юмо «Белый Добрый Большой Бог». Ему молятся, приносятся жертвы, через него общаются с другими богами. Марийцы, как и другие народы Поволжья, поклонялись духам ке-ремет. Они считались покровителями рода и родственной группы. По названиям этих духов можно заключить, что в культуре духов ке-

ремет нашли отражение отголоски почитание деревьев, птиц и животных, рек, ключей, камней, возвышенных мест, духов «водыж» и др. Кереметам молились в специально отведенных рощах. Каждая деревня имела своего духа-покровителя. В жертву приносили домашних животных. Моление носило умиловительный характер. Принося в жертву домашнюю птицу, барана, коня, люди хотели насытить духа пищей и тем самым освободить от него больного, избавиться от вмешательства духа.

Среди почитаемых семейно-родовых покровителей выделяются духи жилища, хлева, бани, овина, клетки, ворот, усадьбы, всего двора. Они чаще всего воспринимались как доброжелательные духи. Различались и злые в отношении людей силы, обитающие в подполье, бане, заброшенном доме, а также на местах гибели человека, самоубийства. В каждой деревне выделялись образы своих сверхъестественных сил. В верованиях марийцев выделялись также зловредные силы: водяные, лешие, духи болезней, упыри, домашние животные /проглатывающие» солнце и луну.

Хранителями и распространителями знаний об окружающих человека таинственных духах и демонах, способах их умиловления выступали заклинатели, колдуны, ворожцы и др.

Важное место в культовой практике народа занимало почитание душ умерших. По языческим представлениям, человек продолжал свое обычное существование в ином мире, поэтому смерть не воспринималась трагически. Умершего провожали на кладбище на лошадях, с песнями и музыкой. На него надевали праздничную одежду и снабжали всем необходимым: посудой, рабочими инструментом, пряжей, деньгами. «На дорогу» приносили еду — лепешки и яйца. Гроб воспринимался как дом, в нем делали маленькое застекленное окошко. Девушке клали женский головной убор на случай, если выйдет замуж. Считалось, что сорок дней умерший питается дома, за общим столом, для него ставили пищу. В дни поминок ехали на кладбище, чтобы пригласить умершего помыться в бане и разделить с ним общую трапезу. Верили, что он присутствует за столом и веселится со всеми. По старым обычаям, кто-нибудь из присутствующих мог взять на себя роль умершего. Одевшись в его одежду, он вместе со всеми угощался, пел и плясал. На следующий день «гостя» провожали на кладбище.

Отношение к умершим, как к защитникам и покровителям, понижает и старинный праздник шорыкйол (дословно «Овечья нога»). В этот день у вырубленной проруби на реке собиралось всё население. По поверьям, из реки выходили «предки». Вместе с ними

присутствующие шли в деревню, где их ждало угощение. Под звуки пузыря и барабана веселились, разыгрывали сцены с ряженьем.

Накануне праздника девушки собирали по домам солод и дрова и варили девичье пиво (удыр пура).

Родовое единство поддерживалось также почитанием общих духов-предков (керемет) в священной роще. День выхода на моление назначался советом старейшин (кугурак).

Большие праздники у марийцев связаны с сельскохозяйственным циклом работ. Самым массовым, наиболее значимым был весенний праздник Ага-Папрем «Праздник плута».

Первоначально он праздновался перед пахотой. Под влиянием обычаев соседних народов его сроки передвинулись к лету и были приурочены к концу сева. Он призван был обеспечить хороший урожай. Собравшись в священном месте, обращались к Богу с просьбой дать урожай, благоприятствовать в приплоде скота, в разведении пчёл. Моление заканчивалось совместными играми и трапезой.

Традиционное хозяйство

Первоначальное знакомство населения марийского края с земледелием относится к концу III - началу II тысячелетия до н. э. И вплоть до начала II тысячелетия н. э. оно находилось на доплужной стадии развития. Местное население занималось обработкой пойменных земельных участков, используя для этого простейшие орудия труда типа палки-«копалки» с костяным и металлическим наконечником и мотыги.

К IX–XI вв. марийцы переходят к пашенному земледелию. Среди возделываемых культур были пшеница, ячмень, полба, просо. Паровое трехполье с унавоженными парами у марийских крестьян утвердилось в XVIII в. Наряду с трёхпольной системой земледелия сохранились её архаичные предшественники — подсечно-огневая и переложная. Основным удобрением служил навоз. Как правило, удобряли близкие к селениям полосы, отведенные под пар, а также конопляники.

В XIX — начале XX в. на полях марийских крестьян применялись различные виды пахотных орудий: сохи, косули, плуги. Размол зерна производился на ручных водяных и ветряных мельницах. Огородничество и садоводство марийских крестьян носили главным образом потребительский характер. В традиционный набор огородных культур входили: лук, капуста, морковь, огурцы, редька, тыква, репа, брюква, свекла.

Древнее население марийского края разводило лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, свиней. В XIX в. и в последующее время в

домашнем хозяйстве содержали лошадей, коров, овец, коз, свиней, кур, гусей, уток. Изредка у зажиточных хозяев имелись индейки. Значительную роль в хозяйстве марийцев играла овца. Её шерсть использовали для изготовления одежды и обуви, шкура шла на шубы и полушубки, мясо — в пищу. Овцу — приносили в жертву.

Пчеловодство являлось одним из древнейших хозяйственных занятий мари. Оно было хорошо распространено среди населения в форме бортничества. Добывание мёда диких пчел, живущих в дуплах бортных деревьев, сохранилось вплоть до начала XX в. Помимо поиска естественных деревьев пчеловоды делали искусственные борти. Продукты пчеловодства — мёд и воск — считались одними из самых почитаемых и необходимых при отправлении бытовой и религиозной обрядности (медовые напитки, восковые свечи). Полагали, что мёд как чистый продукт питания исцелял от различных болезней. Марийская пословица гласит: «У того, кто держит пчёл, никогда не ноют кости». Просьба о благополучии пчёл, о достатке и приумножении пчёл и их продукции занимает одно из главных мест в языческих молитвах марийцев.

Многие иностранные авторы XVI–XVIII вв. называли марийцев в числе искусных в охоте народов. Наиболее популярными и широко распространёнными объектами промысловой охоты марийцев из зверей были зайцы, белки, лисицы, волки, медведи, лоси, олени, бобы, а из птиц — рябчики, куропатки, тетерева, дикие утки.

По рассказам информаторов, для ловли зайцев, лисиц и других мелких животных использовали сети — тенета длиной 30–40 метров, шириной до 2 метров. К расставленным тенетам криком и шумом гнали зверей, где они запутывались или попадали под выстрелы охотников.

Добытое марийцами при охоте мясо нехищных зверей употреблялось в пищу, а шкурки, выделанные охотниками, сбывались на местных рынках или приезжим скупщикам. Марийцы не охотились на таких птиц, как лебедь, дикий гусь, журавль, и не употребляли в пищу их мясо, считая это грехом. В настоящее время охотничий промысел остаётся одним из традиционно любимых занятий мари.

Поселения

У марийцев издавна проживающих в лесной полосе Восточной Европы на территории с густой речной сетью, сложился приречно-овражный тип расселения. Древние места их обитания располагались по берегам крупных рек — Волги, Ветлуги. Вятки. Вплоть до XIX в. в планировке марийских поселений господствовали традиционные ку-

чевые, беспорядочные формы, унаследовавшие ранние формы расселения семейно-патронимическими группами. Беспорядочность в расположении дворов и усадеб в раннюю эпоху диктовалась и определенной практической необходимостью. Марийцы осторожно и требовательно относились к выбору места для поселения и жилья. С помощью примет и испытательных методов они определяли микроклимат и особенности местности, её пригодность для заселения. Деревня (сола) — наиболее распространённый тип поселения марийцев.

В большинстве дореволюционных марийских селений отсутствовали общественные постройки. Единственным часто встречавшимся объектам была сторожка или пожарный сарай. В отдельных селениях имелись церкви или другие административные здания и постройки.

Пища

Основу традиционной марийской пищи издавна составляла продукция земледелия и животноводства. Продукты земледелия: мука и крупа являлись важнейшими компонентами для приготовления пищи. Хлеб считался главным продуктом повседневного питания, непочтатый каравай хлеба — важнейший атрибут празднично — обрядового стола. Празднично — обрядовыми лакомствами считались пресные печёные булочки, блины, оладьи, пироги. Повседневные пироги пеклись с начинкой из овощей с крупой, праздничные — с добавлением мяса, птицы, для семейных и общественных молений — из мяса, птицы, для похоронно-поминальных обрядов — из рыбы. Нередко пекли пироги с начинкой из ягод, грибов, дичи и других даров леса. К числу традиционных повседневных блюд относились каши — густые из крупы, жидкие из муки. В будни кашу варили на воде или молоке, во время праздников и при исполнении обрядов — в мясном бульоне, с добавлением кусочков мяса и жира. Ритуальную кашу варили во время языческих молений, в случаи засухи, на праздник нового урожая. Наиболее предпочтительными считались овсяная, пшённая, пшеничная, полбенная, гречневая, а также картофельная с добавлением муки. Одним из традиционных блюд марийцев было толокно, которое варили из смолотого солода. Суп — ежедневное блюдо, которое варили в котле обычно на обед. Традиционным считается суп с клецками из пресного и кислого теста. Супы различались по основному компоненту. Выделялись мясной, рыбный, овощной, из семян — конопля, гороховый, грибной и другие супы.

Одно из традиционных блюд мари — сокта, шокта. Это своеобразный вид колбасы с оболочкой из кишок, начинённый крупой. Лакомились при забое скота, а также запасались на зиму. Важное место в

питании марийцев занимала продукция животноводства: мясо, молоко и продукты его переработки — творог, масло. Традиционно любимой пищей марийцев была рыба, употреблявшаяся в варёном, солёном, сушёном и вяленом виде. Дикорастущие травы, ягоды и плоды употреблялись в пищу свежими и варёными. Мёд марийцы считали одним из самых чистых продуктов питания и относились к нему с особой почтительностью.

Традиционный костюм

Традиционный марийский костюм как мужской, так и женский состоял из рубахи, кафтана, штанов, пояса с подвесками, головного убора, кожаной обуви или лыковых лаптей с шерстяными и холщовыми онучами. Традиционный костюм производился преимущественно домашними способами. Одежда и обувь марийцев изготавливалась из холста, чаще из конопляного, реже — льняного, домашнего сукна и полусукна, выделанных шкур животных, шерсти, лыка и т. д. Нательным бельём и верхним платьем служила белая рубаха тувыр. Она богато украшалась вышивкой на груди, отделялась полосками красной ткани на спине, вороте, подоле (оберег). Важной составной частью женского костюма является передник — ончалосакме. Его шили из белого холста, без нагрудника, подол украшали вышивкой. Рубаху всегда носили подпоясанной. Широкий пояс (ушто) — ткали на станке, а узкий — на бердечке, при помощи квадратных дощечек. Неотъемлемой частью женского костюма было шейно-нагрудное украшение (яга) из монет и бисера. Замужние женщины носили остроконечный головной убор — шнашобычо. Острый верх головного убора нависал над лбом, а полотенчатый низ спускался по спине. Его наружную сторону покрывали вышитые узоры. Сюда же пришивались монеты, раковины каури, бисер. Распространёнными украшениями женщин были ушные подвески с монетами и гусиным пухом — корж, браслеты и кольца. Грудной разрез рубахи скрепляли медной застёжкой — ширама. Девушки носили такую — высокую шапочку, украшенную монетами и раковинами каури.

Мужская одежда состояла из штанов и рубахи с поясом, валяных шляп, лаптей. Из традиционной одежды мужчины долго носили рубахи из узорного клетчатого холста. Рубахи шили длинными, грудной разрез украшали вышивкой, спину — красными лентами.

Кафтан — важная часть традиционного мужского костюма. Кафтаны подразделяются на летние, демисезонные и зимние. Борта праздничных кафтанов украшались кушаком, тесьмой и вышивкой.

Пояс являлся незаменимой деталью в общем комплекте мужской одежды и выполнял не только утилитарную функцию — к нему подвешивали ножны, кожаные мешочки для табака, огнива и трута, кошелёк для денег и другое, но он также снабжался и различными привесками, игравшими роль оберегов. Популярными были кожаные пояса. Свадебные и праздничные мужские пояса украшались бисером и вышивкой.

Влияние русских на культуру марийцев

Интенсивные связи с русскими оказали значительное влияние на материальную культуру марийцев. Распространились новые полевые, огородные и садовые культуры, срубные овины, духовая печь и связанные с ней способы приготовления пищи, северно-великорусский тип планировки жилищ, связанное расположение дворовых построек и другое.

Ранние связи с русскими нашли отражение в культурно-бытовом развитии. По отзывам наблюдателей XIX в., большинство марийцев знало русский язык. Вот что об этом пишет И. Бердников: «Черемисы говорят своим природным языком, а всегдашнее обращение с русскими научило их говорить и языком крестьянским. Предпочтение, отдаваемое русскому языку, отметил И. Архангельский: «Все черемисы хорошо говорят по-русски. Татары стараются избежать русской грамоты, а черемисы ищут с русскими сближение».

Марийская письменность основана на русской графике. Марийский литературный язык обогатил за счёт русского языка не только собственный словарный состав, но и состав фонем, успешно развивал свой синтаксис. Под влиянием русского языка в марийском литературном языке получили широкое распространение сложные предложения, увеличилось количество союзов.

Обогащению агрокультурной практики марийцев способствовало развитие взаимосвязей с русскими крестьянами. В XI в. марийцы переходят от доплужного земледелия к пашенному. Начинают возделывать пшеницу, ячмень, полбу.

В XIX в. под влиянием русских у марийцев господствовала трехпольная система земледелия, при которой вся пахотная земля делилась на три части (три поля). Первое поле предназначалось под озимые культуры, второе засевалось яровыми культурами, а третье под пар, то есть вообще не засевалось и чаще всего использовалось для выгона скота. На следующий год паровое поле вскапывалось под озимь, озимое засевалось яровыми культурами, а яровое оставалось паровым. В течение трех лет происходила смена всех полей.

Наиболее распространенным пахотным орудием у марийцев была соха русского типа. Основная часть сохи (рассоха) представляет собой деревянную вогнутую лопасть с двумя выступами в нижней части.

Под влиянием русских соседей на рубеже XVIII–XIX вв. В марийском жилище начали происходить существенные изменения. Избы стали строиться с сенями и клеюями по типу русской трех камерной связи. Усадьбы марийцев представляли собой чаще всего двухрядную связь с крытыми двором, а усадьбы красноуфимских — г-образную и, позднее, покоеобразную. По мере контактов с русскими видоизменялся интерьер жилища. Вначале XIX в. марийская изба имела по два «колодных» окна на передней и боковой стенах. Для проветривания жилища на кухне в стене под потолком прорубалось небольшое окно с задвижным деревянным ставнем. Нары заменялись лавками. Русские печи с трубами встраивались в угол при входе и обращались устьем-шестком к передней стене. У печи со стороны входа находилась западня и полка-голубец.

Сылвенские марийцы чаще, красноуфимских устраивали палата. Передний угол, расположенный по диагонали от печи, занимал обеденный стол. Внутренняя обстановка марийской избы в середине XIX в. приобрела севернорусский облик. От старого варианта долго сохранились только две детали — окно на кухне в стене под потолком и котёл, «вмазанный» возле устья печи.

При всей устойчивости традиционных черт в одежде марийцев всё же проявилось влияние одежды русских крестьян. Наиболее подвергся влиянию повседневный костюм мужчин, которые больше общались с русскими. От русских вошли в обиход штаны с широким шагом, рубахи-косоворотки, шубы с отрезной талией, тёмные кафтаны без отделки, сапоги, летом — шляпы, зимой — шапки. Под влиянием русских в первой половине XIX в. начали использовать вместо белого холста домотканую пестрядь, а в середине XIX в. — фабричные ткани. Женская белая холщовая рубаха заменялась на пестрядинную, хотя покрой и вышивка оставались вначале прежними. Позднее вышивку по вороту, рукавам и подолу заменяли тканями узорами или лентами, а иногда — бисером, пуговицами и монетами. В середине XIX в. наблюдалась тенденция к возникновению нового типа женской рубахи, подол же её стал широким за счёт соединения нескольких полос пестряди и клиньев между ними, а также пришитых прямых или косых оборок из фабричных тканей. Под влиянием русских претерпела изменения такая древняя часть женского костюма, как передник. Марийцы называют его «ончалосак-

ме». В старину передник шили из белого холста, без нагрудника, подол украшали вышивкой. Потребность в переднике с нагрудником появилась с тех пор, как у рубах стали исчезать нагрудные вышивки. По мере их утраты марийцы начали шить передники с нагрудником, за которым. Менялся материал передников и способы их ношения. Вместо белого холста использовали пестрядь, а затем — фабричные ткани. Молодые женщины и девушки пришивали по подолу передника вышитые или тканые полосы, пышные оборки, края обшивали лентами и украшали блёстками, позументом, пуговицами.

Следствием упрочнения связей между марийцами и русскими явилось более широкое распространение кожаной обуви. Н. С. Попов писал о том, что марийцы любили носить «русские с красными опушками коты». Кожаные коты, башмаки и сапоги заводили более состоятельные марийцы. Общеупотребительными у марийцев были лапти с прямыми «носками». Кроме обычных валенок носили узорные.

Русское проникновение за Урал привело к попыткам крестить марийцев: строительство монастырей на землях, заселёнными мари, крещение за различные льготы и т. д. Первыми приняли христианство девять семей из д. Васькино Красноуфимского уезда в 1912–1914 гг. Но некоторые элементы христианской обрядности были заимствованы у русских намного раньше.

Исследователь быта марийцев И. Архангельский в 1887 году писал: «Соприкасаясь с русскими, они желают соблюдать православные праздники: Пасху, Ильин день, день святителя Николая». В наше время марийцы отмечают Куече-пайрем (Пасху) и Семик (Троицу). В советские времена были гонения на язычество марийцев. Сейчас марийцы восстанавливают свою культуру и религию. Но в основном марийцы сочетают язычество с элементами христианской веры.

Заключение:

Удалось выявить этнографические группы народа (красноуфимские и сылвенские) и показать влияние русских на культуру мари. Это влияние коснулось, как материальной, так и духовной культуры. Русские пытались христианизировать марийцев и во многом им это удалось. Третья часть марийцев христиане и большинство сочетают язычество с элементами христианской веры.

Марийский язык основан на русской графике. Государственным языком марийцев является русский.

К XIX в. внутренняя обстановка марийской избы приобрела севернорусский облик.

Под влиянием русских соседей также изменялся национальный костюм. Изменялся материал костюма (вместо белого холста используют домотканую пестрядь) и способы его ношения. Появляются новые виды рубах, передников и кафтанов.

В процессе совместного заселения и освоения Урала происходили контакты русского населения с нерусскими народностями, которые вели к взаимному обогащению их культур и языков.

«Мифологические представления в духовной культуре Мордвы»

I Введение

Одним из древнейших угро-финских народов, исконно проживающих на территории России, является Мордва. В древнерусских летописях этноним мордва появляется с XI века. В своей основе он восходит к ирано-скифским языкам: иранское *mard* — мужчина, или, к финно-угорскому: *mort* — человек, мужчина (сравните — самоназвания удмуртов и коми: *ук-морт*, *коми-морт*). С добавлением гидронима *ва* — вода в качестве окончания получается мард-ва или морт-ва, что означает «люди, обитающие у воды». Однако мордовский народ сам себя никогда не называет мордвой. Это название дано ему соседними народами. Сама мордва называет себя только — мокшей или эрзей.

Этноним мокша связан с индоевропейским гидронимом Мокша (в санскрите проливание, утеkanie). Этноним эрзя восходит в своей основе к иранской лексике, иранское — *arsap* означает мужчина, герой.

Численность отдельно мокши и эрзи точно не определена, считается, что их примерно одинаковое число. Более мелкими компонентами мордовского этноса являются каратаи и шокша.

Каратаи, живущие в трех деревнях (Мордовские Каратаи, Заовражные Каратаи и Шершалан) Камско-Устьинского района Татарстана, считают себя мордвой. Они не помнят мокшей или эрзей были их предки. Соседнее татарское население называют их мукшилар, то есть мокша. Поэтому многие исследователи считают их мокшанской группой, которая была переселена во время монгольского господства со своей этнической территории. В результате длительного проживания среди татар они восприняли их язык, некоторые черты культуры и быта. По исповеданию они с XVIII века являются православными.

Мордва-шокша, являющаяся группой эрзянского населения, проживающая в окружении мокшан, составляет около 10 тысяч чело-

век. Находясь длительное время в близком соседстве с мокшей, указанная группа подверглась значительному влиянию в языке, элементах быта и культуры, в частности в одежде. Но влияние не оказалось настолько глубоким, чтобы привести к утрате эрзянского самосознания.

Мордовские народы на протяжении сотен лет совместного сосуществования со славянами и тюрками (хазары и болгары), а так же чувашами, создали уникальную культуру, отличную от культур родственных угро-финских народов, в основе которой лежит мифологические мировоззрения, унаследованные ещё от прямых предков — мещеро-муромского этноса финно-угорских народов.

Я попытаюсь рассмотреть мифологические представления об окружающем мире у Мордовских народов, и проследить каким образом мифология влияет на духовную культуру мордовского этноса.

II Ранняя история Мордвы как члена Финно-угорского мира

Финно-угорский мир включает в себя народы, объединенные принадлежностью к одной языковой группе. К ним относятся: венгры, воль, вепсы, ингерманландцы, ижорцы, карелы, коми, коми-пермяки, ливы, марийцы, манси, мордва, саамы, удмурты, финны, ханты, эстонцы, которые вместе с юкагиро-самодийскими народами образуют более обширную Уральскую семью.

Ранняя история племен уральской языковой общности, включавшей предков финно-угров, прослеживается с эпохи мезолита — среднекаменного века (7-12 тысяч лет назад). Уже к концу этой эпохи древние финно-угры расселились на территории от Зауралья до Восточной Прибалтики. В период неолита — новокаменного века (5-7 тысяч лет назад) финно-угры в Среднем Поволжье и Прикамье были представлены племенами волго-камской культуры. В конце III — первой половине II тысячелетия до н. э. в Верхнем и Среднем Поволжье проживали финно-угорские племена волосовской культуры. Во II тысячелетии до н. э. на этногенетические процессы в этом регионе оказали воздействие индоевропейские племена. Следы их влияния на местное население сохранились до настоящего времени как в языке, так и в антропологическом составе финно-угорских народов, в том числе и мордвы.

Основополагающее участие в формировании древней мордвы приняли племена городецкой культуры, проживавшие с VIII века до н. э. по начало нашей эры в западной части Среднего Поволжья и переднем Поочье (предки мещеры и муромы). Древнемордовские племена до IV века н. э. занимали обширную территорию Цнинско-Ок-

ско-Сурского междуречья. Часть рязано-окских племен продвигается в Нижнее Примокшанье, где приняли участие в сложении древней мокши. Другая их группа устремляется в бассейн Нижней Оки, где участвует в формировании мурома (Мурома — финно-угорское племя, жившее в Окско-Сурском междуречье, к началу II тысячелетия н. э. было ассимилировано русскими. Часть мурома переселившись в Примокшанье приняла участие в сложении древней мокши). Эти процессы были вызваны также и тем, что у этих племен начинается развиваться пашенное земледелие, которому требуются новые земли. Тяготение мордовского населения к рекам объясняется тем, что речные долины были удобны для распашки, близость воды облегчала занятия земледелием и животноводством. Часто сами селения назывались по рекам.

Основным занятием мордвы издавеле было земледелие. Основной формой крестьянского землевладения было общинное. Кроме полеводства мордва издавна занималась огородничеством. Особенно важное место в хозяйстве мордвы занимало животноводство и птицеводство. Древнейшим занятием мордвы было пчеловодство. В древности мордва широко занималась бортничеством, то есть сбором меда и воска у диких пчел. Исконными занятиями мордвы являлись охота и рыболовство. Широко распространены у мордвы различные ремесла и промыслы. В основном они были связаны с обработкой дерева, шерсти, растительного волокна. Широко распространен среди мордвы ткацкий промысел. Значительное развитие получила выделка овчин, валяние сукон, обуви.

В VII веке под давлением хазар и болгар (Болгары — тюркские племена пришедшие в VIII-IX веках из Приазовья в Поволжье и основавшие здесь свое государство Волжскую Болгарию) основная масса южномордовских племен (в основном — мещера и мурома) покидает бассейн Верхней Суры и переселяется на запад и северо-запад. Оставшиеся племена мещеры попадают под влияние Хазарского каганата, а разрозненные муромские племена были ассимилированы славянами. Между мокшанскими и эрзянскими племенами происходили тесные интеграционные процессы. В междуречье Мокши, Теши и Пьяны происходит смешение мокши и эрзи. Но их дальнейшая консолидация и образование единой, народности было остановлено монгольским нашествием XIII века.

Влияние соседних народов на культуру мордвы особенно проявляется в языковой среде. В мордовских языках прослеживаются различные заимствования из других языков, относящиеся к разным историческим эпохам.

Самыми древними являются слова иранского происхождения, например: **азор** — хозяин, **киши** — железо и пр. Имеются слова литовского происхождения: **кардаз** — двор, **пеель** — нож и т. д.

Довольно значительное место в мордовских языках занимают заимствования из тюркских языков: болгарского (**синдемс** — сломать, **сере** — медь), чувашского (**ака** — старшая сестра, **ила** — обряд). Но первое место из тюркских заимствований в мокшанском и эрзянском языках занимают татарские слова. Причем больше их в мокшанском языке, видимо потому, что мокшане чаще соприкасались с татарами. Одни татарские слова можно найти в обоих мордовских языках: **айгор** — жеребец, **сокор** — слепой и т. д. Другие слова обнаруживаются только в мокшанском языке: **такор** — гладкий, **шра** — стол и др. И наоборот, некоторые татарские заимствования обнаруживаются лишь в эрзянском языке: **уця** — хребет, **берянь** — плохой и т. д. Значительное место в мордовских языках занимают слова перешедшие из русского языка. Современная мордовская письменность создана на базе русского алфавита.

Таким образом на протяжении всей истории мордвы на неё оказывалось непрерывное, активное влияние культур всех соседних народов, происходило проникновение в её языковую культуру заимствований из родственных и других языков и все эти факторы отражались на развитии мифологии и обрядности мордовских народов.

III Мифология мордвы

1. Ранние формы религиозных воззрений

Вплоть до начала XX века среди мордвы были широко распространены ранние формы религиозных воззрений, которые включали культ предков (Культ предков — почитание умерших сородичей, появляется в период распада первобытных отношений и связан с патриархальной структурой общества) и веру в божеств олицетворяющих различные природные явления. Эти божества представлялись как в человеческом, так и в зверином облике, а также в виде растений или полулюдей-полузверей, что являлось отголоском более древних тотемических (Тотемизм — форма первобытной религии, вера человека в родственную связь с представителями животного и растительного мира, иногда с неодушевленной природой) и анимистических (Анимизм (от лат. *Anima* — душа) — одушевление, наделение душой всех вещей, сил и явлений природы) представлений. Значительное место в верованиях древне мордовских племен занимал звериный культ медведя, россомахи, лося и др. Имелась у мордвы и

система мифологических представлений о строении мира. Отдельные отголоски этих верований, в основном представления об отдельных божествах, сохранились и переросли в особенный пантеон языческих богов и сохранились в некоторых магических обрядах.

2. Пантеон богов и мифологическая картина мира мордвы

Дохристианская религия мордвы была политеистической. Пантеон мордовских богов весьма обширен: по существу, нельзя назвать ни одной сферы природы, которая я не обожествлялась бы мордвой. То же самое можно сказать и о поселениях, жилищах, хозяйственных сооружениях, пасаках, колодцах — все они, как правило, по представлениям мордвы, имели своих духов-покровителей. По этой причине подсчитать точное количество мордовских божеств едва ли возможно. Иногда говорят, что их было 77.

Верховным мордовским божеством и создателем мира был Шкай или Шкабаваз (от мокшанского ши — день, солнце; шка — время; баваз — бог) — бог солнца, времени, верховный бог мокши, у эрзя Чи паз или Вере паз (от эрзянского чи — солнце, день; вере — верхний, верховный; паз — бог) — бог, солнца, времени, верховный бог эрзян, а позднее его сын Нишке паз — бог-покровитель различных занятий, в том числе пчеловодства у эрзи. Постепенно он стал верховным богом, заменив своего отца Чи паза.

Синонимами имени верховного бога служат: Вярде Шкай, Оио Шкай, Оч, ю Шкайбас, Шкабавас. При этом теонимы мордвы во многом совпадают с теонимами марийскими.

Свои божества были и у природных стихий:

покровитель дождя и грома Атям или Пургине паз (атям — мокшанское гром; пургине — эрзянское гром, паз — бог),

огня — Тол ава (тол и., э. — огонь; ава м., э. — женщина, мать),

ветра Варма ава (варма м., э. — ветер; ава м., э. — женщина, мать).

У определенных сил природы:

Мод ава или Мاستор ава (мода м., э. — земля; мاستор м., э. — земля, край; ава м., э. — женщина, мать) — божество земли, края и подземного мира,

Вирь ава (вирь м., э. — лес; ава м., э. — женщина, мать) — божество леса,

Ведь ава (ведь м., э. — вода; ава м., э. — женщина, мать) — божество воды и покровительница деторождения и т. д.

Вель ава (вель м., э. — село; ава м., э. — женщина, мать) — покровительница конкретного населенного пункта, жилых и хозяйственных построек,

Куд ава (куд м., кудо э. — дом; ава м., э. — женщина, мать) — божество дома и семьи,

Юрт ава (юр м., э. — основа, двор, место; ава м., э. — женщина, мать) — божество рода, домашнего хозяйства со всеми надворными постройками,

Кардаз ава (кардаз м., э. — двор, хлев; ава м., э. — женщина, мать) — божество, покровительница хлева и скота и т. п.

Спецификой мордовских верований является преобладание женских божеств. Такое положение объясняется тем, что эти верования возникли в эпоху материнского родового строя, для которого была характерна ведущая роль женщины в хозяйственной и общественной жизни.

Каждый лесной массив мог иметь свою покровительницу, или Вирь-аву. Предполагалось, что это высокая женщина, тонкая, обнаженная, с длинными черными плохо причесанными волосами. Она громко смеется, ходит по лесу — все видит, а человеку не показывается. Она добрая, если ее не рассердишь. Может дорогу показать, а может, наоборот, запутать. Нога у нее одна, но ходит она — не хромает. Может зашекотать до смерти. Ростом она с дерева, волосы — ниже пояса. Голос у нее человеческий. Никто не знает, где жиггт Вирь-ава. Она точно Баба-яга (перевод с коми: лесная женщина, баба). Но это не одно и то же, Баба-Яга -враг, а Вирь-ава — друг, спаситель. Если человек в лесу заболел, он ходит молиться Вирь-аве на то место, где заболел. Несет ей приношение — просо, хлеб, соль. В лесу человек упадет — молится Вирь-аве, в воде -Ведь-аве, посредине улицы — Мода-аве.

Вирь-атя тоже живет в лесу, к нему за помощью мужчины обращаются. Женщины просят, чтобы Вирь-ава показала, где больше грибов, ягод; Вирь-аву и Вирь-атию просят помочь, если ребенок потеряется. От Вирь-авы можно отбиться, сбежать — пятась, повернувшись лицом в ту сторону, откуда она появилась или раздался ее смех.

Мастор-ава, Мода-ава — держательница земли, ее покровительница. Она может и болезнь наслать на человека, и исцелить его.

Норов-ава, Пакся-ава — божество поля, у нее просят помощи при полевых работах; у каждого села — своя Пакся-ава (Норов-ава — более древнее выражение). Живет она на меже. Ее боялись, старались умиловить: оставляли несжатую полоску, или сакалт, сакалт от сикало — борода. Во время цветения ржи она в полночь давала знать о хорошем или плохом будущем урожае: свистом или воплем. В это время нельзя было ее сердить, все сидели по домам с закрытыми окнами, чтобы не производить лишнего шума.

Ведь-ава — божество воды, покровительница, держательница всех речек, родников и т. д. Причем, у каждого водоема была своя Ведь-ава. Предстает человеку в виде здоровой (большой) голой женщины с длинными распущенными волосами белого цвета. Когда обращаются к божеству вод, говорят: Шелковолосая Ведь-ава, серебрябородый Ведь-атя.

Варма-ава — считается покровительницей, держательницей ветра У мордвы каждая порода деревьев имела своего духа-покровителя:

Березы — келу-озаис; дубы — тумо-озаис; сосны — пиче-озаис; липы — пекше-озаис. «Чистыми» считались яблоня, рябина. Грехом было топить ими печь. Осина, ель считались «нечистыми» деревьями.

Мордовские моления обычно проводились под дубом, липой, березой, вязом, сосной. Были рощи этих священных деревьев.

Мордва полагали, что их божества могли быть как добрыми, так и злыми. Чтобы привлечь к себе их благоволение им приносились жертвы. В связи с этим возникли различные религиозно-магические церемонии, обряды, семейные и общественные моления. По мере их усложнения постепенно выделились избранные люди, исполнявшие роль жрецов: возатя м., озатя э. (от ознома м., озномо э. — молиться; яг-я м., э. — мужчина, старик) «старейшины» — избранные люди, исполнявшие роли жрецов у мордвы.

Значительную роль отводила мордва и умершим предкам. Они считались покровителями своих сородичей. К ним обращались с молитвами во время различных бедствий: мора скота, болезней людей и т. п. До сих пор во многих мордовских селениях во время засухи старые люди ходят молиться на кладбище, прося предков посодействовать в этой беде. С ними «советовались» перед каждым важным делом: перед свадьбой, куплей или продажей дома, скота и т. п. Верили, что, разгневавшись, предки, могли наслать болезни, неурожай и другие несчастья. Поэтому им, как и божествам, приносили жертвы, устраивали в их честь специальные поминальные дни. Обрядность, основанная на мифологии и жертвоприношениях, стала отражением духовной культуры народа.

3. Обрядность — как отражение духовной культуры и мифологических воззрений мордвы. Влияние мифологии на жизнь и быт мордовского народа

Этническая специфика культуры мордвы наиболее рельефно выступает в области духовной сферы. В ней выявляются три компонента: общемордовский, комплекс самобытных черт присущих мокше и эрзе, инонациональные и городские заимствования.

Основной составной частью духовной культуры мордвы являются народные обряды, объединяющие элементы устно-поэтического творчества, драматического, декоративно-прикладного искусства. Они подразделяются на сезонные, связанные с традиционными занятиями (земледелием, скотоводством, пчеловодством и др.), семейные (родильные, свадебные, похоронные и поминальные), церковные. В обрядах мордвы постепенно произошло переплетение языческих и христианских элементов.

а) Свадебные обряды

Одним из важнейших событий жизни любого человека, его ближнего окружения является создание семьи. Свадебные обряды в основном были одинаковы у этнических и территориальных групп мордвы, хотя имеется ряд специфических обрядовых компонентов, их локальные варианты.

В научной литературе свадебный цикл принято делить на три этапа: предсвадебный, собственно свадьба и послесвадебный.

В предсвадебный этап входят обряды и церемонии, связанные со сватовством и приготовлениями к свадьбе. Сватовство у мордвы проходило в несколько этапов: окончательно просватанными молодые люди считались после третьего этапа сватовства — «чиямо», когда девушка переставала ходить на посиделки и начинала вместе с подругами готовить подарки родне жениха. Последним этапом сватовства было назначение дня свадьбы. После этого невеста утром и вечером причитала, прощаясь с родным домом и вольной девичьей жизнью.

Центральным этапом свадьбы были обрядовые действия в доме жениха и невесты. Они являлись актом общественного утверждения брака, союзом двух родов. Сюда же вклинивалось и церковное венчание. Проводились обряды прощания ее с девичеством: ритуальная баня, передача девичьей кисточки с косы, прощание с улицей и т. д. У жениха примерно в это же время пекли свадебные пироги, собирались поезжане. Много обрядов было связано с прибытием и приемом поезжан в доме родителей невесты, уходом ее в «урвалянь кудо» — дом одного из родственников, обычно по материнской линии, где она пыталась «скрыться» от поезжан, смотринами и одариванием невесты, различными выкупами. Общими для всех вариантов мордовской свадьбы являлась встреча молодых в доме жениха. Большое внимание уделялось вхождению молодой в новую семью: ее нарекали новым именем (например, Аш-ава — белая женщина, Маз-ава — красивая женщина), которым ее называли в семье

мужа; молодую представляли умершим предкам, покровителю двора, выводили к колодцу.

Послесвадебные обряды закрепляли вступление молодой женщины в род мужа, а также укрепляли отношения между родами мужа и жены. Закрепление связей между родами молодых происходило путем взаимных посещений родственников: первый визит зятя к тестю, визит молодой пары к родителям новобрачной за принадлежностями для прядения, приезд мужа и его родителей за молодой женой после ее длительного пребывания в доме своих родителей.

Разнообразными обрядами сопровождалось появление ребенка и его первые недели жизни. Основной их смысл заключался в стремлении обеспечить безопасность новорожденного и роженицы, приобщить нового члена семьи к правилам соответствующего бытового уклада. Обряды детского цикла совершались обычно близкими родственниками ребенка: матерью, бабушкой, крестными родителями, а в первые дни его появления на свет — повитухой. Большую роль в борьбе с нечистой силой отводилось огню, воде, железным предметам, а также некоторым растениям. После рождения ребенка проводились также различные моления и обрядовые действия, которые должны были обеспечить новорожденному долгую, счастливую жизнь: выбор ребенку имени, представление его членам родового коллектива, крещение. Отмечались и другие важные моменты в жизни детей: появление первого зуба, первые шаги ребенка, первая стрижка волос и т. д.

б) Похоронные и поминальные обряды

Для похоронных и поминальных обрядов мордвы характерно сочетание норм православия и дохристианских представлений о смерти и загробном существовании. Смерть представлялась переходом в иной мир, где люди трудились, заводили семью, веселились. Судьба умершего в загробном мире по представлениям мордвы зависела от выполнения над его телом необходимых обрядов. Покойным предкам приписывались способности влиять на жизнь живых. В похоронной обрядности прослеживается, с одной стороны, страх перед умершим, а с другой — стремление умиловить его, чтобы заручиться его помощью. Предохранительные обряды проводились с момента смерти человека и до возвращения похоронной процессии с кладбища: выносилось и выметалось из дома все, что было связано с погребением покойного, могилу обводили магическим кругом, пришедшие с кладбища люди мыли лицо и руки, перешагивали через железный пред-

мет или полено и т. п. Забота об умершем проявлялась в обеспечении его одеждой, бытовыми предметами и пищей.

Для мордвы до сих пор характерно широкое участие родственников и соседей в подготовке похорон и в самой похоронной церемонии. Самые близкие из них по очереди оплакивали умершего, а в ночное время вместе с местной монахиней пели псалмы и читали псалтырь.

Поминание усопших являлось отражением стремления живых удовлетворить нужды умерших в пище и снискать их расположение. Поминки совершаются после погребения, обычно на третий день, в 9-й, 20-й, 40-й дни после смерти, через полгода и в годовщину смерти. То есть теперь они проводятся в соответствии с православными нормами. Но еще в конце XIX века у мордвы сохранялся порядок поминовения через 7 дней, то есть на 7-ой, 49-й и т. д. дни после смерти. На поминки приходят родственники покойного, приносят с собой что-то съестное. До сих пор сохраняется обряд «приглашения» душ умерших сородичей. Долгое время на поминках выбирался так называемый «заместитель» поминаемого (м. вастозай, э. эземозай) из числа его родственников.

Помимо поминок, связанных со смертью одного человека, у мордвы отмечались и общеродовые поминки по всем умершим сородичам. Сейчас они приурочиваются к церковным праздникам и совершаются весной на Пасху, летом на Троицу и осенью. Существует представление, что души умерших присутствуют в доме во время праздников. Поэтому в те дни, когда не устраивали поминок на кладбище, покойников поминали дома. К ним обращались в важные моменты жизни: у них просили благословения на брак, им представляли молодую вступающую в новую семью, их молили о даровании детей, о ниспослании дождя во время засухи, об избавлении от болезней и эпидемий.

в) Обряды, связанные с хозяйственной деятельностью

Неотъемлемой частью традиционной культуры мордвы были также обряды, связанные с ее хозяйственной деятельностью. Основной их целью было достижение плодородия, а также оберега животных и людей от болезней и других неприятностей. Эти обряды приурочивались к определенным календарным срокам: зимнему и летнему солнцестоянию, началу или завершению каких-то полевых работ, первому выгону скота на пастбище, началу сбора меда и т. п. В эти сроки, как правило, устраивались моления языческим или позднее христианским богам, приносились им жертвы, поклонялись также и духам предков,

выступавшим как податели плодородия. Во время празднеств наблюдалось также много игровых моментов: ряжение, пляски и песни. Применялись различные символы плодородия: зерно, хлеб, обилие мучных блюд (блинов, лепешек, пирогов) в ритуальных трапезах. Использовались и другие элементы: растительность, сельскохозяйственные орудия труда, первые плоды, которые жертвовались языческим богам, а впоследствии христианским святым. Во время каких-то несчастий: засухи, эпидемий скота и массовых заболеваний людей проводились специальные ритуальные действия, которые должны были обезопасить поселение, отдельных людей и скот от этих бедствий. С этой целью проводились так называемые опаживания селений, то есть вокруг него с определенными церемониями прокладывали борозду плугом. В случае болезни одного человека или животного приглашались специальные знахари, которые также совершали моление воде, земле, огню и т. п., прося даровать здоровье заболевшим.

г) Обрядовая поэзия и мифология

С обрядами мордвы тесно связана ее обрядовая поэзия, которая является одной из составляющих ее устно-поэтического творчества. В обрядовой поэзии выделяются календарные и некалендарные жанры.

Календарная обрядовая поэзия: заклинания, заговоры (озлома), молитвы (ознома, пазморо), различные песни, все они исполнялись в определенное время года, во время тех или иных сезонных праздников. Так, в зимний период в обрядовых песнях, а также колядках и тауйсяях исполняемых во время обхода дворов на Рождество и перед Новым годом высказывались пожелания на предстоящий год о благополучии, рождении детей, преумножении скота и т. п. В весенних песнях, исполняемых на Масленицу (ивавань морот), в дни Великого поста (м. вийанамат, э. уянамат), в Вербное воскресенье (вербама морот) посвящались призыву весны, тепла и солнца, воспеванию труда и любви, некоторые из них высмеивали недостатки конкретных людей: лень, трусость, неряшливость и т. п. К этим песням примыкают троицкие, которые посвящались проводам весны. Летом в основном исполнялись заклинания, обращенные к предкам и божествам, в которых просили хорошей погоды, богатого урожая и здоровья. Осенью исполнялись благодарственные молитвы божествам за то, что они даровали людям урожай.

Некалендарные жанры обрядовой поэзии мордвы исполнялись на семейных торжествах и событиях. Богата свадебная поэзия. Во время свадебного ритуала исполнялись причитания (м. аварьфнемат, э. урнимат) невестой, ее матерью, родственницами и подружками; пес-

ни-величания, где восхваляли молодых, родню жениха и невесты; корильные песни (м. паряфтнемат, э. парявтнемат) отдельные свадебные персонажи изображались с юмором; в песнях свахи (м., э. свахань морот) давалась характеристика поезжанам, жениху и невесте. Исполнялись во время свадьбы и различные заклинания, обращенные к божествам и умершим предкам, в них содержалась просьба оказать покровительство молодой семье.

Среди произведений устно-поэтического творчества мордвы необрядового характера можно выделить семейно-бытовые песни, в которых давалось изображение каких-то трудовых процессов, нелегкую жизнь замужней женщины, ее жалоб на нелюбимого супруга, на злых свекра и свекровь. К ним примыкают песни о любви. Много песен посвящено тяжелой судьбе рекрутов и солдат, где передаются переживания солдата и его близких, они обычно кончаются описанием смерти главного героя. Подобная же картина давалась и в песнях об отходниках и переселенцах. Уход из села в них объяснялся желанием найти счастливую землю.

В песнях о разбойниках дается не описание их удачных дел, а осуждение. В мордовских песнях разбойники выступали как богачи, нажившие свое состояние за счет убийства других людей.

Большое место в мордовском фольклоре занимали эпические произведения. Они делятся на героико-мифологические, семейно-бытовые и исторические. К первым относятся песни о создании мира, о различных дохристианских божествах, о первом легендарном правителе мордвы Тюште или Тюштяне, а также о строительстве крепостей или церквей в стены, которых для того чтобы они стояли долго замуровывают младенца или девушку. В семейно-бытовых балладах находят отголоски культа медведя, который берет себе в жены мордовскую девушку.

К эпическим жанрам относятся и сказки, которые по своему характеру делятся на сказки о животных, волшебно-фантастические и бытовые. В сказках о животных основными действующими лицами являются животные, наделенные человеческими качествами. В волшебно-фантастических сказках действуют языческие мордовские божества, богатыри, колдуны и т. п. К бытовым сказкам относятся новеллы и анекдоты, рассказывающие о приключениях хитрецов и ловких людей.

4. Связь мифологии мордвы с мифологией родственных народов

По представлениям других финно-угорских народов, родственных мордве (удмуртов, марийце), носителем зла, злым божеством,

якобы приносящим людям вред, был — Хереметь. Среди мордовских языческих божеств он не значится. Однако не исключено, что он был известен и среди мордвы, но уже не как злой дух, как у удмуртов, марийцев и чувашей. Видимо, в прошлом Хереметь был одним из мордовских божеств и, как почти все божества, воплощал в себе одновременно и злые и добрые начала. Впоследствии, очевидно в силу различных обстоятельств, главным образом под постоянным давлением христианства, он мог исчезнуть.

Многие обряды финно-угров имеют единый национальный корень и единую мифологическую основу. Значительное место в верованиях марийцев, удмуртов, а так же тюрко-язычных народов занимали — аграрный культ и семейно-родовой культ предков. Обряды и праздники, связанные с земледельческим хозяйством, делились на зимние, весенне-летние и осенние.

Зимние обряды приурочивались к декабрьскому солнцестоянию и последующим за ним дням. Из весенне-летних наиболее значительными были:

тереть озкс (моление плуга), имевшее много общего с марийским ага пайрам, чувашским акатуй, башкирским и татарским сабантуй; ливтема-соавтора озкс (моление первого выгона скота).

Осенние моления посвящали убранным урожаю.

Из семейно-родовых культов наибольшее распространение имел культ предков, который особенно ярко прослеживался в похоронных и поминальных обрядах. По представлениям угро-финнов, существовал потусторонний мир, куда приходил человек после своей смерти и продолжал жить так, как на земле. И судьба души в загробном мире зависит от того, как живые исполняют все необходимые обряды. В некоторых мордовских селениях Мордовии, Пензенской области и Башкирии сохранялись пережитки древнего обычая, по которому при похоронах не успевшей выйти замуж девушки имитировалась свадьба. Гроб с ее телом, одетым в свадебную одежду, несли на кладбище подруги, исполняя при этом свадебные причитания. После погребения девушки становились вокруг могилы и исполняли хороводную песню. Поминальные обряды связаны с представлениями об участии умерших в делах живых.

IV Заключение

Ранние формы религиозных воззрений (тотемические верования, различные магические обряды, анимистические представления) довольно длительное время устойчиво сохранялись среди мордовских народов.

Мордва обожествляла все окружающее: лес, воду, землю, огонь, солнце, гром и множество других природных явлений, которые имели своих покровителей. Позже появился пантеон богов, которые олицетворяли природные силы и различные предметы.

На протяжении веков Мордва создала уникальную мифологию, которая проникла во все сферы жизни народа. И, несомненно, мифологические представления нашли свое отражение и в духовной культуре.

Именно мифология лежит в основе обрядов, народного фольклора, духовной жизни в целом. Она направляет и украшает духовную культуру, делаясь незаменимой ее частью, определяющей весь уклад жизни Мордовских народов.

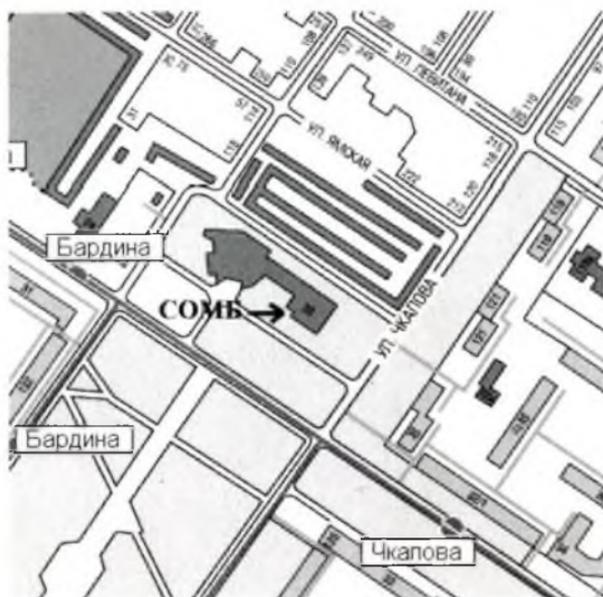
Содержание

Введение	1
<i>Суровцева Н. Г.</i> Исторические аспекты появления этносов на Урале	3
<i>Станкевич О. И., Шаймухаметова З. М.</i> Национально-религиозный стандарт образования Свердловской области: проблемы, практический опыт, перспективы	6
<i>Костерина Е.</i> Этноцентризм как социально-психологическое явление	15
<i>Жилина О.</i> Формирование и развитие этнической идентичности	23
<i>Зимирева М. С.</i> Русская колонизация Урала IX-XV веков	31
<i>Разина Е.</i> Колонизация Урала XV-XVII веков	38
<i>Алистратенко Н.</i> Колонизация Урала XVII-XVIII веков. Заселение Сылвенско-Иренского поречья, колонизация Кунгурского края	62
<i>Леонтьева Е.</i> Результаты культурного взаимодействия русских и коми-пермяков (на примере их материальной культуры)	76
<i>Усанина А. В.</i> Промысловая культура финно-угорских народов	94
<i>Хмельницкая Л.</i> Традиционная марийская культура и влияние на нее русской культурной традиции	116
<i>Богданов А.</i> Мифологические представления в духовной культуры мордвы	126

© Компьютерный набор: Е. Н. Кошкина, 2005

© Верстка, макет: С. А. Якубовский, 2005

© Свердловская областная межнациональная библиотека, 2005

Свердловская областная международная библиотека

620147 г. Екатеринбург, ул. Бардина, 28

Тел.: (343) 240-44-55, 243-17-05, 243-17-00 (факс)

Транспорт: А. 21, 42, 43, 46, 76; Т. 11 (ост. Чкалова)

E-mail: somb@somb.ru; <http://www.somb.ru>